

Н. И. Доронина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Н. И. Доронина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ

О БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ КОНФЛИКТА.
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОСКВА «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 1981

ББК 66.4(08)
Д69

ВВЕДЕНИЕ

Семидесятые годы XX столетия вошли в историю международных отношений как время глубоких положительных перемен, существо которых составили важные шаги по ограничению гонки вооружений, разрешению некоторых вооруженных конфликтов, прежде всего прекращению войны США во Вьетнаме, все более прочное утверждение и воплощение в жизнь принципа мирного сосуществования в качестве основополагающей нормы взаимоотношений государств различных социальных систем, налаживание равноправного и взаимовыгодного сотрудничества социалистических и капиталистических стран, становление новой системы международных отношений.

Такие перемены стали возможными благодаря объективному изменению соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, который становится решающим, действенным фактором, определяющим мировое общественное развитие, а также в силу отражения этого процесса в сознании, внешнеполитической теории и практике правящих кругов крупнейших капиталистических государств.

Прошедшее десятилетие было самым плодотворным за весь период послевоенного развития в смысле оздоровления международного климата, создания более благоприятных предпосылок и условий для разрешения назревших международных проблем, урегулирования конфликтно-кризисных ситуаций между государствами. Советский Союз, неуклонно следуя ленинским принципам, последовательно проводит в жизнь выработанную партией Программу мира, в которой поставлены конкретные и четкие задачи в борьбе за переход от опасности войн к мирному сотрудничеству, указан реальный

путь к окончательной ликвидации «холодной войны» и ее последствий. Итоги современного международно-политического развития свидетельствуют о том, что сделаны важные шаги на пути к достижению высоких целей миролюбивой политики социализма, которые были выдвинуты В. И. Лениным еще в первые годы существования Советского государства. «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий,— подчеркивал В. И. Ленин,— именно наш идеал...»¹.

Внешняя политика Советского государства на всех этапах его истории была направлена на мирное разрешение международных конфликтов и кризисов, полное устранение их из международной жизни. Основы этой политики были заложены В. И. Лениным, который пояснял, что «всякий мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию»².

Цели и принципы внешней политики СССР на современном этапе изложены в новой Конституции СССР, в которой подчеркивается, что Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество, стремится к достижению всеобщего и полного разоружения. В Конституции СССР нашли четкое и глубокое выражение ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, которые определяют дальнейшее развитие процессов разрядки международной напряженности. Это — величайший исторический документ нашей эпохи, являющийся убедительным свидетельством нераздельности дела мира и социализма, гуманизма ленинской внешней политики КПСС и выступающий в качестве мощного стимула борьбы за идеалы социализма, мира и прогресса.

Социалистическая внешняя политика стала важнейшим двигателем начавшейся перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования, лежащих в основе процесса разрядки. Тщательный учет объективных условий, правильное понимание соотношения сил между системами — решающего фактора в общем балансе самых разнообразных сил, взаимодействие которых отражается на содержании международных отношений,— имеют огромное теоретическое и практическое значение для определения наиболее эффективных путей воздействия на международные отношения

и все мировое развигие, помогают марксистам выявлять такие формы противостояния и борьбы двух систем, которые, не снимая коренного классового противоречия, укрепляют в мировой политике тенденцию к разрядке. «Мы, марксисты, — указывал В. И. Ленин, — гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы»³.

В современных условиях такой формой противостояния двух систем — основного противоречия нашей эпохи — становится мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем. Творчески развивая и умело применяя на практике ленинскую теорию мирного сосуществования, «КПСС исходила и исходит из того, что классовая борьба двух систем — капиталистической и социалистической — в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии будет продолжаться. Иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы. Но мы будем добиваться, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — чтобы такая исторически неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений»⁴.

Сдвиги во внешней политике буржуазных государств в сторону участия в разрядке были обусловлены в конечном счете всем ходом исторического соревнования двух противоположных социально-экономических систем, укреплением позиций социализма, нарастанием борьбы за социальное и национальное освобождение, активными действиями всех миролюбивых сил.

Изменившаяся обстановка в мире, условия, в которых формировалась и осуществлялась внешняя политика капиталистических стран в семидесятые годы, не означали, однако, изменения самой природы империализма. Послевоенный опыт международных отношений подтверждает марксистский вывод о его неизменной агрессивной сущности. В течение трети века, прошедшей со времени окончания второй мировой войны, в международных отношениях явно преобладали напряженность и конфликтность, международная обстановка характеризовалась практически непрерывной цепью агрессивных войн, развязанных империализмом. Достаточно вспомнить такие крупные акты агрессии, как корейская

война, две вьетнамские войны, длительная и кровопролитная война в Алжире, войны на Ближнем Востоке, чтобы понять, какую опасность для человечества представляет сохраняющаяся и в нынешних условиях тенденция к возрастанию агрессивности империализма.

Новая вспышка вооруженной борьбы на Ближнем Востоке в октябре 1973 года, кипрские события и греко-турецкий конфликт лета 1974 года, обострение в 1975—1976 годах, вплоть до вооруженных столкновений, конфликта между Англией и Исландией, события в Анголе и Ливане, интернационализация конфликта в Шабе (Заир), война между Сомали и Эфиопией в 1976—1978 годах, события в Афганистане, ирано-иракский вооруженный конфликт в 1979—1980 годах, а также затягивание южноафриканского узла противоречий свидетельствуют о том, что международные конфликты, вызываемые империалистической политикой, продолжали возникать в условиях разрядки и усиливаются сейчас, когда наиболее реакционные круги империалистических стран стремятся вновь навязать миру «холодную войну», нагнетают международную напряженность.

Борьба за идеалы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, за необратимость, расширение и углубление разрядки международной напряженности вступила в решающую фазу. Будучи велением времени и суровых реальностей атомного века, разрядка выгодна и нужна всем народам, в ней заинтересовано все человечество, она не имеет разумной альтернативы.

Тот факт, что в ядерный век не существует такой альтернативы, признается целым рядом буржуазных ученых, политических деятелей и представителей деловых кругов. В частности, профессор Принстонского университета С. Коэн считает, что те американцы, которые рассматривают разрядку как «улицу с односторонним движением», как «проигрышное» мероприятие, или полагают, что обе страны (США и СССР) не имеют общих интересов, могли бы открыто заявить, что они предпочитают разрядке эскалацию гонки вооружений, распространение ядерного оружия и возрастающий риск намеренного или случайного взаимного уничтожения. «Процесс, который мы ныне называем разрядкой,—подчеркивает Коэн,—начался не в 1972 году, равно как и «холодная война» началась не в 1947—1948 годах, а еще

в 1917 году... Разрядка представляет собой исторический процесс с предшествующими стадиями развития, характеризующимися как успехами, так и неудачами. На разных стадиях совершенно различные проблемы выдвигались на передний план и определяли состояние разрядки в данный момент времени — отход от военной конфронтации, культурный обмен, встречи на высшем уровне, Берлин, Куба, Ближний Восток, переговоры о разоружении, торговля, эмиграция, права человека. Важное значение имеет, таким образом, понимание того, что разрядка как протекающий ныне и в будущем процесс не определяется всецело одним или несколькими текущими событиями... Политика разрядки должна быть дальновидной и иметь перед собой историческую перспективу»⁵.

Касаясь проблемы соотношения между разрядкой и конфликтом, вокруг которой в буржуазной науке ведутся ожесточенные споры, Коэн пишет: «Даже при наилучшем стечении обстоятельств между Соединенными Штатами и СССР неизбежны жесткий торг, недовольство друг другом, отсутствие взаимопонимания, острые разногласия и открытый конфликт национальных интересов. Задачей сторон, таким образом, является постепенное сокращение этих элементов на каждой стадии. В конце концов речь идет о «разрядке» в отношениях между давними противниками с совершенно различными социальными системами, политическими традициями и установками, а не об отношениях типа англо-американских. Совершенно невозможно предполагать, что эти различия вдруг исчезнут или хотя бы значительно уменьшатся через определенный промежуток времени. Обещать разрядку без конфликта или отвергать разрядку из-за конфликта — свидетельство полного отсутствия логики»⁶.

Учитывая крайнюю противоречивость и непоследовательность внешней политики империализма, Коммунистическая партия Советского Союза, как подчеркивал Л. И. Брежнев, ставит задачу придать необратимый характер не только разрядке международной напряженности, но и реальному повороту к взаимовыгодному сотрудничеству государств с различным общественным строем. «Жизнь требует плодотворного сотрудничества всех государств во имя решения мирных, конструктивных задач...»⁷. Эти задачи приобретают особую актуаль-

ность на рубеже 70—80-х годов, когда силам империалистической реакции удастся заметно осложнить обстановку в мире. «Американский империализм и его пособники,— подчеркнул Н. А. Тихонов в своем выступлении на торжественном заседании, посвященном 63-й годовщине Великого Октября,— пытаются изменить объективный ход мирового развития, нарушить примерное равенство в военной стратегической сфере. Они стали на путь подрыва разрядки, нагнетания международной напряженности, усиления гонки вооружений, авантюристических действий в различных районах земли, воинствующего антисоветизма»⁸.

Однако новый этап в развитии международных отношений, отражая изменившееся соотношение сил, формирует объективную основу для сохранения разрядки международной напряженности. Ее движущие силы настолько велики, что противникам разрядки становится все труднее противодействовать развернувшемуся процессу преобразования системы международных отношений на справедливых, демократических основах. Реальности разрядки ставят жесткие пределы маневрированию империалистической реакции, избравшей развязывание, провоцирование и использование международных конфликтов и кризисов традиционным средством борьбы против основных революционных сил современности. Смысл разрядки заключается в обеспечении жизненно важных интересов человечества. Бывший сенатор США Дж. Макговерн писал, что разрядка не является «вариантом» политики в общепринятом смысле этого слова, поскольку других разумных вариантов не существует. Единственная альтернатива разрядке — бесконечная «холодная война», повторяющиеся кризисы, гонка вооружений, требующая все больших расходов и порождающая все большую опасность⁹.

Проблема войны и мира всегда была объектом острейшей идеологической борьбы. В наши дни фронт этой борьбы все больше охватывает сферу теоретической разработки международных отношений в целом и международного конфликта в частности. Буржуазные теоретики уделяют большое внимание происходящим в мире переменам, пытаются осмыслить новые процессы и явления, найти для них научное обоснование. Наряду с многочисленными исследованиями международных конфликтов, авторы которых мыслят категориями империа-

листической политики «с позиции силы», появляются более серьезные, относительно трезвые работы ученых, выступающих за разрядку международной напряженности, переговоры, проведение политики мирного сосуществования в межгосударственных отношениях.

Отдельные буржуазные исследователи, анализируя наметившиеся еще на исходе 60-х годов тенденции международного развития, предполагали, что в качестве одного из вариантов будущей системы международных отношений возможно появление «системы разрядки». Так, характеризуя состояние разрядки, американский исследователь М. Каплан писал, что «это будет мир, в котором США и СССР все еще сохранят активное соперничество друг с другом, но это соперничество будет бесконфликтным». Он не отрицал возможности возникновения в такой системе самых различных конфликтов и даже войн, но в них, по его мнению, не будут вовлечены Соединенные Штаты и Советский Союз, по крайней мере до уровня непосредственной конфронтации. Таким образом, возникающие войны будут ограниченными по масштабам, по степени воздействия на состояние международных отношений, будут иметь «жестко ограниченные цели» и при ведении этих войн не будет использоваться ядерное оружие¹⁰. Каплан предусматривал и то, что Советский Союз и Соединенные Штаты Америки будут стремиться способствовать урегулированию возникающих конфликтов, заботясь о том, чтобы они не развивались до масштабов, угрожающих развязыванием ядерной войны.

Показательно, что важнейшим элементом теоретических исследований буржуазных специалистов в области международных отношений стали попытки осмыслить и объяснить изменившееся соотношение сил в мире, пересмотреть традиционные взгляды на роль военной силы. Однако большинство буржуазных теоретиков по-прежнему заняты поисками путей рационализации форм и способов использования военной силы на международной арене. Подобные изыскания отражают мировоззрение тех влиятельных реакционных сил правящего класса, которые в своих расчетах на срыв разрядки возлагают большую надежду на международные конфликты, периодически вспыхивающие международно-политические кризисы, служащие главной формой применения военной силы на международной арене.

Понятна в этих условиях актуальность марксистского критического анализа буржуазных теорий международного конфликта. Необходимость такого анализа вызвана тем, что теоретические разработки буржуазных ученых нередко питают мысль официальных политиков империализма, в определенной степени служат им в повседневной практике, воздействуют в той или иной мере на формирование внешнеполитических доктрин США и других капиталистических государств. По свидетельству американского исследователя, профессора Южнокалийфорнийского университета Л. Уэттена, в основу «доктрины Никсона», определявшей в конце 60 — начале 70-х годов внешнеполитический курс США, и особенно представлений бывшего президента США и его ближайшего окружения о характере системы современных международных отношений («пентагональной» * системы) легли модели К. Дойча и Д. Сингера, М. Каплана, Р. Роузкранца, О. Янга¹¹. Фундаментом для внешнеполитической доктрины президента Картера послужили идеи «трехсторонности» **, содержащиеся в работах З. Бжезинского и других авторов¹².

Практическая связь теоретических концепций с конкретными внешнеполитическими действиями осуществляется не автоматически, не непосредственно, а через сложные лабиринты процесса принятия решений. Тем не менее дистанция между теорией и практикой, особенно в США, в последнее время несколько сократилась, поскольку, с одной стороны, нынешнее поколение «творцов» внешней политики воспитано на философско-теоретических взглядах академического мира, с другой стороны, перед буржуазной наукой международных отношений с особой остротой поставлена задача отыскать действенное орудие приспособления современного империализма к изменившимся сложным условиям политической и идеологической борьбы на мировой арене.

Теоретические концепции международного конфликта, поставленные на службу внешнеполитической прак-

* «Пентагональная» система, согласно ее авторам, состояла из пяти взаимоуравновешивающих центров силы — СССР, США, Западной Европы, Японии, КНР.

** Согласно представлениям авторов, главные «центры силы» в будущей международной системе будут образовывать два глобальных «треугольника»: военно-политический «треугольник соперничества», состоящий из СССР, США и КНР, и политико-экономический «треугольник партнерства» — США, ЕЭС и Япония.

тике, служат вместе с тем и важным средством идеологической борьбы. Особое значение на Западе придается концепциям, которые в целях маскировки подлинных классовых мотивов современной буржуазии используют идеи, развивающиеся в русле гуманистической и социально-критической мысли, например, исследования проблем мира. В связи с этим все более высокие требования предъявляются марксистско-ленинской критике буржуазных теорий, в ходе которой должен решаться целый комплекс исследовательских задач, включая научное изучение реальных проблем, поставленных буржуазной наукой, а также проводиться тщательный анализ идей, лежащих в основе тех или иных концепций. Подчеркивая необходимость дальнейшей творческой разработки марксистско-ленинской теории, XXV съезд КПСС поставил новые задачи перед учеными-международниками. В Отчетном докладе ЦК КПСС отмечалось: «Все больше увеличивается значение научного исследования кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единства различных его потоков, соотношения борьбы за демократию с борьбой за социализм, противоборства сил в главном вопросе современности — в вопросе о войне и мире»¹³.

В советской литературе имеется ряд фундаментальных работ по общей критике современных философских концепций и социологических теорий империализма (Г. М. Андреева, Б. А. Шабад)¹⁴. Критика буржуазных теорий международных отношений и немногие специальные критические исследования отдельных концепций международного конфликта были предприняты В. И. Гантманом, А. В. Дмитриевым, Д. В. Ермоленко, А. Карениным, В. Н. Келиным, А. А. Кокошиным, В. А. Кременюком, Ф. В. Константиновым, В. М. Кулагиним, Э. П. Пастернаком, Л. А. Петровской, В. Ф. Петровским и некоторыми другими авторами¹⁵.

В данной работе поставлена задача рассмотреть с марксистско-ленинских позиций важнейшие методологические и политические основы теоретических построений буржуазных, преимущественно американских, авторов в области международного конфликта; показать научную несостоятельность их претензий на создание «общей теории конфликта», которую буржуазная наука стремится противопоставить марксистско-ленинской тео-

рии общественного развития; дать критическую оценку социально-политических выводов и практических рекомендаций буржуазных ученых в отношении «управления» международными конфликтами. Все это — вопросы, которым до сих пор не посвящалось отдельных исследований и которые сравнительно мало затрагиваются в трудах более общего характера. Внимание уделяется главным образом тем наиболее значительным работам буржуазных теоретиков, которые еще не получили достаточного освещения в нашей литературе.

Фундаментальные принципы анализа конфликтов, образцы научной критики субъективистских воззрений буржуазных ученых и политиков на происхождение и сущность войн разработаны в трудах классиков марксизма-ленинизма¹⁶. Историческая и теоретическая оценка международного конфликта нашла выражение в анализе К. Марксом и Ф. Энгельсом многих войн, современниками которых им довелось быть: Крымской войны 1853—1856 годов, австро-итальянской войны 1859 года, гражданской войны в США 1861—1865 годов, австро-прусской войны 1866 года, франко-прусской войны 1870—1871 годов, колониальных войн и восстаний XIX века. Развивая теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса, защищая их взгляды на истоки и характер войн, В. И. Ленин разработал учение о войнах периода империализма, раскрыл диалектику взаимосвязи вопросов войны, мира и революции в новую историческую эпоху. Важное методологическое значение для данной работы имеет ленинский подход к типологии и классификации войн, учитывающий характер эпохи и ее особенности.

Источником для научно обоснованной критики буржуазных теорий международного конфликта послужили материалы мирового коммунистического движения, программные документы КПСС, принятые на XX—XXVI съездах партии. В них творчески развиты применительно к современной международной обстановке марксистско-ленинские идеи по теоретическим и практическим вопросам войны и мира, анализируемые в тесной связи с проблемами мирового революционного процесса. Конкретный исторический анализ и теоретическое обобщение основных международных конфликтов современной эпохи содержатся в работах известных советских ученых-международников Г. А. Арбатова, О. Н. Быкова,

В. И. Гантмана, Анат. А. Громыко, Д. В. Ермоленко, В. В. Журкина, И. М. Ивановой, Н. Н. Иноземцева, Н. И. Лебедева, Ю. М. Мельникова, Е. М. Примакова, Д. М. Проэктора, Ш. П. Санакоева, Д. Г. Томашевского, В. Г. Трухановского, Ю. А. Юхананова и др.¹⁷

Первым и весьма успешным опытом системного, построенного по принципу сочетания теоретического и конкретно-исторического подходов исследования международного конфликта явилась коллективная монография сотрудников Института мировой экономики и международных отношений и Института США и Канады АН СССР под названием «Международные конфликты». Основным ее достижением стала дальнейшая разработка международного конфликта как одной из важнейших категорий марксистско-ленинской теории международных отношений, и в особенности исследование типов и видов современных международных конфликтов, выявление классовой природы и социально-политического содержания конфликта, его структуры и фаз развития¹⁸. Книга дает богатый фактический и аналитический материал по конкретным международным конфликтам, вызванным политикой империализма в Индокитае, на Ближнем Востоке и в других районах мира, помогает определить основные направления критики буржуазных теорий, выделить те основные вопросы, по которым существуют принципиальные разногласия между марксистскими исследователями и буржуазными учеными.

Основы системного подхода к исследованию международных отношений в целом разрабатываются Э. А. Поздняковым¹⁹.

Тема данной работы и поставленные в ней задачи обусловили необходимость рассмотрения большого количества исследований буржуазных авторов. В современной буржуазной науке международных отношений сложилось весьма формальное и условное деление теоретических исследований на «традиционные», или «классические», и «модернистские», или «сайентистские». К первым относятся исследования преимущественно философского, правового и исторического характера, посвященные конкретным международным конфликтам прошлого и настоящего либо претендующие на теоретико-концептуальное значение. Внутри «традиционного» направления в буржуазной научной литературе принято особо выделять школу «политического реализма», пред-

ставленную видными учеными и известными политическими деятелями Запада Г. Моргентхау, Дж. Боллом, Дж. Кеннаном, К. Томпсоном, Ч. Маршаллом, Р. Стратус-Хьюпе, А. Саидом, Ч. Лерче, Ч. Йостом, У. Кинтнером, М. Шульманом, А. Бьюкеном, Дж. Фрэнкелом и многими другими²⁰. Эта школа, несмотря на рост влияния в 60—70-х годах «модернистского» направления, остается ведущей в буржуазной науке международных отношений, продолжает направлять социально-политическое мышление большинства исследователей в области международного конфликта.

«Модернистские» теории весьма многообразны по своему содержанию, но их всех объединяет структурно-функциональный подход к исследованию международных отношений, предполагающий использование логико-математических средств и новейшей электронно-вычислительной техники. «Модернистов» отличает и так называемый «управленческий» подход к решению проблем конфликта. Анализ международного конфликта в рамках «модернистского» направления ведется такими буржуазными теоретиками, как К. Райт, М. Каплан, К. Дойч, Ч. Маклелланд, Р. Роузкранц, Б. Рассетт, А. Рапопорт, К. Боулдинг, Й. Галтунг, У. Стерлинг, С. Брамс и многие другие²¹.

Определенного внимания заслуживает разделение буржуазных исследователей на сторонников изучения международного конфликта в рамках «общей теории конфликта» и приверженцев более узких, частных теорий конфликта. При конструировании «общей теории» предпринимаются попытки объединения в некую единую концептуальную схему всех видов социального конфликта: от семейных ссор до межгосударственных конфликтов в их самой острой форме — военном столкновении. Виднейшими представителями этого течения являются К. Боулдинг, К. Дойч, М. Дойч, А. Рапопорт, Дж. Бёртон, Й. Галтунг и др.²² Работы сторонников частных теорий конфликта отличаются в основном более узким предметом исследования. Это работы К. Райта, О. Янга, Н. Чоукри, Р. Норта, Р. Тантера, М. Мидларского, Л. Блумфилда, А. Лейсс, М. Хааса, Р. Фишера, М. Говарда, Б. Крозье, Э. Луарда и других буржуазных авторов²³.

Какими бы существенными на первый взгляд ни могли показаться разногласия буржуазных специалистов

в вопросе о предмете и методе исследования, сфера совпадения интересов между «традиционалистами» и «модернистами» оказалась гораздо шире и глубже этих разногласий. «Сейчас мы достигли стадии, — признает английский исследователь Дж. Фрэнкел, — когда начинается конвергенция изолированных подходов, новое применение находят собранные данные, значительно более определенный характер приобретают различные типологии и все более общее признание получают некоторые концепции, особенно концепции поведения государств в кризисных ситуациях, двусторонних отношений государств и соотношения внутренней и внешней политики»²⁴.

Важное значение с точки зрения основных задач данной работы имеет выделение более специфических сфер исследования международного конфликта, появившихся за последние два десятилетия под влиянием перемен, происходящих в системе международных отношений.

На рубеже 50 — 60-х годов в связи с ослаблением военно-стратегических позиций империализма и общим изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма в буржуазной науке наблюдается резкое повышение интереса к так называемым стратегическим исследованиям в области международного конфликта. Эти исследования становятся ныне относительно самостоятельным направлением буржуазной науки международных отношений, в рамках которого непосредственным изучением международных конфликтов занимаются «профессиональные стратеги» (или «гражданские милитаристы») Г. Канн, Т. Шеллинг, Х. Болдуин, Б. Броди, Дж. Коллинз, А. Вольстеттер, М. Гальперин, Г. Снайдер, К. Норр, Г. Киссинджер, Р. Такер, Р. Осгуд, А. Джордж, Р. Смоук и др.²⁵ Милитаристские концепции «профессиональных стратегов» призваны определить формы и приемлемые масштабы применения военной силы для достижения целей империалистической внешней политики, разработать наиболее гибкие способы поведения в военных конфликтах. Интенсивный поиск новых, разработанных с учетом происходящих в мире изменений форм и способов применения силы проводится в тесном контакте с правительственными органами. Это обеспечивает определенное, а иногда и прямое влияние рекомендаций «профессиональных стратегов» на форми-

рование политических и военных доктрин правящих кругов США.

Настоятельная необходимость пересмотра традиционных методов и средств внешней политики империализма нашла свое отражение в исследовании буржуазными теоретиками конфликта таких вопросов, как общие закономерности ведения и окончания «ограниченных войн», которые на протяжении прошедшего десятилетия считались наиболее эффективной формой применения силы²⁶. Изучение механизма управления этими войнами, путей понижения стоимости американского «участия» в локальных конфликтах стало предметом теоретических исследований группы сотрудников Массачусетского технологического института, ведущихся под руководством проф. Л. Блумфилда с 1965 года. Эти вопросы разрабатываются также в трудах целого ряда других авторов.

Вместе с тем в буржуазной литературе за последние годы возрастает число работ, авторы которых заняты более или менее конструктивными поисками эффективных инструментов разрешения международных конфликтов, анализом реальных возможностей предотвращения вооруженных конфликтов в отношениях между государствами. Как правило, такие работы ведутся в рамках либерально-пацифистского по своей сути исследования проблем мира, представляющего собой ныне одно из самых широких направлений буржуазных исследований международных отношений.

У ученых, занятых анализом этого комплекса вопросов (И. Галтунг, А. Рапопорт, О. Холсти, Р. Фолк, С. Мендловитц, Б. Стэнфорд, Ч. Йост, А. Этциони, С. Хоффман и многие другие²⁷), нет общего мнения о предмете и задачах исследования проблем мира, его соотношении с традиционными научными дисциплинами и даже о самой цели исследования. Одни авторы включают в предмет таких исследований международные конфликты, способы и приемы их разрешения, организацию и руководство действиями, направленными на предотвращение войны и установление мира, выработку мер по контролю над вооружениями и разоружением (А. Рапопорт). Другие считают, что область исследований мира охватывает не только международные конфликты и войны, но и совокупность других социальных конфликтов (И. Галтунг). Все это требует диффе-

ренцированного подхода к оценке отдельных работ, критике выводов и социально-политических рекомендаций, содержащихся в них.

В соответствии с задачами исследования данную работу можно условно разделить на две части. Первая часть посвящена изучению методологии буржуазных исследований конфликта, включая проблемы определения понятия конфликта, типологии и классификации международных конфликтов. Критическому анализу подвергаются основные исследовательские принципы буржуазных теоретиков конфликта, в частности структурно-функциональный метод. Подробно рассматриваются «теория выживания» и «теория поля», лежащие в основе сконструированных буржуазными авторами моделей «конфликтного поведения» социальных единиц. Особое внимание уделяется попыткам создания «общей теории конфликта».

Во второй части работы содержится анализ постановки в трудах буржуазных авторов проблемы «управления» международными конфликтами, выделившейся в 60—70-е годы в относительно самостоятельную область исследований. Показаны как общие их представления о «стратегии управления конфликтом», так и конкретные рекомендации относительно основных способов и средств воздействия на возникновение, развитие и исход международных конфликтов в интересах правящих классов империалистических государств. В рамках науки об управлении возникла специфическая область исследований, получившая название теории «разрешения конфликта». Поэтому автор данной работы рассматривает эту теорию как составную часть более общей проблемы управления конфликтом.

Основной акцент в монографии делается на изучение новых концепций, отражающих своеобразие нынешнего этапа в развитии международных отношений.

Критический анализ различных буржуазных концепций международного конфликта может дать более углубленное представление о стратегии и тактике правящих кругов капиталистических стран на международной арене. Именно в научных исследованиях, в противоположность официальным заявлениям, можно выявить реальные, а не декларируемые цели и направления, методы и приемы внешней политики империалистических государств.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЖУАЗНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА

Стремление современного государственно-монополистического капитализма к повышению роли науки во всех сферах управления государственной деятельностью, в том числе внешнеполитической, его общая заинтересованность в познании сложных путей мирового развития в нашу эпоху ставят перед буржуазной наукой международных отношений новые задачи, прежде всего методологического характера.

Общее состояние буржуазной науки международных отношений в послевоенные годы, вплоть до последних лет, определяется гипертрофированным развитием в ней эмпирической тенденции. Усилия буржуазных ученых направлены в основном на разработку исследовательской техники, процедуры и методики изучения конкретных проблем в сравнительно узких областях международных отношений. Работа большого числа сотрудников Центра международных исследований Массачусетского технологического института в течение многих лет начиная с 1965 года сводилась, например, к разработке методики автоматизированных систем сбора, хранения и передачи информации о локальных конфликтах послевоенного периода для ускорения и облегчения принятия решений по вновь возникающим конфликтам, их сдерживанию, контролю за их развитием и разрешением¹.

Наряду с этим, особенно на рубеже 60-х годов, принимались и попытки теоретического осмысления полученных результатов, создания на основе эмпирических данных теоретических схем и конструкций. Общим как для эмпирических исследований, так и для теоретических изысканий буржуазных авторов является изучение ими международного конфликта с позиций эклектического смешения различных, зачастую противополож-

ных философских взглядов, методологических посылок, политических оценок. Поиски единой методологической основы, в частности в виде «общей теории конфликта», сводятся к простому, чаще всего механическому соединению отдельных идей, концепций и понятий из самых различных областей современной науки, журналистики и даже религиозных учений.

Показательны в этом смысле рассуждения авторов книги «Конкурирующие теории международных отношений» Дж. Догерти и Р. Пфальцграфа, которые считают, что если такая теория и будет когда-либо создана, то она должна «включать в себя отдельные элементы из биологии, психологии, социальной психологии, социологии, антропологии, истории, политической науки, географии, экономики, теории коммуникации и организации, теории игр и имитаций, теории стратегии и принятия решений, теории систем и интеграции и даже религиозно-теологического отражения»².

Всесторонний анализ определения буржуазными авторами понятия и предмета исследования международного конфликта, всего концептуального аппарата, разрабатываемого для теоретического исследования, а также применения ими структурно-функционального и ряда других методов при изучении конфликта может послужить определенным вкладом в развитие марксистско-ленинской теории международных отношений и изучение в ее рамках международного конфликта.

Глава 1

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА. ПРОТИВОРЕЧИЕ И КОНФЛИКТ

Эклектичность методологии исследований международного конфликта в буржуазной науке, множественность подходов и разногласия авторов выявляются прежде всего в определении международного конфликта. Отдельные буржуазные авторы, подводя итоги исследований в области международного конфликта, отмечают необычайную терминологическую и концептуальную путаницу, пестроту критериев в подходе к определению понятия международного конфликта и классификации конфликтов, крайне неудовлетворительное состояние научного языка¹. Теоретические исследования этого плана

ведутся чрезвычайно разнородной по своему составу группой авторов, как правило, пришедших в буржуазную науку международных отношений из самых различных областей современной науки — экономики, биологии, математики, психологии, антропологии и др.

Это относится в первую очередь к исследованиям международного конфликта в рамках «общей теории конфликта», результаты которых публиковались в созданном в 1957 году «Джорнэл оф конфликт резолюшн». Общим для авторов, сотрудничавших в этом журнале, явилось стремление, используя отдельные научные достижения в разных областях знания, найти ключ к «управлению» всеми видами социальных конфликтов, и прежде всего международных.

В условиях, когда единая методология исследования международных конфликтов отсутствует, каждый специалист вносит свой «вклад» в существующую путаницу терминов и понятий. Экономисты предлагают рассматривать конфликт как один из специфических видов конкуренции. Поэтому термины «конфликт» и «конкуренция» они часто употребляют взаимозаменяемо. Психологи предпочитают говорить о «напряженности», «трениях», «стрессе», другие специалисты — о «спорах», «опозиции», «антагонизмах», «ссорах», «играх», «дебатах» и т. п.² Часто одни и те же термины используются различными авторами в разных значениях. Многие теоретики вообще не придают никакого значения вопросу о четких определениях и ясной терминологии.

Наиболее характерным для современных теоретических исследований международного конфликта является то, что каждый ученый создает свою терминологию и предлагает сложные определения, заведомо ограниченные рамками каждого данного исследования. Отдельные авторы, явно озабоченные перспективами дальнейшего развития буржуазной науки международных отношений, ставят вопрос об унификации «языка» исследований конфликта. Для решения этой проблемы выдвигаются самые различные предложения: от ограничения отдельного термина одним из его нескольких значений до замены неопределенных многозначных терминов новыми, более ясными и четкими. По мнению профессора Мичиганского университета К. Финка, «упорядочение терминологии может быть проведено лишь в определенных теоретических рамках, т. е. в рамках «общей теории

социального конфликта»³. С помощью этой теории можно было бы, по замыслу ее сторонников, претендовать на обобщенный анализ всех мыслимых форм абстрактно понимаемого социального конфликта: столкновения отдельных личностей, внутрисемейных трений, конкурентной борьбы монополий, гражданских войн, военных переворотов, всех типов международных конфликтов, независимо от их исторической и социально-политической природы.

С терминологической путаницей сопряжена (и определяется ею во многом) теоретико-смысловая разнородность понятий конфликта. Подробно изучив подходы современных буржуазных исследователей к определению понятия «социальный конфликт», сопоставляя и сталкивая между собой различные точки зрения, Финк, например, предложил следующее определение: «Социальный конфликт — это любая социальная ситуация или процесс, в котором две или более социальные единицы связаны по крайней мере одной формой антагонистических психологических отношений или одной формой антагонистического взаимодействия»⁴. К «психологическим антагонизмам» автор относит «несовместимость целей», «взаимоисключаемость интересов», «эмоциональную враждебность» и т. п.; под «антагонистическим взаимодействием» он понимает взаимодействие «от самых прямых и нерегулируемых способов борьбы до высоко регулируемых форм взаимного вмешательства»⁵.

Рассматривая антагонизм как наиболее общий элемент всех конфликтов, Финк избрал его стержнем своего определения. Однако, вопреки всякой логике построения научных дефиниций, он признает, что понятие антагонизма само остается пока неопределенным. Тем не менее в разъяснениях Финка предпринимаются попытки лишить понятие антагонизма его подлинного смысла и содержания, вырисовывается явное намерение создать новую всеобщую теорию развития путем смешения категорий противоречия и конфликта.

Реальные антагонистические противоречия, выступающие в качестве объективной основы, причины и движущей силы важнейших социальных конфликтов как внутри буржуазного общества, так и в международных отношениях, подменяются в работах буржуазных специалистов понятиями «несовместимость», «взаимоисключаемость», «враждебность» и т. п., позаимствованны-

ми из психологии и других более далеких от международных отношений областей научного знания. Изображая любое противоречие на любой стадии его развития, включая самую начальную стадию, в качестве реально существующего конфликта, буржуазные теоретики искажают сложный исторический процесс развития конфликта из противоречия, подлинное соотношение между ними в ходе развития конфликтной ситуации и ее разрешения.

Одним из наиболее распространенных в буржуазной литературе подходов к определению понятия социального конфликта, а в его рамках и международного конфликта является подход, обусловленный различными экономическими теориями. В частности, известный американский социолог и экономист К. Боулдинг рассматривает конфликт как «ситуацию, в которой стороны осознают несовместимость будущих потенциальных позиций (или состояний), и каждая стремится занять позицию, несовместимую со стремлениями другой»⁶. Это определение приводится в более поздних работах многих других буржуазных исследователей как одно из самых удачных определений, отражающих сущность конфликта — взаимодействие сторон, осознающих взаимную «несовместимость» позиций⁷. Здесь Боулдинг действительно приближается к пониманию отличия конфликта от противоречия. Только преломившись через сознание и практические действия людей, объективные противоречия превращаются в социальный конфликт. Однако противоречие, в его представлении, выступает лишь в качестве «несовместимости» абстрактных ценностей, интересов, потребностей. В таком толковании международного конфликта утрачивается его специфика как политического отношения, воспроизводящего в острой форме лежащие в его основе экономические, политические, идеологические, национальные и другие противоречия.

Боулдинг пытается провести концептуальное различие между понятиями конкуренции и конфликта, обращаясь к сравнительному анализу «конкуренции фирм за рынок» и «конкуренции государств за территорию». По его мнению, «конкуренция фирм постоянна и продолжительна, а конкуренция государств отмечена драматическим чередованием войны и мира»⁸. В свое время ведущий американский конфликтолог К. Райт предложил более глубокое разграничение этих понятий в

соответствии с различными характеристиками поведения сторон. Конфликт, согласно Райту, есть «противостояние социальных единиц, направленных друг против друга», в отличие от конкуренции как «противостояния социальных единиц, независимо друг от друга прилагающих свои усилия к тому, достижение чего далеко не в равной степени удовлетворит всех». Конфликт, таким образом, характеризуется «взаимным вмешательством сторон», конкуренция — их «параллельными устремлениями»⁹.

А. Рапопорт считает, что «конкуренция обычно принимает форму легитимизированного конфликта, регулируемого определенными правилами. Действия участников могут (равно как и не могут) быть направлены друг «против» друга в смысле попыток воспрепятствовать достижению целей противником. «Классические» европейские войны восемнадцатого столетия можно также отнести к «конкуренции» ... Государства, по существу, соперничали из-за силы и престижа»¹⁰.

Подобный подход, предполагающий использование терминов «конкуренция» и «конфликт» как синонимов, был назван М. Дойчем «результатом фундаментального заблуждения»¹¹. По его мнению, конфликт имеет место только тогда, когда налицо несовместимые действия двух или более индивидуумов, групп или государств.

Если попытаться свести вместе все разбросанные в многочисленных работах исследователей социального конфликта характеристики, отличающие конфликт от конкуренции, то складывается приблизительно следующая картина: конкуренция преподносится как регулируемая, скрытая, косвенная, бессознательная, безличная, длительная борьба, сосредоточенная на каком-то недостающем объекте и ведущаяся с применением мирных ненасильственных средств и методов. Она предполагает элементы неантагонистического взаимодействия, т. е. сотрудничества, характеризуется либо отсутствием, либо слабой степенью коммуникации и является полезной конструктивной (неразрушительной) для системы. Исход конкурентной борьбы во многом зависит от решения некоей третьей стороны, которая контролирует цель борьбы и на которую конкуренты стремятся оказать соответствующее влияние.

В отличие от конкуренции, конфликт рассматривается как нерегулируемая, открытая, прямая, сознатель-

ная, личная, периодическая борьба, сосредоточенная на оппоненте и ведущаяся с применением насильственных методов¹². В конфликте, как правило, отсутствуют элементы сотрудничества, что вытекает из несовместимости, взаимоисключаемости ценностей и целей, преследуемых сторонами, но коммуникация является необходимым условием, без которого невозможно взаимное вмешательство. Конфликт носит разрушительный характер, поскольку основная цель борьбы заключается в поражении оппонента¹³.

Существует, однако, и другая точка зрения относительно характера и значения конфликта¹⁴. В частности, «позитивные» функции конфликта наряду с «негативными» рассматривались специалистами в области социальной психологии, а также непосредственно учеными-международниками¹⁵. Провозглашая тезис о «естественности войны», путая понятия противоречия, конфликта и войны, К. Райт, например, узаконивает войну как «вечный» инструмент социальных изменений. Война или угроза войны, уверяет он, вносит вклад в развитие и распространение культуры и институтов современной цивилизации на весь мир, служит инструментом построения национальных государств, сохранения мира и стабильности внутри них и поддержания международной системы независимых государств¹⁶. Однако в современную эпоху, рассуждает далее Райт, деструктивные последствия войны начинают «перевешивать» ее конструктивный эффект. Война в XX столетии приобретает дисфункциональный характер. «Война вступила в противоречие с идеалами религии, положениями современной философии, целями мировой экономики и политики... Чем мощнее становится военная машина, тем очевиднее, что война несет потери, неизмеримо большие, чем предполагаемые приобретения ее участников»¹⁷. Несмотря на свои крайне противоречивые взгляды на войну как социальный феномен, Райт остается убежденным сторонником ее устранения из жизни человеческого общества. В новом издании книги «Исследование войны» он писал, что «рациональное решение проблемы войн зависит от эффективности международно-правовых принципов мирного сосуществования и международной организации, призванной поддерживать их соблюдение и обеспечивать коллективную безопасность в интересах прогресса человечества»¹⁸.

К воззрениям Райта близка по своей сути и концепция «социальных изменений» английского ученого-конфликтолога Дж. Бёртона, который считает, что изменения в системе международных отношений необязательно должны ставить под угрозу мир. По его мнению, конфликты, хотя они и продолжают возникать, больше не являются единственным инструментом социальных изменений.

Преимущественное значение приобретают в наше время мирные отношения, которые и выполняют функцию изменения мира.

Из современных американских исследователей конфликта, выступающих с позиций социально-психологического подхода к изучению его характера, можно назвать М. Дойча¹⁹. К «позитивным» функциям конфликта, по его мнению, можно отнести то, что конфликт предотвращает стагнацию, стимулирует интерес и любознательность, служит средством, с помощью которого можно ставить проблемы и приходить к решениям, представляет собой корень личностных и социальных перемен. «К счастью,— заключает автор,— никто не стоит перед перспективой бесконфликтного существования. Конфликт не может быть ни изжит навечно, ни сдерживаться на протяжении долгого времени»²⁰. Основной вопрос, который рассматривает в своих трудах Дойч,— как предотвратить деструктивный конфликт. «Цель состоит не в том,— подчеркивает он,— чтобы устранить или предотвратить конфликт, а в том, чтобы найти способ сделать его продуктивным»²¹. В рассуждениях Дойча вновь проявляется столь характерное для буржуазных общественных наук смешение понятий противоречия и конфликта.

Возвращаясь к сопоставлению основных характеристик конкуренции и конфликта, строго выдержанных в духе буржуазной эмпирической социологии и буржуазной политической экономики, доказывающих якобы неантагонистический, регулируемый характер капиталистической конкуренции, ведущейся ненасильственными средствами, можно констатировать, что буржуазные исследователи либо не способны, либо не хотят выделить главное в социальных конфликтах современности — объективные противоречия, борьбу классов как внутри капиталистических государств, так и на международной арене.

Раскрывая суть важнейшего положения диалектики о материалистическом монизме в его применении к социальной системе, Ф. Энгельс писал: «... Всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства»²².

Содержание международного конфликта как политического явления в конечном счете обусловлено экономическими отношениями. Политические отношения, определяющие суть международного конфликта, имеют в своей основе классовые отношения, выражая коренные интересы классов в концентрированном и преломленном виде.

С претензией на наиболее широкое определение социального конфликта выступил западногерманский социолог Р. Дарендорф, известный в буржуазной науке как сторонник создания «теории классового конфликта». Понятие конфликта употребляется им для обозначения соперничества, конкуренции, споров и трений, а также для обозначения столкновений между социальными силами. «Все отношения между совокупностями индивидуумов, которые связаны с несовместимостью их устремлений, т. е., говоря в самой общей форме, со стремлением обеих сторон заполучить то, что доступно лишь одной из них, являются в этом смысле отношениями социального конфликта... Конфликт может принимать форму гражданской войны или парламентских дебатов, забастовки или хорошо регулируемых переговоров»²³.

В данном случае «широта» определения понятия конфликта не может считаться его достоинством. Задавшись целью вместить в одно определение все типы социального конфликта, автор упускает из виду самые необходимые требования, предъявляемые к формулированию определений и понятий. Определение Дарендорфа не отражает сущности изучаемого явления, не обобщает его важнейших признаков, не уточняет и значения существующего термина. Дарендорф склонен говорить

об отношениях между «совокупностями индивидуумов» и о «несовместимых различиях в их устремлениях», в то время как на деле определяющую роль в важнейших социальных конфликтах современности играют классы и их организации, преследующие в этих конфликтах антагонистические классовые цели.

Для английских специалистов также является характерным подход к пониманию международного конфликта с позиций «общей теории». В частности, Дж. Фрэнкел исходит из посылки о том, что «отношения между группами людей тождественны взаимоотношениям отдельных людей, только они никогда не базируются на чистой любви и лишь в редких случаях — на чистом страхе и ненависти»²⁴. Фрэнкел выделяет три основных типа отношений. «Два крайних типа взаимоотношений между группами,— пишет он,— называют часто сотрудничеством, в случае если между ними нет конфликта, и борьбой, если конфликт между ними является настолько острым, что делает неприемлемым компромисс (взаимное приспособление) и уничтожение оппонента становится единственной задачей. Большинство ситуаций между этими двумя типами взаимоотношений можно назвать конкуренцией. Здесь конфликт существует, но не является абсолютным, так как смягчается некоторой общностью интересов и часто заканчивается компромиссом»²⁵.

Теоретические представления Фрэнкела о конфликте и его роли в современных международных отношениях получили дальнейшее развитие в книге «Международная политика. Конфликт и гармония»²⁶, где автор пытается доказать функциональный характер конфликта. Переплетение двух основных способов социального взаимодействия — конфликта и гармонии,— их колебания как крайних полюсов и определяют, по мнению Фрэнкела, динамику международного развития.

Другой известный английский специалист в области исследований международного конфликта — директор Центра по анализу конфликта при Лондонском университетском колледже Дж. Бертон концентрирует свое внимание на «конфликтном поведении общин и государств, которое включает такие изменяющиеся компоненты, как перцепция (восприятие) внешних условий, выбор целей и ценностей, а также различных средств для достижения целей и оценки ценностей»²⁷. Для Бёр-

тона антагонизм между социальными группами объясняется недоразумением, неправильным восприятием, неверными интерпретациями официальных заявлений, предрассудками, нереалистической оценкой поведения других государств, препятствиями к коммуникации. Он решил подойти к проблеме теоретического осмысления конфликтов путем эмпирического анализа «поведения сторон в одном из конкретных конфликтов». Выводы, сформулированные им на основе такого исследования, распространяются на конфликты вообще.

Выступая за развитие «общей теории конфликта», Бёртон подчеркивает, что «представляется ошибочным рассматривать внутренний конфликт и конфликт между государствами как независимые друг от друга явления или же рассматривать какой-либо конкретный случай внутреннего или международного конфликта в отрыве от взаимодействия его внутренних и внешних аспектов»²⁸.

Буржуазные конфликтологи, претендуя на тщательный объективный анализ всех конфликтов, воздействующих на международную обстановку, нередко сводят к международным конфликтам многие события внутренней жизни государств. Группа американских авторов, проводивших во второй половине 60-х годов анализ всех конфликтов, имевших место после второй мировой войны (по их подсчетам, таких конфликтов было 380), считает, что «конфликт — это любое событие, в котором участвуют две или более группы и в качестве важного фактора имеет место применение силы или угроза применения силы»²⁹. Такое событие, по их мнению, должно иметь по крайней мере «национальное значение». В число конфликтов они включают гражданские волнения и войны, государственные перевороты и военные мятежи, восстания и партизанские войны, пограничные войны, различного рода блокады, локальные войны и т. д. Это, безусловно, ведет к методологической путанице, размытая специфические признаки внутренней социальной борьбы, намеренно приравнивая международные конфликты к обыденным внутренним событиям в отдельных странах. Тем самым, с одной стороны, отвлекается внимание от действительно опасных международных конфликтов, а с другой стороны, узакониваются попытки «интернационализации» внутренних конфликтов в интересах империализма, его вмешательство в суверенные

дела других государств (примером тому могут служить Корея, Индокитай, Конго, Кипр, Ангола, Ливан, Иран, Афганистан).

Рассмотрение отдельных концепций буржуазных теоретиков показывает, что понятие международного конфликта они определяют в основном путем выявления общих элементов, свойственных всем видам социального конфликта, полностью отрывая структуру от содержания, форму от сущности явления. Уже на этом первом этапе теоретического исследования международного конфликта ясно видны просчеты буржуазных авторов в решении познавательных задач.

Недостатки буржуазного структурализма приводят их к построению формальных и очень условных дефиниций.

Весьма характерным в этом смысле является подход к определению конфликта, предложенный в свое время американскими социологами Р. Маком и Р. Снайдером. По их мнению, конфликт имеет место в случае, если можно выявить следующие элементы и характеристики: во-первых, наличие по крайней мере двух сторон, имеющих контакт друг с другом; во-вторых, взаимоисключающие или несовместимые интересы, вытекающие из недостатка ресурсов или уязвимости позиций одной из сторон; в-третьих, поведение, направленное на уничтожение, разрушение планов, намерений и т. п. стороны или сторон, а также такие взаимоотношения, при которых каждая сторона может что-либо приобрести за счет другой; в-четвертых, враждебные действия, направленные против другой стороны, и ответные действия; в-пятых, попытки силой добиться контроля над недостающими ресурсами и позициями или же применить ее, чтобы определенным образом повлиять на поведение противника³⁰.

Формальное перечисление отдельных, пусть даже в чем-то существенных элементов конфликта, не дает все же возможности выработать сколько-нибудь обобщающее научное определение. Можно было бы согласиться с логикой размышлений отдельных буржуазных авторов, если бы они попытались поначалу понять то общее, что объединяет различные социальные конфликты, а затем перейти к частному, к специфике международного конфликта как одной из форм взаимодействия государств, раскрыть его суть. Однако и в определениях уже

непосредственно международного конфликта буржуазным теоретикам не удастся выйти за рамки «структурализма» и «функционализма», выступающих в качестве основных методов познания в современной буржуазной науке международных отношений.

Свидетельством тому может служить одно из общепризнанных определений международного конфликта, данное Райтом: «Конфликт есть определенное отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях, в самых различных степенях. В широком смысле конфликт может быть подразделен на четыре стадии: 1) осознание несовместимости; 2) возрастающая напряженность; 3) давление без применения военной силы для разрешения несовместимости; 4) военная интервенция или война для навязывания решения. ... Конфликт в узком смысле относится к ситуациям, в которых стороны предпринимают действия друг против друга, т. е. к двум последним стадиям конфликта в широком смысле»³¹.

И хотя подход Райта к определению международного конфликта выгодно отличается от подхода Боулдинга и других приверженцев «общей теории конфликта» (конфликт рассматривается им в применении к государствам как процесс, в котором можно выделить определенные стадии развития), автор не смог вырваться за пределы структуралистских представлений о конфликте. В исследовании стадий развития международного конфликта, которое он проводит, не выделены существенные параметры, изменения которых ведут к переходу от одной стадии к другой. Изучение конфликта как процесса оторвано у Райта от исторического анализа каждого конкретного международного конфликта и мировой ситуации в целом, что препятствует выявлению объективных закономерностей его развития.

Акцентируя внимание только на структурном аспекте определения конфликта, буржуазные авторы тем самым резко сужают предмет своего исследования, отказываются изучать его содержательные характеристики. С точки зрения марксистов, научно правильной является следующая постановка вопроса: определение классово-социальной, политической природы и содержания конфликта должно предшествовать любой другой стадии теоретического исследования международного конфликта.

Уточняя существующее или вводя новое понятие, исследователи-марксисты опираются на прочную методологическую основу научного исследования — диалектический и исторический материализм.

В процессе развития теории международных отношений происходит совершенствование и уточнение уже существующих марксистско-ленинских понятий, возникает необходимость формулирования новых понятий, призванных способствовать познанию сущности явлений и процессов в системе современных международных отношений. В данном случае речь идет о довольно сложной задаче выработки определения понятия международного конфликта, которое в единой системе с другими понятиями могло бы более точно отразить уже накопленные наукой международных отношений знания.

Однако, к сожалению, в отечественной литературе не уделялось достаточного внимания решению этой задачи. Немногочисленные попытки рассмотрения понятия «конфликт» в философской литературе, а также предлагаемые энциклопедическими изданиями определения пока не дают удовлетворительного ответа на вопрос, чем является конфликт в системе диалектических понятий и категорий, и не раскрывают полностью его содержание. Понятие международного конфликта не раскрывается даже в таких справочных изданиях, как политический и дипломатический словари.

В «Философской энциклопедии» конфликт в широком смысле определяется как «пределный случай обострения противоречия»³². Такое обобщенное определение конфликта на основе марксистской диалектической категории противоречия наиболее полно схватывает то общее, что присуще всем видам конфликта, в том числе проникает и в сущность социальных конфликтов, обобщает их внутренние стороны и признаки³³.

Тем не менее это определение нельзя считать достаточным для исследования международных конфликтов. Такое исследование предполагает тщательную разработку понятия в рамках теории международных отношений, учитывающую особенности именно международного конфликта.

Одним из возможных путей подхода к определению понятия международного конфликта является формулирование генетического (через указание на природу, причины и способ возникновения исследуемого явления)

определения, в котором было бы выделено то общее, что свойственно различным видам международного конфликта как конкретным формам проявления объективных социальных противоречий. Это определение должно учитывать диалектическую взаимосвязь, соотношение между противоречием и конфликтом, в том числе и то, что конфликт выступает лишь в качестве одной из форм проявления противоречий, существующих в международной жизни.

В системе международных отношений развитие противоречий, и в первую очередь основного противоречия каждой эпохи, как и форм их проявления, имеет различное значение для развития самой системы. Изменение системы начинается с изменения характера тех противоречий, которые составляют ее наиболее подвижные элементы. Вслед за этим изменяются формы их проявления.

В эпоху безраздельного господства империализма определяющую роль в системе международных отношений играли межимпериалистические противоречия, которые были достаточно острыми, чтобы проявляться в форме империалистических войн за передел мира, за рынки сбыта, источники сырья и т. п.

Эти противоречия существуют и в современных международных отношениях, но в качестве основного противоречия международных отношений послеоктябрьской эпохи на смену им пришло противоречие между двумя противоположными мировыми социально-экономическими системами. На разрешение основного противоречия нашей эпохи — противоречия между капитализмом и социализмом — и направлена борьба двух систем. «Ареной этого противоборства, — указывается в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, — является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»³⁴.

В ходе исторического развития, неуклонного изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма складывалась новая форма проявления основного противоречия нашей эпохи — мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем. Само по себе мирное сосуществование не есть разрешение основного противоречия, оно предполагает лишь создание наиболее благоприятных условий для со-

зрения и разрешения этого противоречия в интересах мира и социализма.

В то же время отживающие формы проявления противоречий на международной арене в виде агрессивных империалистических войн, а также попыток контрреволюционного насилия не устраняются сами по себе. Силам мира и социализма приходится утверждать мирное сосуществование государств с различным строем в длительной, трудной борьбе с империализмом и реакцией. При этом мирное сосуществование объективно препятствует попыткам империализма преодолевать свои внутренние противоречия на путях нагнетания международной напряженности и разжигания очагов военной опасности.

Противоречия современного мира, естественно, не концентрируются только вокруг основного стержня — противостояния двух социально-экономических систем. Диверсификация конфликтов и их природы обусловлена значительным разнообразием сегодняшних международных и внутригосударственных противоречий. В возникновении международных конфликтов играют огромную роль противоречия между империализмом и национально-освободительным движением, между развивающимися странами, а также и собственно межимпериалистические противоречия.

Таким образом, каждый международный конфликт представляет в своей основе узел противоречий, внутренних и внешних, основных и производных, антагонистических и неантагонистических³⁵. Правильное определение основного противоречия, конкретная оценка его характера и форм проявления в каждом данном случае является теоретической основой формирования отношения к тем или иным конфликтам в международной жизни. В самом широком смысле международный конфликт можно понимать как одну из форм проявления тех или иных противоречий во взаимоотношениях участников системы международных отношений на стадии значительного обострения этих противоречий, когда назрела необходимость их разрешения и когда, осознавая эту необходимость, стороны предпринимают взаимные открытые действия, направленные друг против друга, обращаясь к использованию всех доступных и могущих быть примененными в данной международной обстановке средств.

Выступая как политическое отношение участников международных отношений, и прежде всего государств, конфликт воспроизводит не только глубинные объективные противоречия, но и непосредственные причины, представляющие собой сложную противоречивую совокупность факторов объективного и субъективного характера. К числу важнейших субъективных факторов возникновения и развития международного конфликта относится внешняя политика того или иного государства. Многие крупнейшие международно-политические кризисы и конфликты послевоенного времени явились порождением агрессивной внешней политики империалистических государств, и в первую очередь внешней политики США, рассматривающих международные конфликты как необходимое средство достижения своих политических классовых целей.

Данное определение международного конфликта не претендует на завершенность и окончательность потому, что, как и всякая дефиниция, носит абстрактный характер, не охватывает всех сторон реальных международных конфликтов. К понятиям теории международных отношений в полной мере относятся ленинские требования к научным понятиям, которые должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»³⁶. Разумеется, и любое определение международного конфликта подлежит дальнейшему уточнению и доработке в процессе научного познания³⁷.

С точки зрения методологии исследования конфликта важно также, чтобы понятие международного конфликта рассматривалось не изолированно, само по себе, а во взаимной связи с другими понятиями в системе категорий теории международных отношений. Только в тесной связи с другими понятиями оно может развиваться в сторону более адекватного отражения действительности.

Глава 2

РАЗРАБОТКА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА. «ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА»

Создание системы фундаментальных понятий и категорий, которая могла бы служить эффективным инструментом научного познания, во многом зависит от того, какие принципы применяются в процессе разработки понятийного аппарата теории.

В буржуазной науке попытки создания такой системы предпринимались К. Райтом, К. Боулдингом и целым рядом других исследователей. В основу их построений были положены принципы структурализма и социального бихейвиоризма*, прочно внедрившиеся в послевоенные годы в буржуазную науку международных отношений.

Применение структурно-функционального метода отражает стремление освободиться от узкого эмпиризма, преодолеть явный методологический тупик, найти более широкую теоретическую базу для исследования международного конфликта. Системное исследование, как отмечает в своей книге «Теория и мировая политика» Р. Либер, «способствует изменению ориентации в изучении международных отношений в сторону большей связи явлений и большей перспективы... дает возможность исследовать новые или прежде игнорировавшиеся аспекты предмета и является основой для более обобщенного и научного подхода к той области изучения, в которой традиционно доминировали работы, основывающиеся в значительной мере на впечатлении и интуиции или делавшие упор на историческое своеобразие и неповторимость отдельных событий и явлений»¹.

Буржуазные теоретики говорят о системном подходе к исследованию международного конфликта. Однако попытки привнести системные представления в изучение таких социальных процессов, как конфликт, ограничиваются обычно изучением чисто структурных или чисто функциональных отношений и связей. В их работах упрощается содержание системного подхода, абсолютизируется одна из его сторон — структурно-функциональный метод в ущерб другим аспектам, прежде всего изу-

* Бихейвиоризм — научное направление в психологии, изучающее поведение живых существ (от англ. «behaviour»).

чению реального классового и социально-политического содержания конфликта, его движущих сил и процесса развития².

Растущий удельный вес понятий и методов бихейвиорализма* в изучении международного конфликта свидетельствует о стремлении буржуазной науки решить проблему управления поведением сторон в конфликте, прежде всего государств³.

Действия государств на международной арене, несомненно, представляют одну из сторон предмета теоретических исследований международного конфликта, но буржуазные авторы, группируя свои построения исключительно вокруг категории поведения, отрывают ее от других категорий и превращают в единственный объяснительный принцип. При таком подходе она уже не может адекватно отображать международно-политическую реальность, переносит акцент с анализа объективных факторов на изучение субъективных, дает неверное представление о соотношении объективного и субъективного в международном конфликте. Многие буржуазные теоретики отказываются признавать, что в основе внешнеполитической деятельности государств, их «поведения» в конфликте лежат интересы господствующего класса. Именно попытки «бихейвиоралистски» освещать проблемы внешней политики и международных отношений скрывают стремление затушевать их классовый характер.

Методологически правильное решение вопроса заключается в объяснении действий государств на международной арене их классовой сущностью, внутренним социально-экономическим строем. И дело не в том, чтобы свести все богатство форм внешнеполитической деятельности государств к их классовой сущности, а в том, чтобы вывести из нее все многообразие этих форм. Советский ученый Г. М. Андреева справедливо замечает: «При таком подходе реальная общественная жизнь не превращается в абстрактную схему, а, напротив, разворачивается во всей ее сложности, с учетом всех противоречивых отношений между объективным и субъективным в ее развитии»⁴.

* Бихейвиорализм — перенесение понятий бихейвиоризма в общественные науки для исследования «поведения» социальных и политических систем. «Бихейвиоральные» исследования непосредственно международных конфликтов появляются в США в 50-х годах. В последующие десятилетия их поток продолжает нарастать.

Одним из признанных в буржуазной науке «системных» методов исследования международных отношений, и прежде всего войн, является так называемая «теория поля», разработанная Райтом⁵. В основе ее лежит идея представления государств в виде точек в некотором многомерном пространстве, определения расстояний между точками и попытка объяснения поведения государств наличием этих расстояний. Такое описание системы государств впервые было предпринято Райтом в работе «Исследование войны» и затем развито в целостную концепцию в книге «Исследование международных отношений».

«Теория поля» Райта представляет собой одну из первых в буржуазной науке международных отношений попыток соединить исследовательские принципы структурализма и социального бихейвиоризма. Представления о мире как поле были позаимствованы Райтом у известного буржуазного психолога Курта Левина, разработавшего «теорию динамического поля» в книге «Принципы топологической психологии».

С помощью этой концепции Райт рассматривает «отношения между государствами, располагая их в многомерном поле, определенном географическими и аналитическими координатами»⁶. Таким образом, поле представляет собой систему отношений, которую можно анализировать в двух аспектах: географическом и аналитическом. Первый аспект предполагает изучение системы международных отношений, поведения ее участников во времени и пространстве, т. е. «исторический» подход. Второй аспект — ее изучение посредством измерения с помощью аналитических координат политических, экономических, психологических, социологических, этнических и других факторов, определяющих возможности государств и других участников международных отношений и влияющих на их выборы, решения и действия, т. е. «теоретический» подход.

Концепция «аналитического поля» разработана автором наиболее подробно. Внутри двенадцатимерного аналитического поля он выделяет два шестимерных пространства: «поле ценностей» и «поле возможностей». В качестве участников международных отношений он рассматривает народы, нации, государства, правительства, международные организации, ассоциации, отдельные личности или любую «систему действия», способную

принимать решения в области международных отношений.

В качестве основных координат, определяющих поведение участников международных отношений, включая конфликтное поведение, выбраны следующие. Для «поля ценностей»: объективность — субъективность, абстрактность — конкретность, свобода — ограничения, ориентация на ситуацию — ориентация на себя, утверждение — отрицание, действительность — созерцательность. Для «поля возможностей»: энергия — летаргия, гибкость — жесткость, сотрудничество — изоляция, сила — слабость, изобилие ресурсов — бедность ресурсов, технический прогресс — техническая отсталость⁷. Райт пытается дать количественные характеристики введенным координатам на основе экспертных оценок. В связи с этим им была проведена значительная работа по сбору исходных статистических данных и изучению 45 международных конфликтов начиная с первой мировой войны.

Разработка «теории поля» применительно к анализу международных отношений представляет собой одну из попыток создания теоретической базы для использования естественно-научных методов исследования. По убеждению Райта и его последователей, международные отношения, в том числе и международные конфликты, так же доступны для количественного анализа, как и физические явления. Опыт самого Райта, однако, показывает, что при отсутствии глубокого содержательного анализа закономерностей развития международного конфликта увлечение математическими и другими «точными» методами неизбежно ведет к односторонности в исследованиях. Преодолеть эту односторонность можно только на пути правильного сочетания качественного и количественного анализа.

Если представить международный конфликт как социальный процесс, то можно проследить, как количественные изменения различных его элементов приводят к изменениям качественным. Это дает возможность выделять те или иные стадии в его развитии. К. Райт правильно замечает, что такая стадия развития конфликтного процесса, как вооруженный конфликт, представляет собой качественный скачок, подготовленный предшествующими количественными изменениями. Несомненно, что качественные характеристики конфликта трудно было бы полностью выявить без определенных количест-

венных оценок. Количественные данные помогают в процессе исследования уточнять качественные признаки конфликтной ситуации.

Но Райт и многие другие исследователи придают количественным аспектам международного конфликта гипертрофированное значение. Применение математического аппарата для измерения интенсивности и длительности действия конфликтного процесса становится в их работах самоцелью. Математическая безупречность сочиняемых ими уравнений, описывающих те или иные аспекты конфликтного процесса, считается критерием успеха работ, претендующих на вклад в теоретический анализ международного конфликта.

Такой подход полностью игнорирует то обстоятельство, что необходимой предпосылкой для всех количественных операций является качественный анализ глубинных объективных противоречий, которые находят прямое или косвенное отражение в природе и характере самого конфликта, в целях, стратегии и методах сторон, внешних условиях его развития. Качественный, содержательный аспект исследования должен присутствовать во всех существенных количественных измерениях (когда они возможны), например, экономического и военного потенциала участников конфликта, объема внешней торговли и иностранной помощи и т. д.

Представляется интересной точка зрения на этот счет некоторых советских специалистов. В частности, В. А. Ядов признает, что «коль скоро решительно все природные и социальные явления обладают качественно-количественной определенностью, они принципиально измеримы. Дело лишь в том, чтобы разработать адекватный инструмент измерения»⁸. Проблема измерения только отчасти выступает как математическая. Преимущественно же поиск «мерительного инструмента» зависит от содержательного качественного анализа объекта измерения. Постановка вопроса о единстве качественного и количественного анализа, их органическом сочетании при определяющем значении именно качественного анализа является наиболее верным решением.

Проделав колоссальный труд по изучению 45 международных конфликтов, подгоняя их под изобретенное им уравнение эскалации конфликта, Райт приходит к следующим малообоснованным выводам: факторами, которые способствуют эскалации конфликта, являются, по его

мнению, осознание обеими сторонами жизненной важности вовлеченных в конфликт интересов; относительное равенство в немедленно доступных силах и уверенность каждой стороны, что превосходство в силах в конце концов будет на ее стороне благодаря собственным усилиям и поддержке союзников; представления о том, что противник более уязвим в отношении потерь в живой силе, общей стоимости конфликта и т. д. Соответственно факторами, препятствующими эскалации, будут относительная незначительность национальных интересов, очевидное и огромное неравенство в силах, высокая стоимость конфликта и т. д.⁹

Результаты проведенного Райтом исследования показывают, как непропорциональны затраты интеллектуальных усилий буржуазного ученого конечным итогам его труда. И это неизбежно при отсутствии научной методологии исследования международных конфликтов.

Последователи Райта восприняли преимущественно только идею «поля», объявив предложенные им координаты и процедуру количественного измерения значений переменных «субъективными» и «ненаучными». В частности, Боулдинг заимствует эту идею при построении «общей теории конфликта», при разработке статической и динамической моделей конфликта.

В его работах теория конфликта выступает в виде логически завершенной схемы, что представляет собой сравнительно редкое явление в буржуазной науке. Взгляды и идеи, развитые Боулдингом, оказали серьезное влияние на формирование основных концепций буржуазных теоретиков-международников, воздействовали на развитие научных исследований в области международного конфликта. Книга Боулдинга «Конфликт и оборона. Общая теория» пользуется большой популярностью на Западе и считается едва ли не классическим трудом по теории конфликта. В ней предпринята попытка теоретического осмысления международного конфликта как целого, изучения сложного механизма его возникновения, развития и разрешения, места и роли в системе современных международных отношений.

Основной замысел Боулдинга состоял в том, чтобы на основе изучения общих элементов, свойственных, по его мнению, всем видам конфликта, встречающимся в природе и обществе, создать такую «общую модель» конфликта, которую с равным успехом можно было бы при-

менять для анализа любого конфликта с учетом имеющихся различий, а также проверять в применении к экономическому, индустриальному, идеологическому, этическому и, наконец, международному конфликту, который, как признает автор, «доминирует в наши дни над всеми другими видами конфликта»¹⁰. Наряду с социальными конфликтами он предлагает изучать в рамках «общей теории» и конфликты между биологическими видами и даже «извечную войну океана против суши». Автор поставил перед собой также задачу разработки общей методики анализа конфликтов с применением инструментария теории игр и других математических методов исследования конфликтных ситуаций.

Для осуществления своего замысла Боулдинг пошел по пути эклектического соединения методологии буржуазного структурализма и принципа «социального бихейвиоризма», механического перенесения в исследования международного конфликта терминологии, отдельных понятий и концепций из буржуазных экономических теорий¹¹.

Основная модель, сконструированная Боулдингом в развитие воззрений Райта, — это абстрактная статическая модель конфликтного поведения некоей «бихейвиоральной единицы» (стороны в конфликте) в «бихейвиоральном пространстве» или «поле». Модель призвана отразить структуру конфликта в статике, т. е. показать конфликтный процесс в разрезе и описать его с помощью некоего формализованного языка. При построении этой модели Боулдинг пользуется разработанной им самой системой понятий, включая поведение стороны в «бихейвиоральном пространстве», как собственном, так и общем, «иерархию ценностей», определяющих поведение участников конфликта, и ряд других.

Сторона в конфликте, по Боулдингу, — это «бихейвиоральная единица, т. е. какое-то составное целое или организация, способная принимать различные состояния при сохранении тождества или общей границы»¹². Такой единицей, по его мнению, могут быть личность, семья, виды животных или растений, класс идей, теория (в идеологических конфликтах) или социальная организация (фирма, церковь, профсоюз, государство).

Как отмечает Боулдинг, «бихейвиоральное пространство» — это «состояние бихейвиоральной единицы на определенном отрезке времени, определяющееся совокуп-

ностью ценностей или переменных, характеризующих ее»¹³. Каждая из сторон имеет свое «бихейвиоральное пространство», но в процессе ее взаимодействия с другой стороной возникает такое общее пространство или поле, внутри которого происходит конфликт и которое характеризуется определенным расположением сторон, различными направлениями их движения. Боулдинг строит элементарные геометрические схемы этого поля и графически показывает все возможные направления движения сторон внутри поля и за его пределы, улучшающие или ухудшающие позиции либо обеих сторон, либо одной из них. Среди этих направлений он выделяет «конфликтные направления» и «направления торга». Таким образом, «общее бихейвиоральное пространство» характеризуется не только конфликтом, но и сотрудничеством, из чего следует, как подчеркивает автор, что к анализу конфликтной ситуации применимы игры с нестрогим соперничеством (или игры с ненулевой суммой). Однако эта вторая сторона не подвергается сколько-нибудь серьезному анализу в работе Боулдинга.

В действительной конфликтной ситуации должна присутствовать осознанность несовместимости стремлений сторон, их желание занять бихейвиоральное пространство, из которого они пытаются друг друга исключить.

Таким образом, Боулдинг, в отличие от целого ряда других буржуазных исследователей, поднимается до определенного понимания некоторых отличий конфликта от противоречия. Противоречие может не осознаваться участниками международных отношений, в то время как конфликт всегда осознан и предполагает определенные действия сторон друг против друга. Но в представлении Боулдинга элемент осознанности часто подменяется чрезмерной субъективизацией конфликта.

У каждой стороны, продолжает далее Боулдинг, существует своя «иерархия ценностей», которая может быть строгой или нестрогой. В строгой иерархии легко определить лучшую позицию из двух возможных; здесь не существует проблемы выбора. Строгая иерархия ценностей скорее приводит к конфликту, нежели нестрогая, так как сторона не может уступить лучшую позицию в случае посягательства на нее другой стороны.

Поведение «бихейвиоральной единицы», по схеме Боулдинга, состоит в ее движении к наилучшей позиции,

т. е. к той точке внутри «границы возможностей»¹⁴, которая является наивысшей по сравнению с любой точкой в «иерархии ценностей». Это и будет, по мнению автора, рациональное поведение единицы. Иррациональным поведением он считает движение стороны за пределы «границы возможностей» к наилучшей из всех возможных позиций вообще. Различие в поведении сторон определяется их представлениями о рациональном и иррациональном, или об «иерархии ценностей». Поведение является иррациональным, если оно основано на неверном представлении о мире или на неадекватной системе ценностей у «бихейвиоральной единицы». Боулдингом впервые в буржуазной науке международных отношений было введено понятие «образа», играющего важную роль в формировании искаженных представлений сторон друг о друге¹⁵. Концепция «взаимного непонимания» занимает значительное место в объяснении буржуазными исследователями источников и причин конфликтов и войн. Таким образом, международный конфликт связывается с представлениями и умонастроениями людей, с «образами», которыми можно манипулировать и в которых может быть (в том числе и преднамеренно) значительно искажена воспринимаемая действительность.

Однако агрессивная политика и международные конфликты порождаются не психологическими искажениями. Большая часть этих искажений зависит не столько от индивидуальных особенностей людей, сколько от конкретных социально-политических условий, в которых они действуют.

Статическая модель конфликта, разработанная Боулдингом, по существу представляет собой не что иное, как описание структуры конфликта, основных связей и взаимодействия ее элементов. Но и рассмотрение в рамках этой модели структурных элементов конфликта не выявляет основных, существенных его компонентов, не показывает места и роли конфликта в системе социальных отношений. Не приближают автора к более глубокому пониманию закономерностей развития конфликта и попытки дополнить статическую модель описанием динамики связей и взаимодействий его компонентов.

Боулдинг поясняет, что предлагаемая им модель динамики конфликта способствует раскрытию закономерностей развития конфликта как «динамической бихейвиоральной системы». Развитие этой системы предполагает

«последовательную смену прошлых и текущих ситуаций, а также изменение параметров пространства, между которыми существует стабильное взаимоотношение, регулируемое довольно простыми законами, с помощью которых можно предсказывать состояние системы в будущем»¹⁶. Однако динамика конфликта остается нераскрытой в построении Боулдинга, поскольку оно в принципе чуждо историческому подходу к исследованию конфликта.

«Простые законы» развития структуры конфликта и функционирования ее элементов Боулдинг заимствует у Л. Ричардсона¹⁷, называя их «процессами реакции». В интерпретации Боулдинга эти процессы — «важнейший класс конфликтных процессов, в течении которых какое-либо движение одной стороны так изменяет бихейвиоральное пространство другой, что вызывает ее движение, которое в свою очередь изменяет пространство первой, вызывая ее ответное движение, и т. д.»¹⁸. В экономике, считает он, это война цен, в международных отношениях — гонка вооружений. Процессы реакции наблюдаются, по мнению автора, на всех уровнях взаимоотношений: между студентами и преподавателями, между супругами, между профсоюзом и предпринимателем, между президентом и конгрессом, СССР и США и т. д.

Методологическая несостоятельность бихейвиоризма, который поведение объясняет механической реакцией на стимулы внешней среды, во много раз возрастает, если при помощи этого принципа рассматривается не просто индивидуальный акт поведения, а вся социальная деятельность людей. И хотя бихейвиористы претендуют на объективное исследование международных отношений, указывая, что поведение есть та единственная реальность, которую можно подвергнуть анализу и даже точному количественному измерению, в лучшем случае их поиски заканчиваются механическим суммированием чисто внешних признаков поведения государств в сложных международно-политических ситуациях.

Исследуя конфликтное поведение внутри государств и на международной арене с помощью «теории поля», Р. Раммел, например, утверждает, что «вся социальная действительность есть поле, состоящее из всех характеристик и взаимодействий социальных единиц и их сложных взаимосвязей»¹⁹. Система международных отноше-

ний и ее подсистемы также рассматриваются Раммелом, как некое поле, в котором поведение одного государства по отношению к другому может быть представлено векторами в линейном пространстве, величина которых определяет основные измерения пары государств, их местонахождение внутри этого поля, а также место отдельных государств и их характеристики. Поведение одного государства по отношению к другому логически связывается с их характеристиками через понятие векторного расстояния. Местонахождение пары государств (диады) в бихейвиоральном пространстве есть функция расстояния между ними или их характеристиками. Национальные особенности (характеристики) государств рассматриваются как социальные дистанции, определяющие природу отношений между государствами²⁰. Из безбрежного количества «внутренних» и «внешних» характеристик государств Раммелу не удастся выявить наиболее существенные, действительно определяющие стратегию и тактику государств в международных делах. Исходное множество индикаторов, представляющих измерения «поля», выбрано без серьезных попыток обоснования и весьма произвольно. Класс переменных, описывающих социально-политические характеристики государств, представлен крайне примитивно. Все эти страны подразделяются, например, на четыре группы: «коммунистические страны», «западные полиархии», «монархии» и «диктатуры». Неудивительно поэтому, что выполненный под руководством Раммела проект «Dimensionality of Nations» (DON) — «измеримость государств»²¹ не нашел практического применения и не выдержал проверки реальностями международной жизни.

Важнейшими содержательными категориями бихейвиористского анализа, призванными вывести и объяснить законы поведения сторон в конфликте, их взаимодействия, стали категория «выживания» и тесно связанные с ней понятия «приспособления» и «интеграции». «Общая теория конфликта» Боулдинга близка по содержанию к социал-дарвинистской концепции «выживания». «Борьба за выживание» без достаточной аргументации объявляется им основной характеристикой поведения участников как в биологических, так и в социальных конфликтах. В этой борьбе Боулдинг усматривает истоки и движущие силы конфликтов, из нее выводит закономерности общественного развития.

Боулдинг претендует на наиболее тщательную разработку основных положений «теории выживания», применимых к анализу международного конфликта. Он опирается на собственный опыт использования этой теории в разработке вопросов конкурентной борьбы между капиталистическими фирмами.

Поскольку, по мнению Боулдинга, поведение государств в борьбе за территорию и сферы влияния аналогично поведению конкурирующих фирм, проблема «выживания» должна стать центральной и при изучении международных конфликтов. Намеренно абстрагируясь от сложной системы конфликтных отношений, он акцентирует внимание лишь на одной их стороне — «борьбе за выживание». Под «выживанием», или «жизнеспособностью», Боулдинг понимает «способность и желание одной стороны разрушить или уничтожить другую». Исходя из этого, стороны в конфликте он делит на «безусловно жизнеспособные» и «условно жизнеспособные». К первым относятся такие, которые «не могут быть разрушены или абсорбированы как независимые источники решений», ко вторым — такие, которые «могут быть разрушены или поглощены, но существуют в силу того, что единицы, способные уничтожить их, воздерживаются от осуществления своих возможностей»²².

С позиций этой явно надуманной классификации сторон Боулдинг подходит к определению характера конфликта. Ситуация, в которой обе стороны являются «безусловно жизнеспособными», принимает, по его мнению, характер длительного, затяжного конфликта. В этой ситуации, пишет автор, следует скорее говорить «о контроле над конфликтным процессом, нежели о разрешении конфликта». В случае «условной жизнеспособности» для более слабой стороны существует угроза поглощения или разрушения, но процесс поглощения, или интеграции, не всегда является, по мнению Боулдинга, худшим вариантом. Часто интегрированная сторона сохраняет свою индивидуальность внутри более крупных организаций, и, по выражению Боулдинга, «поглощение в данном случае может в действительности означать создание расширенных организационных рамок, которые могут в некотором смысле увеличить жизнеспособность составных частей»²³.

Схема Боулдинга в действительности оказалась нежизнеспособной. Затяжной характер различных полити-

ческих кризисов, например, объясняется намного более сложными экономическими и политическими причинами, корнящимися отнюдь не в характере «жизнеспособности» его участников. Растягивание кризисной фазы во времени, являющееся весьма опасной чертой современного международного конфликта, создает империалистическим силам дополнительные возможности для манипулирования, но, как показала практика, далеко не обеспечивает им «контроля над конфликтным процессом». Следовать рекомендациям Боулдинга в этой ситуации значило бы отказаться от мирного политического урегулирования конфликта.

Пользуясь в исследованиях международного конфликта категорией «выживания», Боулдинг не скрывает того, что она заимствована им из биологии. Биологизация исторических явлений, возрождение давно изживших себя и опровергнутых взглядов сторонников различных «организмических» теорий общества используются Боулдингом для того, чтобы лишить международный конфликт его специфики, классового содержания, растворить в абстрактном понятии «конфликта вообще».

Критикуя попытки механического перенесения биологической и энергетической терминологии, понятийного аппарата из далеких от общественной науки областей в исследование социальных процессов, В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» писал, что «нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»²⁴.

Рассуждения Боулдинга о «борьбе конфликтующих единиц за бихейвиоральное пространство», условиях «выживания» и «жизнеспособности» государств на международной арене есть не что иное, как несколько подновленная интерпретация традиционных буржуазных теорий, пытающихся подвести «всю историю... под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во *фразе* «Struggle for Life» — борьба за существование²⁵. Подобно своим идейным предшественникам, современным буржуазным исследователям международного конфликта, «вместо того, чтоб анализировать эту «Struggle for Life», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается

ся ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу...»²⁶.

Для верной критической оценки современных буржуазных исследований международного конфликта, искусственно отрывающих анализ конфликта от вопросов международного сотрудничества, важное значение имеет также замечание Ф. Энгельса о том, что «взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество — стремиться подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «борьба за существование» (или «выживание». — *Авт.*). Это значит ничего не сказать или и того меньше»²⁷.

Подобный подход подвергается критике и в работах некоторых буржуазных авторов. «Борьба за существование и выживание,— признавал Райт,— ...является фактором, имеющим важное значение скорее для органической эволюции, чем для конфликта»²⁸. По мнению американских исследователей-международников Гарольда и Маргарет Спраут, многие теоретики-системники «явно воспроизводят «организмическую» концепцию... в своих представлениях о государстве и системе международных отношений» и «вряд ли можно почерпнуть более обширные и ясные представления о деятельности политических организаций путем наделения их, пусть даже метафорически, псевдобиологическими структурами и псевдопсихологическими функциями»²⁹.

И наконец, Рапопорт подчеркивает, что обращаться в социальных исследованиях к биологической концепции «борьбы за существование» означает «использовать ее в качестве метафизического принципа, вместо того чтобы изучать конкретные, наблюдаемые механизмы»³⁰.

Как показал опыт Райта, Боулдинга и ряда других исследователей конфликта, биологическое или математическое понимание функции, являющееся характерной чертой буржуазного структурализма, приводит к подмене причинно-следственных связей в общественных явлениях и процессах функциональной зависимостью. Идея подмены причинного объяснения функциональным анализом была присуща еще философии махизма, научная

несостоятельность которой была глубоко вскрыта В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм»³¹.

Отрицание объективного существования причинной зависимости ведет в свою очередь к отрицанию и объективного существования исторической необходимости и закономерности. Применяя понятие функциональной зависимости, Боулдинг пришел к неверному пониманию истории, как некоей записи последовательных состояний «бихейвиоральной единицы», определяющихся совокупностью ценностей. История «бихейвиоральной единицы», например государства или группы государств, есть, по его мнению, «запись состояний, которые она занимает в последовательные отрезки времени. Можно представить состояние как отдельный кадр движущейся ленты. История тогда станет следующими один за другим кадрами этой ленты»³².

Стремление подменить причину некоей выделенной функциональной зависимостью как будто бы отражает намерение дать более «всестороннюю» характеристику корреляции, взаимодействия между явлениями. Однако действительный анализ будет обеспечен лишь в том случае, если, как говорил Ф. Энгельс, «исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению»³³. Если же не прийти к этому каузальному отношению, а остановиться лишь на характеристике взаимодействия, в том числе и такого его вида, как функциональная зависимость, то действительно научный анализ становится невозможным.

Одним из недостатков системных представлений буржуазных исследователей является то, что развитие системы изображается часто как достижение равновесия, а ее компоненты связаны принципом координации, взаимодействия которых происходит при отсутствии единой определяющей основы. По Т. Парсонсу, «среди основных компонентов системы действия не существует первенства какого-либо фактора изменения. Изменение может идти от любого источника системы. Результат зависит от баланса сил системы на определенном отрезке времени»³⁴. Его подход был воспринят целым рядом буржуазных исследователей международного конфликта.

Марксистские системные представления требуют учета не только состава компонентов системы, но и способа их связи и взаимодействия. Вскрыть природу какой-ли-

бо системы означает понять связь, способ взаимодействия компонентов, ибо в этом взаимодействии проявляется суть компонентов в отдельности и всей системы в целом.

Одна из характерных черт способа взаимодействия компонентов системы, исходя из марксистских представлений, заключается в их субординации, означающей, что между компонентами системы нет «равноправия». В принципе субординации проявляется одна из сторон материалистического монизма в понимании социальной системы. Среди компонентов социальной структуры определяющим является производство.

Именно такое понимание способа взаимодействия структурных компонентов конфликта позволяет углубленно изучить его движущие силы, выделив их в качестве важнейшего компонента в системном методе исследования международного конфликта на основе марксистско-ленинской теории международных отношений.

Марксистский подход к анализу международного конфликта как системы требует рассмотрения не вообще всех мыслимых функциональных связей всех элементов его структуры, а концентрированного изучения необходимых и достаточных взаимодействий (отношений), определяющих характер каждого данного конфликта.

Марксисты также говорят о функционировании социального организма и отдельных его элементов. Структурно-функциональный подход, который К. Маркс распространял на познание как общества в целом, так и каждого отдельного социального явления, не только не противоречит принципам историзма и причинности, но органически дополняет их. Исследование общества как социального организма, как системы предполагает изучение двух групп законов — законов развития и законов функционирования в их единстве.

Эти законы применительно к международным отношениям рассматриваются в монографии советского исследователя Э. А. Позднякова «Системный подход и международные отношения».

«При анализе жизнедеятельности системы межгосударственных отношений, — подчеркивает Э. А. Поздняков, — важно различать два вида процессов: процессы в рамках одного и того же исторического состояния системы; процессы перехода системы из одного ее исторического состояния в другое. Первые процессы относятся

преимущественно к собственно функционированию системы, вторые — уже к ее развитию. . . . Системе межгосударственных отношений, как сложноорганизованной целостной системе, присущи свои особые законы функционирования и развития — как общие законы, действующие во всех ее состояниях, так и законы специфические, имеющие силу лишь в конкретно-исторических условиях»³⁵.

Раскрытие структурно-функциональных закономерностей системы представляет собой необходимую предпосылку перехода от феноменологического исследования процессов, происходящих в системе, к изучению их внутреннего механизма. Знание законов функционирования способствует более глубокому изучению законов развития, поскольку функционирование выступает как важный момент развития. Различие между тем и другим относительно: развивающаяся система функционирует; функционируя, она развивается. Действие законов функционирования внутренне порождает действие законов развития.

Марксистское изучение структуры международного конфликта не имеет ничего общего с буржуазным структурализмом. В то время как марксисты диалектически рассматривают структуру систем одновременно и в ее развитии, и в статике, многие буржуазные исследователи абсолютизируют статический принцип, противопоставляют его генетическому, объявляют единственно правильным методом исследования систем. Структурализм «не видит диалектических противоречий в историческом процессе, поэтому он не в состоянии установить подлинные причины общественных явлений, объяснить, что обуславливает возникновение различных социальных структур, какие факторы определяют их развитие и изменение»³⁶.

В современной буржуазной науке международных отношений появились и сторонники так называемого «генетического структурализма», который ограничивается, однако, лишь изучением внешних форм генезиса, опуская полностью или частично вопрос об источниках развития структур.

Хотя Боулдинг и многие его последователи много говорят о динамике конфликта, его развитии, по существу, они не поднялись даже до «генетического структурализма». Развитие, в их понимании, связано главным

образом с количественными изменениями в элементах, их функциях и связях (изменение соотношения военных сил участников конфликта и т. п.), которые не ведут к коренной ломке структуры конфликта, к переходу ее в качественно новое состояние. Таким образом, попытки буржуазных авторов исследовать динамику конфликта представляют собой всего лишь изучение законов функционирования его структурных элементов, а понятие развития заменяется понятием движения.

Марксисты исходят из того, что не всякое движение есть развитие. Развитие — это выражение качественных изменений, происходящих в системах, а не простая функция времени. Функционирование выступает как существенный момент развития, и раскрытие структурно-функциональных закономерностей является необходимой предпосылкой выявления законов развития конфликта как особой социальной системы, но не подменяет его. Марксистский подход органически сочетает изучение законов развития и функционирования, качественный и количественный анализ конфликта, его компонентов.

Изучение динамики конфликтного процесса есть, в сущности, анализ конкретных исторических состояний каждого данного конфликта, применение принципа историзма в подходе к международному конфликту как процессу. «... Каждый исторический период, — писал В. И. Ленин, — имеет свои собственные законы», и научность в исследовании состоит в «выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом»³⁷.

В отрыве функционального анализа от других не менее важных аспектов системного подхода к исследованию конфликта, в отказе буржуазных теоретиков изучать структуру реальных международных конфликтов в связи с их историческим развитием и содержанием коренится основная причина их неспособности передать специфику международного конфликта как находящейся в развитии системы отношений государств с определенным социально-политическим строем, все различие целей и стратегии сторон в конфликте, реальностей борьбы и сотрудничества между ними.

Не случайно, приступая к конструированию «общей теории конфликта», Боулдинг заявляет, что его работа

«не имеет ничего общего, за исключением некоторых отдельных иллюстраций, с существующей исторической обстановкой»³⁸, и объясняет это тем, что она носит чисто «теоретический» характер. Но именно явное пренебрежение историческим (генетическим) аспектом системного подхода и приводит к тому, что поиски автором «общей теории» выливаются в бесплодное теоретизирование, в создание таких чрезмерно абстрактных схем, в которых за чертами «всеобщности» невозможно разглядеть особенное в каждом виде социального конфликта.

Подводя итоги теоретическим изысканиям буржуазных ученых в области конфликта, А. Рапопорт пишет: «Похоже, что создание «общей теории конфликта» скорее всего невозможно, поскольку понятие «конфликт» выражает наше понимание и отношение к множеству существенно отличающихся явлений, которые подчиняются совершенно различным принципам»³⁹. Это относится, по его мнению, и к попыткам создания «общей теории войны», хотя понятие войны значительно уже понятия конфликта.

С позиции буржуазного структурализма и бихейвиоризма решают теоретики конфликта и вопрос о движущих силах развития международного конфликта. Они либо вообще отказываются отвечать на этот вопрос, рассматривая, как это делает Л. Блумфилд, «анатомию», т. е. структуру международного конфликта независимо от движущих сил; либо усматривают движущие силы конфликта в непрекращающейся «борьбе за выживание», направляющей поведение сторон в конфликте (Боулдинг и др.).

Функционирование системы представляет собой определенный способ ее развития. Что же является источником этого развития? Для того чтобы осуществлялось взаимодействие элементов системы, оно должно быть вызвано какими-то определенными силами.

Классиками марксизма была глубоко и всесторонне исследована сущность движения, развития сложных процессов в природе и обществе. «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть *«борьба»* противоположностей»⁴⁰.

Всякая сложная система может функционировать и развиваться только при наличии определенных, внутрен-

не присущих ей движущих сил. Применительно к социальным системам общим источником движения, источником их развития является борьба различных общественных классов. Движущей силой функционирования и развития системы международных отношений является борьба различных классовых сил на мировой арене, которая находит свое выражение в характерном для каждой эпохи главном противоречии, а также в комплексе других специфических для нее противоречий. Главным противоречием и соответственно главной движущей силой современной эпохи является противоречие между мировой системой капитализма и мировой системой социализма. Эта главная движущая сила дополняется такими силами, источник которых лежит в других группах противоречий, свойственных современной действительности: межимпериалистических противоречий, противоречий внутри группы развивающихся стран, противоречий между империализмом и развивающимися странами и т. д.

Поскольку столкновение противоположных сил и тенденций в системе международных отношений происходит через внешнеполитическую деятельность государств, постольку необходимо знать не только общие движущие силы системы, но и движущие силы внешней политики государств. «При этом важно иметь в виду, — подчеркивает Э. А. Поздняков, — что внешняя политика государства соотносится одновременно с двумя системами отношений: с системой внутривнутриполитических отношений государства, где внешняя политика в принципе формируется, и с системой межгосударственных отношений, где внешняя политика государства реализуется. Каждая из этих систем порождает у государства свои особые группы интересов, которые затем находят свое обобщенное, синтезированное выражение в его внешней политике»⁴¹.

Характер связи между внешней и внутренней политикой государства нашел исчерпывающее объяснение в работах классиков марксизма и в марксистской литературе. В. И. Ленин отмечал, что «выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»⁴². Самые же глубокие корни и внутренней, и внешней политики определяются, как подчеркивал В. И. Ленин, «эконо-

мическими интересами, экономическим положением господствующих классов» государства⁴³.

Марксисты рассматривают классы, классовые интересы, классовую борьбу — категории, намеренно игнорируемые или извращаемые буржуазными исследователями, — как объективные категории, определяющие внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств, развитие международных отношений в целом.

Классовые интересы отражают экономические отношения каждого данного общества. Но классовые интересы выступают не только как экономические, они тесно связаны с политическими интересами, воплощенными в политических целях государств. Вместе с тем политические цели являются результатом определенного соотношения классовых сил и их борьбы как внутри страны, так и на международной арене. Интересы и цели государств относятся к числу важнейших качественных признаков, характеризующих содержание международного конфликта.

Буржуазные теоретики в большинстве случаев обращаются к анализу «национальных интересов». При таком подходе узкоклассовые интересы правящей монополистической буржуазии, а также общеклассовые интересы класса капиталистов в целом выдаются за интересы всей нации, интересы народов стран мировой системы капитализма. Буржуазные авторы сводят причины международных конфликтов к исконному антагонизму «национальных интересов», отказываясь раскрывать подлинный социальный смысл этого понятия, подменяя его туманными расплывчатыми рассуждениями об интересах вообще.

Основной, существенный недостаток западной концепции «национального интереса» — это надклассовость концепции, ее эклектичность. Наиболее полно эта концепция разработана американской школой «политического реализма». По мнению признанного авторитета этой школы Г. Моргентау, существуют две группы интересов, детерминирующих внешнеполитическую деятельность государств. Постоянные (главные) интересы означают защиту территориальной, политической и культурной целостности государства и не могут быть объектом компромисса или политического торга. Все государства имеют идентичные главные интересы и должны защищать их любой ценой. Переменные интересы — это «стал-

квивающиеся интересы индивидуумов, общественного мнения, партийной политики, общественной морали и пр.»⁴⁴.

При таком подходе утрачивается истинный критерий значимости этих факторов и переменных. Классовость интереса заключается в том, что интерес выражает прежде всего глубинные, коренные экономические потребности соответствующего класса. Таким образом, становится понятной связь между интересами и политикой. Политика, как известно, есть одна из важнейших форм выражения определенным образом сформулированных классовых интересов, в виде политических целей, концепций, доктрин и т. д., служащих побудителем к политическому действию.

Таким образом, как заключает Э. А. Поздняков, «цепь детерминации внешнеполитической деятельности может быть в итоге выражена в следующем виде: потребности — интересы — внешнеполитические цели — внешнеполитическая деятельность»⁴⁵. В этой цепи наглядно видна роль интереса как движущей силы внешнеполитической деятельности государства.

Марксистско-ленинская теория международных отношений исходит из того, что на развитие международной обстановки, на внешнюю политику государств оказывают равновеликое влияние интересы наций, классовые интересы, общечеловеческие интересы.

Интересы сторон в международных конфликтах подчинены законам общественного развития, неразрывно связаны с социально-экономическим строем, с интересами тех классов, которые находятся у власти в данной стране. Рассматривая каждую войну как «*продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»⁴⁶, классики марксизма-ленинизма призывали при анализе войн исходить из объективного положения и коренных интересов господствующих классов, которые, как правило, маскируются, прикрываются разного рода ссылками на интересы всего общества, народа, нации и т. д. Внимательно анализируя сложные, запутанные узлы противоречий, лежащие в основе международных конфликтов, необходимо «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁴⁷. В то же время нельзя игнорировать при исследовании причин конфликтов и такие реальности, как обще-

национальные интересы, интересы отдельных личностей, политических группировок и т. д., учитывая при этом их подчиненную роль по отношению к интересам классовым.

Системный подход дает возможность разработать как общую принципиальную схему механизма жизнедеятельности, движущих сил системы международных отношений, так и выяснить определяющиеся конкретными обстоятельствами особенности их действия в тот или иной период развития системы.

Интенсивные теоретические исследования буржуазных ученых в области международного конфликта, ведущихся на протяжении последних двух десятилетий на основе системного подхода, принесли некоторые практические результаты. Конкретные факты международной деятельности, выявленные буржуазными авторами в ходе исследования тех или иных конфликтов, обнаруженные ими некоторые объективные закономерности функционирования конфликта как своеобразной социальной системы, а также отдельные методы и приемы их анализа представляют определенный интерес для советских исследователей при изучении ими соответствующих проблем.

В целях сохранения и повышения действенности своих концепций буржуазные теоретики все чаще пытаются внести в них определенные фрагменты марксистского учения, отторгнутые от его истинной сущности. Так, например, американский политолог Р. Фостер признает, что «марксистская диалектика обеспечивает советские внешнеполитические органы методологией объяснения истории и предвидения будущего.

Но диалектика, — утверждает он далее, — как логика истории, впервые сформулированная Гегелем, не является исключительной собственностью марксистов...»⁴⁸. Для того чтобы в США могли понять динамику будущих советско-американских отношений, как подчеркивает Фостер, необходима соответствующая методология, а именно: диалектический метод, суть которого состоит в разрешении противоположностей через конфликт и синтез на более высоком уровне.

Несмотря на возрастающий интерес к теории конфликта и поиски новых методов анализа, буржуазная наука не может противопоставить марксистско-ленинской диалектике никакой сколько-нибудь серьезной научной методологической основы исследований. Необоснованным

с научной точки зрения является и стремление отдельных специалистов представить в качестве такой методологии «общую теорию конфликта».

Глава 3

ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Определение понятия международного конфликта связано с необходимостью разработки проблемы типологии и классификации конфликтов. Большое разнообразие международных конфликтов послевоенного периода, возникавших в разное время и в разных точках мира и различавшихся происхождением, масштабами, степенью напряженности, остротой и продолжительностью, требует дифференцированного научного и политического подхода. Однако сколь не похожими ни были бы их внешние признаки, какими бы индивидуальными чертами ни отличался каждый конкретный конфликт, все современные международные конфликты имеют общую основу. В них прямо или косвенно проявляется главное противоречие современной исторической эпохи.

Пониманию правильного соотношения индивидуальных и общих признаков, выявлению наиболее существенных черт, сторон и характеристик того или иного конфликта, определению его места по отношению к другим процессам и явлениям в системе современных международных отношений способствует типология международных конфликтов. Она служит одним из важнейших средств и приемов теоретического анализа.

В основе научной типологии лежат объективные критерии, и прежде всего классовая, социально-политическая природа и содержание конфликта, отражающиеся в целях и стратегии его участников, а также комплекс признаков, относящихся к внешним условиям возникновения и развития международного конфликта, к характеру эпохи и международно-политической обстановке.

Хотя в советской литературе, посвященной теоретическим аспектам международного конфликта, эта проблема поставлена сравнительно недавно, уже достигнуты определенные успехи на пути ее научного решения. Ниже будут подробнее рассмотрены предложенные советскими специалистами критерии типологии и выделен-

ные на их основе типы международных конфликтов. Здесь же необходимо еще раз подчеркнуть, что проделанная советскими исследователями работа помогает определению основных вопросов и моментов, на которых важно сосредоточить внимание при изучении подходов буржуазных теоретиков к типологии конфликтов, к исследованию природы и содержания международного конфликта, истоков и причин их возникновения.

В то же время дальнейшая разработка вопросов типологии и классификации международных конфликтов в рамках марксистско-ленинской теории международных отношений предполагает критическую оценку опыта буржуазных исследователей, зачастую способных обнаруживать не изученные ранее интересные признаки, черты и характеристики конфликтов.

Типология международных конфликтов на основе «общей теории конфликта»

В буржуазной науке международных отношений типологической процедуре отводится едва ли не ведущее место среди приемов теоретического исследования международных конфликтов.

Принципиальное исследование типов международных конфликтов, как правило, смешивается буржуазными авторами с задачей их классификации. Каждый исследователь руководствуется своими собственными критериями, удобными и подходящими для него в каждой данной работе. Такой субъективистский подход порождает многообразие типологий и классификаций, построенных часто на основе формальных признаков и носящих, как правило, произвольный, искусственный, односторонний характер.

У истоков типологических схем буржуазных исследователей конфликта находится учение социолога Макса Вебера об «идеальных типах». Основная идея Вебера сводится к тому, что в общественных науках типология не может стать основой для серьезного теоретического осмысления совокупности конкретных исторических исследований, что в лучшем случае она остается основой для формальной классификации фактов. Здесь и коренятся причины смещения буржуазными авторами процедур типологии и классификации международных конфликтов.

В работах К. Боулдинга, А. Рапопорта, Й. Галтунга,

Э. Луарда, К. Райта, Ч. Лерче, К. Холсти и других авторов в основу типологических и классификационных схем положены не коренные и неотъемлемые черты международного конфликта, определяющие закономерности его развития, а случайные, внутренне не связанные между собой второстепенные признаки. Поиски более объективных критериев типологии и классификации международных конфликтов предпринимались в рамках «общей теории конфликта», призванной, по мнению буржуазных ученых, выработать объективные критерии на основе исследования закономерностей, общих для всех видов социальных конфликтов.

Основное свое внимание сторонники изучения международного конфликта с позиций «общей теории» сконцентрировали на выявлении его места в системе всех социальных конфликтов и в соотношении с другими видами конфликтов. Общая типология социальных конфликтов предшествует в таких исследованиях построению типологических схем непосредственно международного конфликта.

Наиболее распространенным традиционным критерием типологии социальных конфликтов в буржуазной науке признается природа социальных единиц. Попытки классификации конфликтов на этой основе были предприняты еще в 20—30-х годах американскими социологами П. Сорокиным и Э. Россом. Они исходили из того, что каждый тип социальной единицы имеет свои собственные параметры, структуры и способы взаимодействия с другими социальными единицами, а значит, и особый характер конфликта. Таким образом, типология конфликтов ставилась в зависимость от типологии социальных единиц. Необходимо было поначалу выявить все возможные виды социальных единиц, а затем и все их возможные комбинации, при которых может произойти конфликт. Отсутствие общепринятой типологии социальных единиц вело к безбрежному разнообразию типологий и классификаций конфликтов. Чтобы хоть как-то разобраться во множестве эмпирических видов социальных единиц, которые могут быть сторонами в конфликте, Сорокин предложил ограничить базу для классификации конфликтов природой антагонистических единиц (в отличие от природы социальных единиц вообще) и выделить в этой связи «межличностные» и «межгрупповые» антагонизмы¹.

Основой для разработки типологии конфликтов другой группой авторов послужил не менее формальный принцип классификации по уровню социальной структуры. В типологии С. Чейза насчитывается, к примеру, 18 структурных уровней конфликта, включая конфликты на уровне отдельных личностей, семей, различных общин (в том числе и между государствами), партий, рас, социальных страт, наций, культур, а также на уровне отношений Восток — Запад и т. д.² Классификация конфликтов по уровню социальной структуры дается и Р. Ле-Вайном³.

Попытки буржуазных теоретиков отыскать некий объективный критерий типологии социальных конфликтов обнаруживают искусственность и произвольность. Даже в тех случаях, когда буржуазным исследователям удается выявить некоторые общие признаки и закономерности, в соответствии с которыми осуществляется типология, речь идет о производных, вторичных признаках, а на место объективных законов функционирования и развития общества как социального организма ставятся просто искусственно сконструированные структурно-функциональные связи.

В типологии социальных единиц и структур либо совсем отсутствует, либо растворяется в многочисленных группировках социальный класс, отбрасывается принцип классовой поляризации социальных единиц, понятие классового деления общества подменяется теорией социальной стратификации. В соответствии с этим затушевываются и определяющие классовые противоречия, находящие свое проявление в борьбе классов как внутри государств, так и на международной арене, в международных конфликтах. Все эти недостатки методологического характера в полной мере проявляются и в подходе к типологии социальных конфликтов, а через нее — к типологии международных конфликтов К. Боулдинга.

Типология Боулдинга до сих пор считается в буржуазной науке международных отношений одной из самых удачных. Приступая к разработке типологии социальных конфликтов, Боулдинг предлагает поначалу выделить три основных типа сторон в конфликте: отдельная личность, группа и организация. Второй и третий типы отличаются степенью организации. Группа — это «неорганизованная подсовокупность внутри большей совокупности»; организация — «группа с хорошей структурой и

ясно определенными ролями и устройством». Группа и организация состоят из совокупности лиц, действующих коллективно.

Участники конфликта могут принадлежать как к одному и тому же структурному типу, так и к различным типам (например, группа против группы или группа против организации). На основе такой типологии автор подразделяет социальные конфликты следующим образом:

- 1) конфликт между отдельными личностями;
- 2) пограничные конфликты между пространственно изолированными группами;
- 3) экологические конфликты между смешанными в пространстве группами;
- 4) конфликт между однородными (гомогенными) организациями, например, государство против государства;
- 5) конфликт между разнородными (гетерогенными) организациями, например, государство против церкви;
- 6) конфликт между личностью и группой, например сын против семьи;
- 7) конфликт между личностью и организацией;
- 8) конфликт между группой и организацией⁴.

По замыслу Боулдинга, являющегося одним из самых активных приверженцев «общей теории конфликта», эта абстрактная типология должна «работать» в применении к любому «эмпирическому» виду социального конфликта. Тем не менее автор признает, что такие специфические виды социального конфликта, как экономический, индустриальный (промышленный), международный, идеологический и этический, нельзя полностью отнести к какому-либо из названных выше абстрактных типов. Они настолько отличаются друг от друга, что необходимы их специальное изучение и разработка их собственных классификаций.

Существующее среди исследователей-марксистов единое мнение о том, что марксистская социология имеет дело не с «обществом вообще» и «конфликтом вообще», а с определенными конкретно-историческими формациями и соответственно с конкретно-историческими типами социальных конфликтов, принимающими в рамках каждой формации в соответствии с ее социально-классовой структурой различное содержание, вовсе не означает, что марксистская социология отрицает вообще правомерность и допустимость разумных абстракт-

ных понятий. В трудах основоположников марксизма-ленинизма можно найти много высказываний, из которых отчетливо вырисовывается их понимание гносеологической и методологической роли таких научных абстракций, как «производство вообще», «общество вообще», «личность вообще», «социальная революция вообще», «война вообще» и т. д.

К. Маркс на примере «производства вообще» показал, что это — «абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»⁵. Подчеркивая правомерность применения абстракции «производство вообще», К. Маркс указал, что за этим всеобщим, или выделенным путем сравнения общим, не следует забывать особенного, т.е. существенных различий в общем, того специфического, что отличает одну историческую эпоху от другой. «... Даже самые абстрактные категории,—писал К. Маркс,—несмотря на то, что они—именно благодаря своей абстрактности—имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их»⁶.

Таким образом, не отказываясь от общих научных абстракций, подчеркивая исторически обусловленную значимость абстрактных категорий, исторический материализм идет дальше, к выяснению конкретно-исторического содержания этих абстракций. Марксистское понимание социального типа наполнено объективным содержанием как выражение общего, устойчивого в обществе или в отдельной сфере общественных отношений и имеет глубоко научное значение для типологии как специфического способа и средства познания социальных явлений. Подлинно научное обобщение изучаемого феномена — международных конфликтов — посредством типологии возможно только в рамках содержательных классификаций, опирающихся не на формальные, а на диалектические принципы.

Оперируя абстрактными понятиями «общество вообще» и «конфликт вообще», буржуазные исследователи преследуют цель представить проблему конфликта вне реальной исторически определенной системы всех общественных отношений, не учитывают качественные различия между, например, семейной ссорой и меж-

государственным конфликтом, затушевывают антагонистические противоречия в современном капиталистическом обществе или распространяют их на социальное развитие социалистических стран.

Несмотря на все усиливающиеся поиски в области исследований общей основы во всех видах социальных конфликтов, буржуазная наука далека от создания «общей теории конфликта», поскольку такая теория, если предположить, что ее создание возможно, явилась бы довольно бесплодной абстракцией.

Впрочем, Боулдинг, отказавшись от оказавшейся ненужной абстрактной типологии социальных конфликтов, приступает к созданию классификации международных конфликтов, практически не связанной с предшествующими построениями. Основными участниками международного конфликта, по его мнению, могут быть такие социальные единицы, как племя, аграрное (или феодальное) общество (или община), универсальная аграрная община, индустриальная держава, «сверхдержава» и мировое государство.

Первые пять типов единиц соответствуют, согласно утверждениям Боулдинга, историческим типам общества; последнее—мировое государство—«еще не появилось, но уже находится в процессе становления как результат технического прогресса»⁷.

Автор крайне упростил структуру международных отношений начала 60-х годов, утверждая, что «вокруг двух сверхдержав группируются менее мощные индустриальные государства с двумя-тремя потенциальными сверхдержавами (в их числе Китай, Индия и Бразилия); существуют также в качестве анахронизмов феодальные государства и даже племена, быстро исчезающие в процессе экономического развития»⁸.

Все богатство и многообразие международных отношений этого периода нельзя уместить в узкие рамки его схем. При помощи концепции двух «сверхдержав» Боулдинг стремится затушевать размежевание классовых сил на международной арене на основе двух социально-экономических систем.

Если опустить шестой тип—мировое государство,—то можно выделить, по Боулдингу, несколько важнейших видов возможных международных конфликтов, объединенных в три более общие категории. К категории конфликтов между «равными единицами» Боул-

динг относит конфликты между племенами, между феодальными государствами, между индустриальными государствами и между «сверхдержавами»; к категории конфликтов между «неравными единицами» — конфликты между племенем и феодальным государством, между феодальным государством и индустриальной державой, между индустриальным государством и «сверхдержавой»; к категории конфликтов между «безнадежно неравными» единицами — конфликты между племенем и индустриальной державой, между племенем и «сверхдержавой», между феодальным государством и «сверхдержавой».

Свое понимание исторических типов социальных единиц, природой которых определяется природа конфликта между ними, Боулдинг выводит из общих взглядов буржуазных ученых на историю человеческого общества. Его представления на сей счет изложены в книге «Значение двадцатого века»⁹. Наше столетие, по мнению Боулдинга, отмечено вторым «великим переходным периодом» в истории человечества. Первый переход от «доцивилизованных» к «цивилизованным» сельскохозяйственным и городским общинам был осуществлен человечеством около пяти тысяч лет назад и сопровождался интенсивным развитием сельского хозяйства и оседлого земледелия. В настоящее время, уверяет Боулдинг, человечество переживает великий переход от «цивилизованного» к «постцивилизованному» (или «послецивилизованному») обществу технологий, организованных исследований и развития.

Вполне очевидно, что подобные рассуждения не имеют ничего общего с фундаментальной, ключевой категорией материалистического понимания истории — категорией общественно-экономической формации, являющейся теоретико-методологической посылкой для типологии международных конфликтов по принципу природы их участников. Именно в этой категории в каждом конкретном случае выражен внутренний принцип движения общества на данной стадии его развития, фиксируется обобщение гигантской сложности форм, а главное — закономерностей разрешения противоречивого взаимодействия всего разнообразия элементов, участвующих в историческом процессе. Каждый исторический тип социальной единицы представляет собой не что иное, как продукт данной социально-экономи-

ческой формации во всех ее конкретно-исторических разновидностях.

Для многих буржуазных исследователей характерно выведение типов социальных единиц из типов цивилизаций и культур. В частности, главным критерием разграничения социальных типов Боулдинг избрал уровень развития научно-технической революции.

Искажая сущность научно-технической революции и отрывая развитие производительных сил от производственных отношений, буржуазные ученые пытаются доказать, что научно-техническая революция автоматически ведет к преобразованию современного общества в некое «послеиндустриальное», или «послецивилизованное» научное общество — своеобразный социальный гибрид, гармонически сочетающий в себе капитализм и социализм.

Рассматривая основные закономерности развития названных им типов социальных единиц, Боулдинг приходит к следующему выводу: «Универсальная империя является кульминацией одной линии развития; индустриальная держава представляет собой первую стадию другой линии развития, ведущей логически к мировому государству»¹⁰. Это «мировое государство», создание которого возможно, по мнению Боулдинга, только в условиях империалистической интеграции, охватывающей всю систему международных отношений, и будет, вероятнее всего, формой организации «постиндустриального» общества.

Боулдинг обнаруживает еще одну важную, с его точки зрения, закономерность общественного развития, состоящую в том, что в переходный период от одного исторического типа социальных единиц к другому преобладающими становятся такие конфликты, которые, согласно разработанной им типологии, можно отнести к категориям конфликтов между «неравными» или «безнадежно неравными» сторонами.

Типология международных конфликтов, предложенная Боулдингом, остается бесполезной даже для самого ее автора, который ни разу на всем протяжении своего дальнейшего исследования не обращается к ней и выстраивает основную модель современного международного конфликта, рассматривая борьбу двух абстрактных государств за территорию по аналогии с конкуренцией фирм за рынок сбыта. Таким образом, процедура типо-

логии в данном случае не выполняет предписываемой ей функции теоретического обобщения конкретного эмпирического материала, накопленного в результате конкретных социологических и исторических исследований.

События во Вьетнаме показали, что типология Боулдинга не выдержала проверки практикой. По его классификации конфликт «сверхдержавы» с «безнадежно неравной» стороной должен был закончиться победой первой. Обратный результат опроверг и саму классификацию, и другие построения Боулдинга.

Попытки разработать какую-то общепринятую типологию социальных конфликтов и тем самым внести вклад в создание «общей теории» несколько позднее были предприняты и норвежским социологом Й. Галтунгом (бывшим руководителем международного Центра по исследованию проблем мира в Осло). Способ абстрагирования, представленный в схеме Боулдинга, был развит им дальше. Число типов участников было сведено до минимума: предлагалось различать только два типа сторон в конфликте — индивидуум и коллективную единицу. Соответственно и структурные отношения между сторонами стало возможным свести к простой дихотомии: участники конфликта являются либо членами системы, либо автономными целыми, которым приходится действовать в общей среде. Галтунг предложил довольно простую типологию социальных конфликтов, включающую всего четыре типа конфликтов. На «индивидуальном уровне» внутри системы существует, согласно его типологии, конфликт «внутриличностный», а между системами — конфликт «межличностный»; на «коллективном уровне» автор различает конфликт «внутрисистемный», например внутригосударственный, и конфликт «межсистемный», например международный. На схеме он изображает свою типологию следующим образом ¹¹:

	внутрисистемный конфликт	межсистемный конфликт
индивидуальный уровень	внутриличностный	межличностный
коллективный уровень	внутригосударст- венный	международный

В начале 70-х годов Галтунг дополняет эту схему типологией международных конфликтов по принципу симметрии и асимметрии, отражающему различия в их структуре.

Пять основных типов конфликтов, выявленных Галтунгом на этой основе, можно представить на следующей схеме: ¹²

			типы
горизонтальные, или симметрич- ные	вышестоящие против вышестоящих	между блоками	I
	нижестоящие против нижестоящих	внутри блока, между блоками	II III
вертикальные, или асиммет- ричные	вышестоящие против нижестоящих	внутри блока, между блоками	IV V

Как ведущий представитель «исследования проблем мира», Галтунг уделяет основное внимание вопросам разрешения конфликтов, которые он связывает со структурными особенностями выявленных им типов международных конфликтов.

Стороны в конфликтах первого типа, как поясняет автор, имеют значительную автономию и сами управляют конфликтом. В этом случае «стратегический анализ» является, по мнению Галтунга, наиболее подходящим инструментом изучения поведения сторон в конфликте. Убедительный тому пример, отмечает он, — конфликт между великими державами Востока и Запада, стороны в котором отлично сознают, к чему они стремятся, и конфликт ведется по поводу ясно и четко выраженных ценностей.

Конфликты второго типа значительно отличаются от конфликтов первого тем, что их управление происходит часто посредством вмешательства какой-либо из великих держав. Такую роль сыграли, например, Соединенные Штаты в конфликте между Сальвадором и Гондурасом.

Конфликты третьего типа также требуют определенного вмешательства великих держав, которые осуществляют его, с тем чтобы не допустить эскалации того или иного конфликта, не представляющего особой опасности для великих держав и ведущегося на уровне, не достигающем уровня конфликтов первого типа. Примером могут служить усилия великих держав по сдерживанию эскалации конфликта на Ближнем Востоке и Женевские соглашения относительно бывшего французского Индокитая.

Наиболее интересными с точки зрения управления являются, по мнению Галтунга, конфликты четвертого и

пятого типов. Асимметричные конфликты требуют иных методов анализа, в отличие от симметричных. Общая теория конфликта, подчеркивает Галтунг, должна включать в себя и теорию «управления асимметричными конфликтами».

В этой типологии, полностью базирующейся на буржуазном структурно-функциональном подходе к исследованию международных конфликтов, вместе с тем отразились и основные политические концепции современной буржуазной науки международных отношений. В ней нашли отражение и концепции школы стратегического анализа (концепция «двух сверхдержав», глобального противостояния «Восток — Запад», «ограниченных войн»), и теория «конвенциональных конфликтов» (внутренние конфликты с вмешательством извне), и концепция «локальных» конфликтов и управления ими, и, наконец, концепция конфликта между «богатым Севером» и «бедным Югом» (асимметричные конфликты).

Подчеркивая, что асимметричные конфликты становятся в наше время наиболее распространенными, Галтунг объявляет в качестве главного противоречия нынешнего периода исторического развития противоречие между высоко индустриализованными странами Севера, куда включает наряду с империалистическими государствами СССР и социалистические государства Восточной Европы, с одной стороны, и развивающимися странами Юга — с другой.

Таким образом, Галтунг становится в ряды сторонников спекулятивной концепции, согласно которой развивающиеся страны якобы радикально изменяют не только структуру, но и систему международных отношений, создавая новую ось противостояния в мировой политике: «Севера» и «Юга» (в дополнение к уже сложившейся — «Востока» и «Запада»).

В действительности развивающиеся страны при всей специфике и важности их сегодняшней роли в международных отношениях отнюдь не создают некоего «третьего полюса» в системе международных отношений и не изменяют присущей ей поляризации сил. Сложный комплекс противоречий развивающихся стран связан с главным противоречием эпохи и во многом определяется его развитием. Противоборство двух социально-экономических систем отражается на всех типах международных конфликтов, свойственных нашей эпохе. Не видеть

этого противоречия, не учитывать его — значит не найти объективных критериев для типологии конфликтов, сбиться на построение формальных схем.

Подводя итоги попыткам построения типологий социальных конфликтов в соответствии с природой их участников, даже буржуазные критики отмечают крайне неудовлетворительное состояние и бесплодность поисков в этом направлении. Неудачи связываются в первую очередь с отсутствием сколько-нибудь общепринятой типологии социальных единиц, природа которых является важнейшей переменной, определяющей характер конфликта. Однако несмотря на важную роль этой переменной, многие авторы отказываются рассматривать природу участников конфликта в качестве основополагающей базы для типологии конфликтов и отмечают другие, более важные, на их взгляд, переменные, такие как «социально-интегративный» или «дезинтегративный» характер конфликта, «логическая структура» конфликтной ситуации, интенсивность, возможность регулирования конфликта и т. д. И даже те авторы, которые строят свои типологии, исходя из природы сторон, вынуждены прибегать к дополнительным классификациям на основе ряда других критериев. Боулдинг, например, помимо основных типов конфликтов, различает «экономические», или «проблемные» конфликты; конфликты «взаимодействия», или «процессы Ричардсона» и «внутренние конфликты». Эти конфликты различаются им в соответствии с их различной психологической и бихейвиоральной динамикой¹³.

Психологические и бихейвиоральные характеристики конфликта легли в основу типологии А. Рапопорта, изложенной во введении к его известной книге «Борьба, игры и дебаты»¹⁴. Высказываясь в пользу создания «общей теории» социального конфликта (более пессимистическое отношение к общей теории появилось у Рапопорта значительно позднее), он аргументирует свою точку зрения тем, что такая теория могла бы обобщить различные подходы к исследованию конфликта, выработанные в разных областях человеческих знаний, и дать определенные «умственные инструменты для анализа конфликтных ситуаций». До сих пор, пишет автор, «конфликт является темой, от которой избавлены только бог и любовь». «Конфликт, — продолжает он далее, — можно рассматривать по-разному: описательно, как в исто-

рии и литературе; с позиций морального одобрения, как в эпосе, или неодобрения, как в пацифистской религии; покорности, как в трагедии. Военная наука имеет дело преимущественно со стратегией вооруженных конфликтов. И все эти подходы настолько различны, что их даже в малейшей степени нельзя соотнести друг с другом»¹⁵.

И все же Рапопорт не отказывается от попыток обобщения посредством типологии. По словам К. Финка, типы конфликтов, выведенные Рапопортом, — «это не эмпирические классы конфликта как явления, а, скорее, идеальные типы, представляющие три различные совокупности общих предположений о структуре и динамике конфликтных ситуаций»¹⁶.

Уже само название книги Рапопорта указывает, какие основные типы конфликта рассматривает автор. Это — «борьба», «игры» и «дебаты», или «споры».

Изучая первый тип конфликтов, автор обращается к буржуазным психологическим теориям агрессии и применяет модели «социальной физики» поведения масс. В качестве примеров он приводит модели гонки вооружений Л. Ричардсона, ссор «не на жизнь, а на смерть», «эпидемий воинственного духа», а также экономические модели «социальной эксплуатации» (паразитизм) и различные биоматематические теории экологической конкуренции (борьба за существование). Анализ «игр» проводится им на основе математической теории рациональных решений или теории игр. Изучение «дебатов», как провозглашает Рапопорт, базируется на учениях Павлова, Фрейда и Роджера.

Выявленные Рапопортом на основе предлагаемой им типологии основные характеристики конфликтов можно представить в виде схемы (стр. 72).

Подход Рапопорта к типологии социальных конфликтов, сочетающий в себе основные методологические принципы буржуазной социологии, и сама предложенная им типология для многих буржуазных исследователей стали отправными теоретическими посылками при изучении природы, структуры и динамики развития международного конфликта. В частности, известный американский ученый, профессор Гарвардского университета К. Дойч полностью перенес схему Рапопорта в одну из своих работ¹⁷.

	Борьба	Игры	Дебаты
ОСНОВА или ОТПРАВ- НАЯ ТОЧКА КОН- ФЛИКТА	взаимный страх или враждеб- ность между сторонами	соглашение между сторонами бороться за достижение взаим- но несовместимых целей внутри сдерживающих рамок опреде- ленных правил; соглашение не вести борьбу, исход которой известен заранее	разногласия между сто- ронами относительно су- щего (факты) и должно- го (ценности), например различие мировоззрений
ВОСПРИЯТИЕ ОППОНЕНТА	«враг», которого необходимо уничтожить, изгнать из окру- жения (среды), изолировать	рационально мыслящий «парт- нер»	ошибающийся или за- блуждающийся оппо- нент, которого необходи- мо «обратить в собствен- ную веру» или мировоз- зрение путем убеждения
УСТРЕМЛЕНИЯ СТО- РОН	уничтожение, разрушение, под- чинение или изоляция против- ника	победа в игре	убеждение оппонента или какого-либо на- блюдателя
СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЯ	серия нерациональных действий и ответных действий (драка, чают, угрозы, насилие и т. д.); отсут- ствие каких-либо расчетов и стратегических соображений	в ходе игры стороны сотрудни- чают; действия выбраны в со- ответствии с предполагаемыми исходами; стратегическая логи- ка; игра заканчивается, когда исход очевиден для обеих сто- рон	взаимодействие, в котором стороны на- правляют аргументы друг другу

Действительно, типологию Рапопорта можно признать наиболее разработанной по сравнению со схемами других авторов. Она больше отвечает требованиям типологической процедуры, предъявляемым буржуазной наукой (в том виде, как они были сформулированы М. Вебером), позволяет упорядочить определенным образом некоторые характеристики структуры конфликта и поведения сторон в различных конфликтных ситуациях. Но высокая оценка, которую получает эта типология в буржуазной критической литературе, касается чисто формальных ее достоинств. В типологии совершенно отсутствует содержательный анализ и раскрытие внутренних, закономерных связей.

Общим недостатком, характерным для всех буржуазных типологий как социальных конфликтов вообще, так и более частных типологий международных конфликтов, является то, что в процессе работы над ними их авторы ставят только вопросы о том, когда и где возникают и существуют изменения бихейвиоральных и психологических характеристик, согласно которым тот или иной реальный конфликт можно отнести к определенному типу. Большинство авторов отказываются отвечать на них и даже не пытаются ставить вопросы о том, как и почему происходят эти изменения. «Поставив перед собой задачу сконцентрироваться на работе (или действии) существующих институтов войны, — считает Рапопорт, — мы должны отказаться от эклектической установки на выяснение «причин войны» в пользу точно сформулированных гипотез, например гипотезы, согласно которой война между великими державами есть не отклонение, а нормальное функционирование военных учреждений...»¹⁸.

Разумеется, расположить факты, полученные при исследовании, по принципу «когда?», «где?», «какие?» также означает определенным образом обобщить материал. Но природа этого обобщения такова, что в ходе него не раскрываются закономерные причинные связи и сущность познаваемого явления. Такое обобщение не есть обобщение в научном смысле этого слова.

Для всех приведенных типологий характерно также разстворение международного конфликта во всей совокупности социальных конфликтов современного общества, стремление смешать важнейшие политические конфликты с массой других, менее значительных, играющих

меньшую роль в общественном развитии конфликтов. Они строятся на основе произвольного выделения одного или нескольких свойств или признаков, внешне присущих самым разнородным по своему социальному содержанию и значению конфликтам.

Понятие социального типа в буржуазной науке лишено, как правило, объективного содержания, выступает лишь произвольной конструкцией исследователя и поэтому носит чисто прагматический характер, а зачастую не выполняет и этого своего назначения и не может служить целям, поставленным тем или иным автором в его конкретном исследовании. Типологии, разработанные буржуазными авторами, не дают существенного знания об объекте исследования — международном конфликте. На основе этих типологий трудно судить о главных свойствах и качествах конфликта, находить те отличительные характеристики, с помощью которых можно было бы выделить международный конфликт из огромного разнообразия социальных конфликтов. Уравнивание по чисто формальным признакам совершенно разнородных явлений общественной жизни искажает их социально-классовое содержание, выливается, по существу, в методологический формализм. Неадекватность такого подхода становится еще более очевидной при построении типологий частных видов конфликта, в том числе международных.

Классификация международных конфликтов

В буржуазной литературе не существует четкого разграничения между понятиями типологии и классификации конфликтов. Наиболее общепризнанным является мнение о том, что типологии создаются якобы в трудах по «общей теории конфликта», претендующих на разработку общеметодологических основ исследования международного конфликта (приведенные выше типологии К. Боулдинга, И. Галтунга, А. Рапопорта и др.). Международный конфликт в таких исследованиях типологически приравнен к любым другим социальным конфликтам, полностью лишен своего реального социально-политического содержания, вырван из сложной системы взаимоотношений государств на международной арене, растронен в «конфликте вообще».

Построение классификаций выпадает на долю авторов, непосредственно изучающих международные конфликты. Среди этих авторов, независимо от того, относят они себя к сторонникам «общей теории» или нет, общие типологии не получили особого признания (и это еще одно подтверждение несостоятельности попыток создания «общей теории»), но типологическая процедура как таковая, как определенное обобщение результатов исследования широко используется ими в виде классификации международных конфликтов.

Анализируя попытки классификации буржуазными авторами международных конфликтов, следует иметь в виду, что и типология, и классификация представляют собой единую типологическую процедуру, неразрывно связаны между собой в общем познавательном процессе, определяют разные уровни обобщения изучаемых объектов. И только в целях анализа можно условно разрывать эти понятия. Не должно возникать недоумения и по поводу того, что в разделе о классификации рассматриваются схемы, которые сами их авторы называют типологиями, поскольку в силу названных причин они употребляют эти термины взаимозаменяемо.

Приступая к рассмотрению вопросов классификации международных конфликтов в работах буржуазных авторов, необходимо подчеркнуть, что «подлинно научная классификация начинается там, где в основу кладется типология, исследование типов международного конфликта на основе их коренных и неотъемлемых свойств, порождаемых историческими и классовыми, социально-политическими закономерностями»¹⁹.

Научная классификация — это прежде всего содержательная классификация. Содержательные классификации переносят центр внимания на раскрытие внутренних, закономерных связей, преодолевая тем самым ограниченность формальных классификаций. «В силу того, что содержательные классификации являются логическим выражением объективных связей и отношений между классифицируемыми предметами, — подчеркивается в «Философской энциклопедии», — они обладают максимальной объективной гибкостью и исключают искусственность, произвольность, субъективизм»²⁰. Такие классификации служат источником знания об исследуемых объектах: по месту объекта в схеме можно судить о его содержании, основных свойствах и качествах.

Существенно также и построение формальных классификаций, если они не рассматриваются как единственно возможная форма обобщения и если их не противопоставляют классификациям содержательным. На определенном этапе исследования формальные классификации возможны и даже неизбежны, но они носят предварительный характер, выполняют некоторые познавательные функции, подготавливают переход к построению содержательных классификаций.

При исследовании международных конфликтов совершенно недостаточно ограничиваться созданием формальных классификаций. Здесь необходим уже другой, более высокий уровень обобщения. Формальная классификация может принести какую-то практическую пользу лишь на самых первых стадиях обработки эмпирического материала, в качестве одной из процедур техники исследования и только в условиях правильной методологической ориентации, понимания всей ограниченности этой процедуры.

В работах буржуазных авторов, как правило, преобладают формальные классификации. Для такого рода классификаций характерно отсутствие каких-либо объективных критериев, а число субъективных критериев, как и самих классификаций, увеличивается неограниченно по числу исследователей.

В зависимости от прикладных целей каждого исследования классификация по природе сторон в конфликте сменяется классификацией по сфере деятельности субъектов системы международных отношений, средствам достижения целей в конфликте, истокам тех или иных конфликтов, типам и интенсивности военных действий, «легитимности», последствиям для системы международных отношений в целом и для отдельных ее субъектов, способам разрешения конфликтов и по другим многочисленным признакам²¹. Такие классификации могли бы способствовать обнаружению дополнительных отношений и связей, если бы им предшествовало принципиальное исследование типов международного конфликта, позволяющее ввести строгую систематизацию названных признаков. Отсутствие научной типологии приводит к путанице в классификациях, которая усугубляется еще и тем, что в большинстве работ не проводится различия между понятиями формы и типа конфликтов. Такое явление международной жизни, как война, рассматривает-

ся одними авторами как форма конфликта, другими — как один из типов международных конфликтов, а часто — как то и другое. То же самое можно сказать и в отношении понятий «международно-политический кризис», «международный спор» и др.

«Чаще всего, — пишет Б. Кэррол, — война рассматривается теоретиками конфликта как часть некоего континуума конфликта, не отличающаяся существенным образом в своей динамике от гонки вооружений, международных кризисов и других форм конфликта... Льюис Коузер отличает войну от более «институционализированных» форм конфликта из-за относительного отсутствия в ней правил и определенных пунктов, по которым заранее возможно соглашение... Кеннет Холсти и Куинси Райт в своих статьях об эскалации и разрешении международного конфликта рассматривают войны просто как конфликты, включающие военные действия»²². Однако большинство исследователей, как считает Кэррол, употребляют термины «война» и «конфликт» равнозначно.

Объяснение этому — непонимание буржуазными исследователями того, что структура международного конфликта есть не только расчлененность на элементы, их определенное строение, функциональная связь и взаимодействие, но и диалектическое изменение характера этого взаимодействия, развития системы в целом. Марксистская методология рассматривает диалектику развития конфликта как процесс, проходящий через разные стадии, или фазы. Каждой стадии развития конфликта соответствует определенная форма протекания конфликтного процесса, но это соответствие не является раз и навсегда закрепленным, оно очень подвижно и относительно. И если, например, вооруженный конфликт может быть одновременно и стадией, и формой развития конфликта, то приравнивать его к типу международного конфликта было бы неправильно с научной точки зрения.

Американский исследователь международных конфликтов К. Холсти выделяет в общем типологическом ряду три формы международного конфликта: споры, вызванные несчастными случаями и небольшими провокациями; собственно конфликты, возникающие в результате несовместимости целей; более общее напряжение, или трения между двумя и более странами, вытекающие из традиционно сложившихся отношений враждебности

между ними²³. Споры, конфликты и трения различаются, согласно автору, по причинам их возникновения и способам разрешения.

Споры вырастают из пограничных инцидентов, дипломатических неурядиц, незначительных военных провокаций на территории соседнего государства. Они сравнительно легко разрешаются, так как их причины легко установить.

Большинство конфликтов имеет, по его мнению, также легко определяемые источники. Исторически их самой общей причиной были территориальные претензии или усилия одной страны навязать военный, политический или экономический контроль населению другой. Эти требования, уверяет Холсти, не могут быть удовлетворены иначе, как за счет коренных ценностей или интересов другого государства. Конфликт поэтому продолжается до тех пор, пока инициатор не отказывается от своих требований, не вынуждает другое государство пойти на компромисс или подчиниться под угрозой применения военной силы. Другим источником международного конфликта, проявляющимся все чаще, по мнению Холсти, становятся внутренние беспорядки и восстания, привлекающие вмешательство извне. В отличие от обычных конфликтов, этот конфликт можно назвать, как предлагает автор, «внутренне-внешним конфликтом», в котором участвуют, как правило, четыре стороны: местное правительство и восставшая фракция и две внешние силы, вмешавшиеся, чтобы поддержать одну из внутренних группировок. Конфликты, так же как и споры, легко поддаются разрешению, которое обычно приводит к восстановлению дружеских отношений между государствами.

«Напряжение, — пишет далее Холсти, — вытекает из противопоставления исторических, экономических, религиозных или этнических усилий и увековечено глубокими общественными отношениями враждебности между двумя или более обществами»²⁴. Они не имеют единого определенного источника и поэтому практически неразрешимы в какой-либо предвидимый срок, какие бы усилия со стороны международных институтов ни прилагались к этому. Их разрешение возможно лишь в ходе длительного исторического процесса, который приводит либо к конечному примирению, либо к повторяющимся войнам, в том числе и мировым. Например, пишет Хол-

сти, «холодная война или арабо-израильские трения не могут быть разрешены полностью путем соглашения по какому-либо одному вопросу»²⁵. Подтверждение этому тезису автор находит в «незначительном эффекте прекращения военных действий (или перемирия) в Корее для враждебных отношений основных противников в холодной войне» и заключает далее: «Вряд ли кто поверит, что решение берлинского вопроса в будущем разом покончит со всеми страхами и недоверием в отношениях между СССР и Западом»²⁶.

Можно было бы условно согласиться с выделением автором названных форм международного конфликта, если бы он предложил более четкие критерии классификации, тем более что в политической лексике широко распространены термины «спор», «конфликт» и «напряжение» («трения»). Но Холсти претендует на разработку научных категорий теории международного конфликта, а в качестве таковых в его толковании они не пригодны. «Трения», в его интерпретации, — это уже не то же самое, что употребляется и понимается в международно-политическом языке. Это — не форма, а скорее содержание международного конфликта, как его может понимать буржуазный исследователь. Правильнее было бы назвать их противоречиями. Однако в основе противоречий лежат не иррациональные страхи, искаженные восприятия и образы, не традиционная ненависть одних народов по отношению к другим, как пытается доказать Холсти, а глубокие социально-экономические причины. Противоречия в отношениях между государствами будут существовать, и они неизбежно будут разрешаться, но объективная тенденция международного развития на современном этапе такова, что вооруженные конфликты в качестве формы разрешения этих противоречий, несмотря на сохранение угрозы их возникновения, будут уступать место мирному сосуществованию государств с различным социальным строем на международной арене, предполагающему мирное урегулирование конфликтов.

Выводы Холсти относительно стихийного разрешения «напряжения» реакционны и вредны, поскольку оно увековечивает очаги напряженности, грозит их перерастанием в войну. Его же пророчества по поводу безграничного продолжения состояния «холодной войны» опровергнуты последующей практикой международных

отношений. В международных отношениях, прежде всего под воздействием советской внешней политики, согласованной политики братских стран социализма, появились некоторые существенно новые черты, главной из которых стала разрядка международной напряженности. На основе сложившейся в 70-е годы системы двусторонних и многосторонних договоров и соглашений между социалистическими и капиталистическими странами в Европе были созданы предпосылки перехода к строительству реальных организационных форм безопасности и сотрудничества.

В частности, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были изложены основополагающие принципы отношений между государствами — участниками совещания. В их числе: неприменение силы или угрозы силой, мирное урегулирование споров.

В Заключительном акте также подчеркивалось, что «безопасность в Европе следует рассматривать в более широком контексте безопасности в мире»²⁷. В связи с первой годовщиной подписания этого документа Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал, что в нем намечена долговременная перспектива «реалистического, ответственного ведения межгосударственных дел, прежде всего применительно к Европе и в значительной мере с точки зрения потенциальных возможностей урегулирования проблем всемирного характера»²⁸.

Многие буржуазные ученые отвергают практическую осуществимость принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами. Инерция политического мышления, носящего отпечатки «холодной войны», определяет подход к исследованию международных конфликтов и таких американских теоретиков, как А. Саид и Ч. Лерче. Они стремятся представить международный конфликт не только коренной исторической тенденцией, но и сутью современных международных отношений и используют процедуру классификации для обоснования этой идеи. В своей весьма популярной на Западе книге «Понятия международной политики» они пишут: «Существуют две широкие категории конфликтов в соответствии с критерием классификации по основным инструментам (технике), применяемым в конфликте. Ненасильственный конфликт (первый тип) предполагает исполь-

зование дипломатии, мирных способов разрешения или таких процедур принуждения, которые исключают войну как средство достижения национальных целей в ситуации разногласия. В насильственном конфликте (второй тип) соперничающие стороны полагаются в основном на военные меры и войны»²⁹. Война, по их мнению, коренится в самой системе международных отношений, потому и каждая отдельная война является больше продуктом общей динамики соответствующей системы, нежели продуктом каких-то уникальных обстоятельств, из которых возник конфликт.

По своей сущности, утверждают авторы, насильственный и ненасильственный конфликты мало чем отличаются друг от друга — различие заключается, скорее, в уровне развития конфликта, а не в видах. Ненасильственный конфликт, пишут Саид и Лерче, имеет ту же основу, что и насильственный — конфликт интересов, с той только разницей, что стороны, учитывая факторы стоимости и риска при достижении цели, решают вести борьбу на более низком уровне интенсивности. Поведение же сторон в ненасильственном конфликте направляется теми же самыми принципами тактики и стратегии, которые применяются и в насильственных конфликтах. Общая стоимость ненасильственного конфликта, как и потери при поражении, по их мнению, всегда меньше, чем в насильственном конфликте. Поэтому, уверяют Саид и Лерче, государства воспринимают ненасильственный конфликт как обыденную установившуюся практику международных отношений, а насильственный конфликт рассматривают как исключительное явление, хотя объективно и то, и другое в равной степени заложено в системе международных отношений. «Конкуренция, действительная или потенциальная, — пишут они, — есть нормальное отношение между государствами. Это — результат исторического развития системы национальных государств. Международный конфликт становится... неизбежной чертой мировой политики»³⁰.

С формальной точки зрения приведенная классификация Саида и Лерче может считаться более удачной, чем классификация Холсти. Действительно, война — это одна из форм конфликтных отношений между государствами, а также определенный уровень (стадия) развития международного конфликта. Конфликт также имеет и другие формы и стадии развития, которые условно

можно назвать «ненасильственными». Но в понимании Саида и Лерче все ограничения и недостатки формальных классификаций проявляются нагляднее всего. Здесь важно проследить, какое именно содержание вкладывают данные авторы в выделенные ими категории конфликтов.

Утверждая, что войны как наиболее общая форма проявления насилия «встроены» в систему международных отношений и являются продуктом ее динамики, Саид и Лерче преувеличивают тем самым роль насилия в истории и «увечковечивают» войны. Критика подобной точки зрения была дана еще Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг», в которой он разоблачил взгляды Е. Дюринга, объявившего, что насилие и, следовательно, война как орудие насилия являются главной силой общественного развития, «источником жизни». Энгельс решительно выступил против преувеличения роли насилия и войны, доказал, что они являются результатом определенных экономических отношений, определенного способа производства. Необходимо, однако, также иметь в виду и революционную роль насилия в преобразовании общества, когда оно служит прогрессивным силам для преодоления сопротивления реакции.

Большинство же буржуазных исследователей говорят о насилии вообще и не отличают насилия революционного от насилия контрреволюционного, реакционного. Тем самым они оправдывают войны как средство реакционной политики империализма. Их теории носят классовый характер, служат интересам господствующего класса, выступают в качестве одного из орудий классового господства.

Развертывая свою концепцию, Саид и Лерче проводят далее классификацию международных конфликтов по целям сторон, уже не учитывая различия между насильственными и ненасильственными конфликтами. Они предлагают выделить аналитически две большие категории «конфликтов целей»: конфликты, целью которых является баланс силы, интересов, устремлений и т. д., и конфликты, целью которых является доминирование³¹.

К первой категории, по мнению авторов, относятся, вернее выступают в качестве ее основных форм, столкновения экспансионистских устремлений государств, противостояние при пересмотре статус-кво, споры на основе развивающегося национализма, конфликты, возни-

кающие в ходе исторического развития, и огромное разнообразие конфликтов, возникающих из расовых, религиозных, социальных и культурных проблем. В работе Саида и Лерче, претендующей на всесторонний охват темы, не могло не отразиться противоборство двух систем на международной арене. Международные конфликты, возникающие на этой основе, авторы относят ко второй категории.

Для этой категории конфликтов, по их мнению, характерным является то, что стороны в меньшей степени преследуют какие-то частные специфические цели. Они более всего заинтересованы в достижении превосходства над соперником по самому широкому кругу проблем. Синонимами таких конфликтов, утверждают авторы, стали «холодная война» и «биполяризация силы» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Они имеют свои кризисные точки вдоль линии непосредственного соприкосновения основных противостоящих сил и умножают зоны возможных трений на периферии восточного и западного лагерей. В военном аспекте поведение государств в конфликтах этой категории принимает форму безудержной гонки вооружений и погони за союзниками; в военно-политическом плане они стремятся к абсолютному превосходству над противником; в идеологическом — их борьба сопровождается ростом подрывной деятельности и психологической войной³². Конструкцию авторов венчает вывод: «Чем чувствительнее обе стороны в современных условиях баланса сил к риску тотальной войны, тем сильнее соответствующая тенденция к установлению холодной войны как образа жизни и закрепившейся практики их отношений»³³.

В подходе Саида и Лерче к исследованию международных конфликтов послевоенного периода нашла свое отражение концепция «биполярности», в основе которой лежит признание особо важной роли советско-американских отношений для жизнедеятельности системы международных отношений в целом. Исследование одних лишь центросиловых отношений (СССР — США), будучи само по себе необходимым, носит сугубо структурно-функциональный характер. В отрыве от содержания, от анализа социально-экономических, классовых отношений такое исследование не может дать понимания глубинных процессов, определяющих сущность и причины перемен в системе международных отношений.

Методологически верное решение проблемы предлагается Э. А. Поздняковым в рассмотренной выше работе. Выделяя систему межгосударственных отношений как предмет исследования, он подчеркивает ее относительную независимость от системы мировых социально-экономических отношений. Взаимодействие этих систем подчиняется в целом общим принципам взаимодействия между базисом и надстройкой: базис (мировая система социально-экономических отношений) в конечном счете определяет развитие надстройки, но сама надстройка (система межгосударственных отношений) имеет относительную независимость, развивается и функционирует также в соответствии с присущими ей особенностями и в определенных пределах оказывает обратное воздействие на базис³⁴.

Относительная независимость межгосударственных отношений от мировых социально-экономических процессов — реальный факт, который нужно иметь в виду, чтобы не путать различные явления международной жизни, относящиеся к разным системам отношений. Буржуазные теоретики и политики не учитывают этого момента, обвиняя, например, Советский Союз в том, что его солидарность с освободительной борьбой народов будто бы противоречит разрядке. Подобные обвинения, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, «либо наивность, либо, скорее всего, намеренное затуманивание мозгов. Ведь предельно ясно, что разрядка, мирное сосуществование касаются межгосударственных отношений... Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы»³⁵.

В системе межгосударственных отношений действуют государства, принадлежащие к различным социальным системам и находящиеся на разных ступенях социально-экономического развития. Сложные переплетения и столкновения их различных и противоречивых интересов и целей, различных внешнеполитических курсов, которые лишь в конечном счете выражают базисные отношения, и придают системе современных межгосударственных отношений специфическую форму, не совпадающую с лежащей в ее основе социально-экономической структурой мира.

Главное противоречие современной эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом — проявля-

ется в системе межгосударственных отношений уже в трансформированном виде, в особой структуре отношений государств. В западной литературе она получила название «система биполярности», в которой в качестве определяющего фактора развития международных отношений выдвигается борьба и столкновение так называемых «сверхдержав».

Ограниченность подобного подхода заключается в том, что один из элементов формы, в которой выражаются отношения между некоторыми государствами, выдвигается за сущность отношений в рамках всей системы. Центросиловые отношения — это особый способ связи, характеризующий форму системы, это структурно-функциональная характеристика. Структурный анализ сам по себе не может ни вскрыть, ни объяснить социально-экономического содержания центросиловых отношений.

В марксистском понимании центросиловые отношения как категория структуры не несут никакой «силовой» нагрузки в упрощенном понимании некоторых западных теоретиков, ранжирующих государства главным образом по признаку их военной силы. Это понятие применяется для обозначения определенных структурных связей, существование которых обуславливается реальными международно-политическими и социально-экономическими процессами. Именно в результате их действия на определенных исторических этапах отношения между некоторыми государствами начинают играть особую важную роль в системе, определяя специфическую форму ее функционирования и развития.

Центросиловые отношения не могут исчерпать всего многообразия связей и отношений в системе. Существуют и другие относительно локализованные отношения, не укладываемые в категорию отношений центросиловых. В массе различных отношений между государствами выделяются отношения, образующиеся в связи с так называемыми узлами противоречий³⁶, а также особого рода отношения, связанные с различными международными организациями, с существованием и действием международно-политических и международно-правовых норм, концепций и доктрин.

На фоне крайне абстрактного, отвлеченного от конкретных международных отношений подхода многих буржуазных теоретиков к исследованию международных конфликтов, их типологии и классификации с позиции

«общей теории конфликта» определенного внимания заслуживает попытка профессора Оксфордского университета Э. Луарда дать «историческую» классификацию. Основные характеристики конфликтов выводятся Луардом из особенностей исторических типов систем международных отношений.

Обращение автора к истории международных отношений в процессе теоретического анализа международных конфликтов само по себе правомерно и не вызывает никаких возражений. Если бы экскурс в историю совершался с целью выявления объективных закономерностей общественного развития, это принесло бы несомненную пользу для теоретических обобщений и выводов. Однако Луард далек в своих намерениях от сколько-нибудь научного исторического исследования вопросов развития международных отношений. Не останавливаясь здесь особо на несомненном факте субъективной, произвольной трактовки им истории международных отношений, отметим, что автору так и не удалось выявить основные движущие силы исторического развития, обнаружить объективные противоречия, лежащие в основе международных конфликтов той или иной конкретно-исторической эпохи.

После подробного описания некоторых типов исторически существовавших систем международных отношений Луард приходит к выводу, что «доминирующим мотивом конфликтного поведения государств и основной причиной войн в системе XVI—XVII веков был религиозный евангелизм, в системе начала XVII—XVIII веков — династическая власть, в системе XIX века — национализм, после 1917 года, наряду с национальной враждой, более важным мотивом становится идеологический евангелизм»³⁷. Автор считает, что первая организованная система международных отношений появилась еще в 720—220 годах до н. э. Это система китайских государств, которой Луард дает название системы «экспансивной конкуренции» и которой были свойственны преимущественно территориальные споры. Следующими системами были система греческих городов-государств (система «биполярной конкуренции союзов»), система европейских государств XVI — начала XVII века (система «рассеянной территориальной конкуренции»), система XVII — начала XVIII века (система «династической конкуренции»), XVIII — начала XIX века (система «на-

ционалистической вражды») и, наконец, система современных международных отношений, сложившаяся после 1917 года (система «идеологической вражды»).

Системы международных отношений создаются, согласно его рассуждениям, по желанию правителей, которые вольны поддерживать ее равновесие и тем самым сохранять систему или разрушать ее. Движущими мотивами государств в международных конфликтах являются, как подчеркивает Луард, территориальные, религиозные, династические, националистические и идеологические соображения глав государств.

Таким образом, основными факторами развития систем международных отношений, обуславливающих переход от одного исторического типа системы к другому, по мнению Луарда, выступают не важнейшие противоречия противоположных социально-экономических сил, существующие на международной арене и носящие в основе своей классовый характер, а цели субъектов системы, причем это не классово-определенные цели государств, а какие-то абстракции типа «идеологического евангелизма».

Существенную роль в развитии систем играют также, по мнению автора, различного рода дистанции, разделяющие субъектов той или иной системы («дистанция путешествия», измеряемая временем путешествия из одной страны в другую, «дипломатическая дистанция», измеряемая техническими средствами связи, видами установленных контактов и полномочиями послов, «военная дистанция», от которой зависят формы конфликтов, и т. д.). Сокращение дистанций во времени ведет к переходу от одного типа системы к другому — такова одна из важнейших закономерностей исторического развития, открытая Луардом.

Сама идея Луарда прийти к классификации международных конфликтов через типологию международных отношений в основе своей верна. Однако свойственный буржуазной науке антиисторизм в анализе международных отношений предопределяет оторванность буржуазных типологий и классификаций как международных отношений в целом, так и международных конфликтов от исторической действительности, от реального международного развития.

Подобная подмена действительно важных, существенных тенденций и закономерностей в международных

конфликтах второстепенными, несущественными признаками свойственна большинству буржуазных исследователей. Именно в их неспособности найти подлинно научные критерии, правильно систематизировать основные признаки коренятся причины многочисленных неудач при разработке сколько-нибудь глубоких, содержательных классификаций международных конфликтов, кризисов и войн.

В марксистской науке международных отношений классификация международных конфликтов неотделима от определения их социально-политического характера, причин и движущих сил.

Конкретно-исторический подход, всесторонний учет характера и особенностей эпохи лежат в основе важнейших требований марксистско-ленинской методологии исследования международных конфликтов. Основные требования к типологии и классификации международных конфликтов были сформулированы классиками марксизма-ленинизма при анализе ими проблем войны как одной из форм международного конфликта.

Международные конфликты, указывал В. И. Ленин, остаются по форме своей такими же международными конфликтами, как и в предшествующие эпохи, но социальное и классовое содержание их коренным образом меняется³⁸. Следовательно, необходимо в соответствии с этим различать конфликты по типам. «Я считаю ошибочным теоретически и вредным практически, — подчеркивал Ленин, — не различать типов войн»³⁹. Типы войн определяются социально-политическими противоречиями каждой данной эпохи. «Нельзя понять данной войны, — разъяснял далее В. И. Ленин, — не поняв эпохи»⁴⁰. Попытки перенесения оценок войн одной эпохи, одного типа войн на войны другой эпохи или другого типа он называл «издевательством над истиной»⁴¹.

Понятию «эпоха» В. И. Ленин придавал большое теоретическое значение. «Эпоха, — писал он, — потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»⁴². Каждой исторической эпохе, определяемой господством той или иной социально-экономической формации, соответствует определенный тип международных отношений, а значит и определенные типы международных конфликтов.

Международные отношения нашей эпохи качественно отличаются от международных отношений эпохи безраздельного господства империализма, когда их содержание определялось главным образом интересами и соперничеством однотипных эксплуататорских классов, однотипных государств, стремившихся к закреплению и расширению своих позиций как внутри страны, так и вне ее, к завоеванию новых рынков, к утверждению своей гегемонии, своего господства над другими странами. Соответственно и войны носили империалистический, захватнический характер, возникали на почве территориального раздела и передела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию»⁴³.

Однако В. И. Ленин предупреждал, что и в рамках одной и той же исторической эпохи войны могут резко отличаться друг от друга по своему типу, по своему содержанию: «... В каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов»⁴⁴. Следовательно, в эпоху безраздельного господства империализма наряду с войнами империалистическими, захватническими, грабительскими и потому реакционными, несправедливыми со стороны обеих или нескольких воюющих империалистических держав существовали войны национально-освободительные, справедливые со стороны угнетенных народов и имеющие прогрессивное значение.

В. И. Ленину принадлежит также заслуга создания учения о войне, мире и революции, правильной постановки этих вопросов в изменившихся условиях «новой эпохи всемирной истории», открывшейся с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Исходя из особенностей нашей эпохи — эпохи борьбы двух противоположных общественных систем, социалистических и национально-освободительных революций, крушения империализма, ликвидации колониальной системы, становления на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе, советские исследователи-марксисты развили дальше ленинский подход к типологии и классификации международных конфликтов⁴⁵.

Научная разработка проблем типологии современных международных конфликтов неотделима от принципов

ального исследования типов международных отношений, поскольку конфликт представляет собой одну из форм политических отношений государств как основных субъектов системы международных отношений. В советской литературе разрабатываются проблемы типологии современных международных отношений в соответствии с различиями в социально-экономическом строе и классово-политическом характере их субъектов. Отражены в ней также и особенности современной исторической эпохи, ее характер, обуславливающие в целом содержание международных отношений наших дней, их сложность, противоречивость и динамизм.

Вполне обоснованную типологию международных отношений предлагает Д. Г. Томашевский: отношения между государствами двух мировых общественных систем; отношения между капиталистическими государствами; отношения между социалистическими государствами; отношения между империалистическими государствами и развивающимися странами; отношения между социалистическими государствами и развивающимися странами; наконец, довольно пестрые по своему социальному характеру международные отношения между самими развивающимися странами⁴⁶.

Эти объективные критерии должны обязательно учитываться и при составлении типологии международных конфликтов. Однако типология как один из важных приемов теоретического анализа применительно к исследованию международных конфликтов имеет свои особенности.

Как предлагает В. И. Гантман, не следует вводить в типологический ряд конфликты между социалистическими странами, исходя только из того, что отношения между ними выделены в отдельный тип международных отношений. Конфликтные ситуации, доходящие до острых столкновений, настолько редки в отношениях между социалистическими государствами и не типичны для развития социалистической внешней политики, что любой случай таких исключительных ситуаций должен подвергаться особому конкретному анализу⁴⁷.

При выделении типов международных конфликтов необходимо учитывать ряд дополнительных признаков, отражающих специфику конфликта как одной из форм международных отношений. Иначе возникает опасность абсолютизации этой формы, сведения к ней всего богат-

ства международных отношений. Разработка типологии международных конфликтов требует также тщательного учета субъективных факторов, и в первую очередь внешней политики того или иного государства.

Научное решение проблемы типологии международных конфликтов возможно на основе марксистско-ленинской методологии в рамках теории международных отношений. Первые и весьма удачные попытки ее построения предприняты в книге «Международные конфликты». В. И. Гантман предлагает различать три основных типа конфликтов на международной арене: конфликты, непосредственно отражающие противоречия и борьбу двух социально-политических систем; конфликты, порождаемые попытками империализма подавить национально-освободительную борьбу народов; конфликты, отражающие межимпериалистические противоречия и межимпериалистическую борьбу⁴⁸.

Исходными и коренными критериями для установления типа международного конфликта в марксистско-ленинской теории международных отношений являются такие его неотъемлемые признаки, как социально-политическая природа государств — участников конфликта, соотношение и расстановка внутренних классовых и политических сил, т. е. основные качественные характеристики, определяющие содержание конфликта. В отдельный комплекс признаков выделены признаки, относящиеся к внешним условиям возникновения и развития конфликта. Они учитывают характер эпохи, конкретную международно-политическую обстановку. Это и система международно-политических связей, союзов и обязательств государств-участников, и их разногласия с другими странами, и реальное место данного конфликта в борьбе двух социальных систем.

Не последнюю роль играет комплекс признаков, относящихся к количественным характеристикам конфликта и охватывающих экономический и военный потенциал его участников, транспорт, связь, мобилизационные способности, масштабы и длительность конфликта и т. д.⁴⁹

Выработка типологии международных конфликтов рассматривается проф. Д. В. Ермоленко в качестве одной из важнейших задач марксистско-ленинской методологии исследования общественных процессов и явлений⁵⁰

Основными критериями научной типологии, по мнению Ермоленко, являются: природа данного конфликта; характер источников противоречий, на базе которых конфликт разворачивается; причина конфликта; степени и уровни, на которых возникает опасность дальнейшего обострения и нарастания конфликта; нахождение возможных направлений, способов ослабления, разрешения, а в некоторых случаях и предотвращения конфликта⁵¹. «При выработке типологии, — подчеркивает автор, — очень важно различать количественные и качественные моменты, форму и содержание в конфликтных процессах»⁵².

Следует подчеркнуть различия в подходе буржуазных и советских авторов к классификации международных конфликтов. Качество рабочих классификаций во многом определяется степенью их соответствия реальному социально-политическому содержанию каждого типа международных конфликтов даже в том случае, если за их основу приняты какие-либо количественные характеристики.

Примером научного подхода к классификации международных конфликтов может послужить периодизация В. В. Журкиным международных конфликтов послевоенного периода⁵³.

В основу его деления положена эволюция содержания международных конфликтов в процессе изменения расстановки и соотношения сил в мире в пользу социализма, сужающем возможности империализма проводить политику агрессии, использовать международные конфликты и кризисы в качестве основного средства достижения своих классовых целей на международной арене.

По мере внедрения в исследования международного конфликта частных методик, позволяющих применять моделирование конфликтных ситуаций, возрастает значение формальных классификаций. Они могут послужить отдельным частным целям исследования, например, имитационному анализу того или иного конкретного конфликта. Но по отношению к качественному анализу, лежащему в основе содержательных классификаций, классификации по формализованным признакам будут всегда носить вторичный, подсобный характер.

В целом типологическая процедура (включая построение типологий и классификаций международных

конфликтов) в качестве важнейшего приема теоретического анализа может принести действительную пользу внешнеполитической теории и практике только в органическом сочетании с конкретно-историческим подходом к исследованию международных отношений.

Именно эти исходные критерии и требования легли в основу предпринятого в данной работе критического анализа попыток буржуазных авторов разработать типологии и классификации международных конфликтов как в рамках «общей теории конфликта», так и в рамках многочисленных теорий и концепций непосредственно международного конфликта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ И КРИЗИСАМИ

Современная буржуазия возлагает большие надежды на научно организованную систему менеджмента (управления), усматривая в ней возможность предотвращения кризисов и улаживания социальных конфликтов. С научным менеджментом связываются и надежды на то, что путем рациональной организации и управления социальными процессами как внутри общества, так и на международной арене можно предотвратить крушение мировой капиталистической системы, усовершенствовать средства борьбы с мировым социализмом, сделать их более эффективными, приспособить к существенно изменившейся расстановке основных классовых и политических сил в мире.

Призыв пересмотреть роль Америки в меняющемся мире и в связи с этим концепцию национальной безопасности содержится в ряде официальных выступлений государственных деятелей США. Так, выступая на ежегодном собрании научно-исследовательского института им. Вейцмана (Чикаго), бывший помощник президента З. Бжезинский подчеркнул, что «в нынешнюю самую динамичную эру за всю историю человечества национальная безопасность означает управление переменами. Дело в том, что весь мир будет неизбежно меняться под влиянием сил, над которыми ни одно правительство не имеет полного контроля. Америка призвана сыграть особую роль, содействуя в управлении глобальными переменами, ибо наша страна представляет собой не просто органичную проекцию прошлого, она, кроме того, имеет связь с будущим».

Группа сотрудников Гудзоновского института, руководимая известным американским ученым Г. Каном, подготовила футурологическое исследование, в котором

на буржуазную науку менеджмента возлагаются большие надежды в деле решения глобальных мировых проблем: сумеет ли человечество, вооруженное достижениями научно-технической революции, преодолеть последствия демографического взрыва, продовольственного, сырьевого и энергетического кризисов, сохранить окружающую среду и предотвратить термоядерную войну? Ответ звучит оптимистически. «С нашей точки зрения, — заявляют авторы исследования, — правильно поставленная исследовательская работа и хорошо налаженное управление при решении узловых проблем современности смогут помочь использовать прогресс в течение продолжительного периода времени на благо, а не во вред человечеству»¹.

Буржуазная наука управления представлена самыми различными течениями, школами, направлениями. В ее рамках разрабатываются в значительной мере несовместимые друг с другом концепции. Кардинальные расхождения имеют место и между представителями одних и тех же направлений. Противоречия методологического характера определяются неизбежными для буржуазных теоретиков попытками соединить научное исследование организационного процесса управления с апологией исторически изживших себя социально-экономических отношений.

В области буржуазного менеджмента используется самый современный концептуальный аппарат системного подхода, применяются новейшие средства социологических и социально-психологических исследований, последние достижения научно-технического прогресса. И несмотря на это, в практике капиталистического управления методологические принципы системного подхода, имеющие научную ценность, не могут быть применены в полной мере вследствие разобщенности и противоречивости самих объективных социально-экономических отношений, подлежащих исследованию².

Значительное воздействие основных идей буржуазной науки управления испытывают в 60—70-е годы исследования в области международного конфликта. В частности, вопрос о разрешении конфликта в методологическом и политическом плане ставится в связи с более широкой проблемой «управления» международными конфликтами и кризисами³. Управление конфликтно-кризисными ситуациями рассматривается как процесс, состоящий из

этапов предупреждения возникновения таких ситуаций, их ограничения и разрешения. В этих исследованиях широко используется так называемый «ситуационный подход» к управлению, претендующий на выработку некоторой интегрирующей основы различных концепций управления с целью преодоления разрыва между теорией и практикой менеджмента, повышения практической значимости теоретического поиска в области управления конфликтно-кризисными ситуациями, разработки принципов, дающих возможность практически решать в конкретных условиях те или иные управленческие проблемы.

В основу целого ряда трудов по управлению конфликтами и кризисами легла общая методологическая схема управленческого процесса, разработанная еще в 1954 году американским исследователем П. Друкером⁴ и развитая его последователями. В соответствии с этой схемой анализ конкретных управленческих проблем проходит через следующие этапы:

- постановка диагноза ситуации для определения главных проблем; формулирование управленческих целей и выявление принципиального пути их достижения;

- изучение характеристик ситуации и определение факторов, влияющих на принятие решений;

- разработка альтернативных курсов действий;

- оценка каждой альтернативы и определение той, которая наилучшим образом соответствует требованиям ситуации;

- выполнение намечаемого плана в ходе конкретных действий⁵.

Особенностью ситуационного подхода на современном этапе является то, что «ситуация» в его рамках рассматривается не как отдельное, подчас уникальное явление в процессе управления, а как некая обобщенная модель управленческого решения, где четко выделяются контролируемые и неконтролируемые переменные и определяются (как правило, количественно) взаимосвязи между объективными характеристиками системы и ее среды и соответствующими им решениями. Огромное значение в процессе управления придается проблеме информационного обеспечения управленческих решений⁶.

Однако, как показывает анализ работ, прямое перенесение концептуального и методического аппарата буржуазной науки управления (изучающей преимуществен-

но управление внутриобщественными производственными отношениями) в сферу исследования международно-политических процессов приводит к тому, что в таких работах не учитывается специфика системы международных отношений и движущих сил международного развития. В итоге предлагаемые буржуазными исследователями различные рационалистические схемы управления конфликтно-кризисными ситуациями, типологии управленческих решений, информационно-поисковые системы, обеспечивающие принятие управленческих решений, носят, как правило, искусственный характер, недостаточно проработаны и надежны для выработки действительно обоснованных практических рекомендаций. Вместе с тем новые тенденции в международной политике капиталистических государств находят отражение в работах буржуазных теоретиков. Именно поэтому на первый план их научного поиска выдвигается исследование проблемы управления международными конфликтами и кризисами, призванное, с одной стороны, найти выход из тех безнадежных, бесперспективных ситуаций, в которые завела правящие круги империалистических государств их политика «с позиции силы», с другой стороны, способствовать повышению эффективности традиционных средств этой политики, среди которых важное место отводится международным конфликтам и кризисам.

Так, например, в интервью американскому журналу «Тайм» бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер сказал: «Государственные руководители несут перед народом ответственность за определение его потребностей. Если избегать решения проблем, они вызывают кризис, а неуправляемый кризис может обратиться в катаклизм по мере его развития». Касаясь последних событий в Иране, Киссинджер подчеркнул: «Если этот процесс будет оставаться неуправляемым, его окончание будет еще более серьезным по сравнению с тем, каким было начало... Мы должны показать, что мы понимаем наши собственные интересы и готовы защищать их, что в свою очередь требует постоянного управления (беспорядками. — Авт.)⁷ на протяжении всего этого периода».

Одним из наиболее важных процессов, развертывающихся в современных условиях в крупнейших капиталистических странах, является перестройка системы управления, поиски нового, более эффективного механизма

принятия решений на всех уровнях, в том числе в области руководства внешней политикой с целью приспособления империализма к меняющемуся миру⁸.

Об управлении или управляющем воздействии в системе международных отношений можно говорить лишь условно, лишь в смысле попыток повлиять на ход международного развития, не отождествляя его ни с кибернетическим понятием управления, ни с управлением во внутриобщественных отношениях.

Управление международно-политическими процессами имеет крайне ограниченный характер в силу принципиального отличия системы международных отношений от других социальных систем. В международных отношениях переплетаются, сталкиваются и взаимно дополняют друг друга самые разнообразные виды управляющих воздействий, исходящие от различных субъектов системы международных отношений; наряду с механизмом стихийного регулирования международно-политических процессов функционирует механизм сознательного целенаправленного воздействия на развитие международных отношений⁹. Соотношение стихийного и сознательного в управлении зависит от степени зрелости общественных отношений их участников, от присущих исторической эпохе закономерностей и тенденций, от того, в какой мере эти закономерности и тенденции создают возможности для активного вмешательства в социальные процессы в интересах мира и социального прогресса всех стран и народов.

В первой «глобальной» системе международных отношений, где безраздельно господствовал империализм, преобладающую роль играли стихийные механизмы регулирования и международные отношения всецело определялись законами империализма (стихия рынка, законы анархии и конкуренции, открытый грабеж слабого сильным и т. д.). Экономическая и политическая экспансия великих держав, территориальный раздел мира и борьба за его передел, захватнические, грабительские войны явились неизбежным проявлением основных характерных черт капиталистического способа производства на его империалистической стадии.

«Социализм разбил тот порочный круг, в котором вращалась вся история международных отношений, пока их определяли эксплуататорские классы: война — поражение одной из сторон, накопление силы для очеред-

ной попытки передела сфер влияния — снова война»¹⁰. В международных отношениях появился принципиально новый фактор — реалистическая, миролюбивая, научно обоснованная социалистическая внешняя политика, логически вытекающая из социалистического способа производства. Реальные возможности воздействия социалистической внешней политики на ход международных событий глубоко коренятся в том, что она выражает интересы рабочего класса, всех трудящихся, вытекает из объективных тенденций мирового развития, движения современного общества от капитализма к социализму, стимулирует эти тенденции.

В современных условиях гигантской по своим масштабам борьбы двух противоположных систем в политической стратегии империализма происходят значительные изменения в сторону определенного возрастания роли сознательного управления в формах и масштабах, отвечающих интересам монополистического капитала и направленных на сохранение его господства. Однако не всякое сознательное управление является научным. В то время как во внешней политике социализма сознательный механизм воздействия на социальные процессы в системе международных отношений носит подлинно научный характер и является определяющей ее чертой, внешняя политика империализма, хотя она и формируется и проводится вполне сознательно господствующим классом, является антинаучной и противоречивой в силу ее внутренней социальной сущности.

Руководствуясь долговременными интересами монополистической буржуазии, и в первую очередь задачей сохранения социально-экономической системы капитализма, ее укрепления и развития, стремлением сделать так, чтобы она устояла перед временем, выдержала соревнование и борьбу с мировым социализмом, империализм не только приспосабливается к быстро меняющейся ситуации, но и стремится использовать, «организовывать» ее с пользой для себя.

Таким образом, в системе современных международных отношений, как и в любой социальной системе, параллельно существуют, переплетаются и противоборствуют два типа, два механизма управления. Особенности их проявления в международных отношениях заключаются в том, что при неуклонном отмирании отношений господства и подчинения, когда все государства стано-

вятся равноправными субъектами системы, разрешение международных проблем осуществляется в итоге совокупного взаимодействия всех заинтересованных участников международных отношений.

Есть все основания полагать, что по мере дальнейшего сплочения и укрепления сил социализма, углубления мирового революционного процесса и изменения соотношения сил на мировой арене в пользу сил мира и социального прогресса роль научного управления сложными социально-политическими процессами в международных отношениях будет увеличиваться. Однако лишь с победой социализма во всемирном масштабе стало бы возможным полное воплощение принципов научного управления в отношениях между народами. В этом смысле отношения между странами социалистического содружества могут служить прообразом будущего мирового сообщества свободных народов.

Ощутимые сдвиги в направлении мира и разрядки напряженности на международной арене, происшедшие за последнее десятилетие, убедительно свидетельствуют о возрастании возможностей совместного сознательного воздействия участников системы международных отношений на такие важнейшие объективные процессы современного мира, как экономическое развитие, прогресс в области науки и техники, состояние и соотношение военных потенциалов, характер, система, структура, долгосрочные тенденции международных отношений.

Радикальный путь борьбы с международными конфликтами, особенно с кризисными ситуациями — это последовательное ограничение, а в конечном счете и полное пресечение конфликтного развития международных отношений. Именно этому способствовали положительные сдвиги, происшедшие за последнее десятилетие в мировой обстановке. Утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, уменьшение опасности мировой ядерной войны, поворот от конфронтации к разрядке напряженности, встречные поиски конструктивных подходов к решению международных проблем — таковы тенденции, которые сдерживают назревание международных конфликтов и облегчают их мирное урегулирование. Это относится прежде всего к главным и наиболее взрывоопасным типам международных конфликтов, т. е. к конфликтам, в которых друг другу противостоят государства проти-

воположных общественных систем, а также капиталистические страны и молодые суверенные государства или национально-освободительные движения.

Нет никакого сомнения в том, что тенденция к разрядке напряженности, поворот от враждебного противостояния к конструктивным отношениям между государствами противоположных систем на основе мирного сосуществования позволили заметно снизить уровень конфликтности в международной жизни и предотвратить возникновение ряда кризисных ситуаций. Несомненно и то, что возникавшие в 70-х годах международно-политические кризисы удавалось преодолевать с меньшими трудностями, чем это могло бы быть в условиях «холодной войны». Кроме того, оказалось возможным в целом заметно ограничить негативное влияние таких кризисов на процесс международной разрядки. Это в той или иной мере относится к серии международно-политических кризисов, вспыхивавших в ходе продолжавшегося конфликта в Индокитае (1970—1972 гг.), в связи с конфликтом между Индией и Пакистаном (1971 г.), конфликтом вокруг Кипра (1974 г.) и особенно в результате крайнего обострения конфликта между Израилем и арабскими странами (1973 г.). Положен конец самому крупному за все послевоенное время вооруженному конфликту в Индокитае, который на протяжении ряда лет серьезно осложнял международную обстановку. Международному империализму не удалось достичь своих целей и в ходе спровоцированного им конфликта между Сомали и Эфиопией в 1977—1978 годах.

Стремясь содействовать преодолению возросшей в последнее время обостренности в международной обстановке, ее нормализации, страны Варшавского Договора предлагают провести — и весь опыт истории со времен антигитлеровской коалиции до наших дней говорит, что это наиболее надежный путь к прочному миру, — встречу на самом высоком уровне руководителей государств всех районов земного шара для рассмотрения ключевых проблем мировой политики, среди которых центральное место занимает устранение очагов напряженности, недопущение войны¹¹.

В интересах сохранения мира, упрочения разрядки в политической, военной и иных сферах КПСС, советский народ как прежде, так и теперь, когда оказались затрудненными подходы к урегулированию многих международ-

ных вопросов, от которых зависят судьбы мира, ставят в фокус своей политики такую жгучую проблему, какой является необходимость снижения интенсивности все еще имеющихся конфликтов, чтобы не давать им перерасти в кризисную фазу. Многое зависит от конкретного соотношения и расстановки сил прямых и косвенных участников конфликта, от политики заинтересованных государств, от общего климата международных дел.

Нет, однако, оснований недооценивать опасность, связанную с кризисными фазами международных конфликтов. Разрядка напряженности, хотя и сократила, но не сняла полностью возможность возникновения кризисных ситуаций. Долговременные и глубокие тенденции, открывающие реальную перспективу урегулирования конфликтов, не всегда и не во всем могут оказывать сдерживающее действие при внезапном появлении угрозы того или иного международно-политического кризиса. Острое столкновение интересов участников конфронтации, особенно местных, прямо соприкасающихся сил, резко повышает динамизм и усиливает неуправляемость конфликта. Чрезмерная реакция сторон чревата не только скоротечным развитием международно-политического кризиса, но и перерастанием его в фазу применения военной силы, в фазу вооруженной борьбы. Войдя в кризисную стадию, конфликт приобретает еще большую инерцию, углубляются заложенные в нем противоречия, усиливается жесткость позиций сторон. Даже после преодоления кризиса его негативные последствия еще долгое время могут создавать дополнительные препятствия на пути к окончательному урегулированию конфликта.

Международно-политические кризисы способны наносить тяжелый и долговременный ущерб не только взаимоотношениям прямых и косвенных участников конфликта. Они зачастую проецируют противоречия конфликтов, даже локальных, в значительно увеличенном виде на глобальный уровень международных отношений, что приводит к переплетению их с другими противоречиями, в том числе и с такими, которые первоначально не были непосредственными стимулами конфликтов. Международно-политические кризисы могут отравлять всю обстановку в мире, вносить в нее новые элементы нестабильности, затруднять развитие позитивных процессов.

Разгоревшийся в сентябре 1980 года ирано-ирак-

ский вооруженный конфликт служит наглядной иллюстрацией к сказанному выше. Его последствия несут серьезную угрозу стабильности в регионе, объявленном сферой «жизненно важных интересов» США и других империалистических государств. «Бои между Ираном и Ираком потенциально более взрывоопасны и таят в себе намного более серьезную угрозу для экономики промышленно развитых стран, чем большинство прошлых пограничных столкновений на Ближнем Востоке, — признавала лондонская «Файнэншл таймс». — Оба участника конфликта — крупные производители нефти, а спорная территория находится в самом центре нефтеносного и судоходного района»¹².

Во время кризиса в США родилась «идея» предпринять «коллективные меры» (например, создание международного флота для охраны Ормудского пролива) по «обеспечению безопасности» нефтяных коммуникаций Запада и «разведению конфронтирующих сторон»¹³. С этой целью Соединенные Штаты, а вслед за ними Англия и Австралия направили к берегам Аравийского полуострова отряды своих боевых кораблей и начали переброску туда вооруженных сил.

Страницы истории международных отношений напоминают о том, что именно под такими надуманными предложениями готовилась и была совершена «тройственная агрессия» против Египта в 1956 году, а призывы США о создании объединенных военно-морских сил для «обеспечения безопасности» судоходства в Тиранском проливе послужили прелюдией к израильской агрессии против арабских народов в 1967 году.

Новая вспышка кризиса используется Соединенными Штатами для эскалации военного проникновения в район Персидского залива, для создания «регионального оборонительного союза», включающего не только некоторые западные страны, Израиль и Египет, но и, возможно, Иорданию и Саудовскую Аравию, «в противовес политически неустойчивым, нестабильным, антизападным государствам — Ираку, Сирии, Ливии и Ирану»¹⁴.

Позиция Советского Союза в отношении этих событий ясно изложена Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду: «Советский Союз решительно выступает за скорейшее прекращение этой братоубийственной войны, за политическое урегулирование конфликта. Мы стремимся и на практике содействовать

этому»¹⁵. Район Персидского залива, как и любой район мира,— это сфера жизненных интересов находящихся там государств, а не каких-то других.

Линия советской внешней политики в отношении международных конфликтов и порождаемых ими кризисных ситуаций ясна и последовательна. Советский Союз добивался и добивается в качестве важнейшей предпосылки укрепления международной безопасности исключения из межгосударственных отношений любых видов конфликтного и кризисного решения спорных вопросов. «... Ликвидация разгоревшихся конфликтов, предотвращение новых кризисных ситуаций, — подчеркивал Л. И. Брежнев,— это необходимое условие создания действительно надежных гарантий мира»¹⁶.

Неуклонно следуя принципиальному курсу укрепления мира и безопасности народов, СССР вместе со своими союзниками и друзьями противопоставил линии на силовую конфронтацию и острые конфликты конструктивную альтернативу мирного международного сотрудничества. В то же время Советский Союз неизменно продолжал предоставлять действенную помощь странам и народам, оказавшимся жертвами агрессии, последовательно поддерживал справедливую освободительную борьбу и усилия по достижению мирного политического урегулирования спорных вопросов.

Так, в целях оказания содействия правительству и народу Афганистана в отстаивании революционных завоеваний, отражении вооруженных вторжений извне, а также ликвидации угрозы превращения его территории в империалистический плацдарм на южных границах СССР было принято решение о вводе в эту страну ограниченного контингента советских войск. Эта помощь была предоставлена по просьбе афганского руководства, в полном соответствии с Уставом ООН и Договором о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Афганистаном. Она ни в коей мере не противоречит политическому урегулированию афганской проблемы. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии сказано: «По поводу выдвинутых нами предложений по Персидскому заливу иногда говорят, что их нельзя оторвать от вопроса о пребывании советского воинского контингента в Афганистане. Что можно на это сказать? Советский Союз готов договариваться по Персидскому заливу как самостоятельной проблеме. Готов, разумеется,

и к участию в отдельном урегулировании положения вокруг Афганистана... **Но мы не возражаем и против того, чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива.** Естественно, при этом могут обсуждаться лишь международные аспекты афганской проблемы, а не внутриафганские дела. Суверенитет Афганистана должен быть полностью огражден, как и его статус неприсоединившегося государства».

Практическая реализация благоприятных возможностей, создаваемых разрядкой, разумеется, не может наступить автоматически. Необходимы целеустремленные и настойчивые усилия всех заинтересованных сторон, каждого государства, чтобы последовательно разрешать накопившиеся спорные вопросы и тем самым сокращать сферу потенциально конфликтного развития международных отношений.

Обнадеживающий опыт начального этапа разрядки, само собой разумеется, вовсе не означает, что уже достигнуто все возможное для урегулирования и предотвращения кризисных ситуаций. Сделаны лишь первые шаги, и останавливаться нельзя. Жизнь неизменно подтверждает опасность консервации очагов напряженности и военных конфликтов. Страны социалистического содружества рассматривают ликвидацию этих очагов в качестве одной из главных внешнеполитических задач.

В Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой на совещании Политического консультативного комитета в Москве 23 ноября 1978 г., подчеркивалось, что «мечта миллионов людей всех континентов о мире без военных конфликтов не является утопией. Она может быть достигнута и стать реальностью в результате общих усилий всех, кто готов за нее бороться»¹⁸. Решение этих задач — дело само по себе далеко не простое — заметно осложняется теми влиятельными силами, которые упорно противятся разрядке и международному сотрудничеству, не отказываются от попыток создать в тех или иных районах мира критическую напряженность и вмешиваются во внутренние дела других государств.

В обстановке разрядки создавались условия для эффективного сдерживания сторонников такой «кризисной политики», нацеленной на обострение международных конфликтов, как средство их разрешения. Слишком вы-

сока политическая себестоимость и слишком велик риск вооруженной конфронтации при «кризисном урегулировании» конфликтов, чтобы оно могло быть приемлемым в современной международной практике. Тем более опасны позиции откровенно воинственных элементов на Западе и последователей концепции «потрясений и беспорядков» в Пекине, которые в своих узкокорыстных интересах готовы любыми средствами стимулировать возникновение кризисных ситуаций и тем самым осложнять всю международную обстановку.

Китайское руководство выступает единым фронтом с самыми реакционными империалистическими силами. От проповеди неизбежности новой мировой войны и раздувания антисоветизма внутри страны пекинские лидеры перешли к прямым экспансионистским действиям, пытаются обострить мировую обстановку, подорвать позиции стран социалистического содружества, создать широкий антисоветский альянс. Их не устраивают конструктивные тенденции в международных отношениях, они не могут смириться с тем, что разрядка пустила корни в Европе, им явно не по душе стремление народов Азии жить в мире. Добиваясь осуществления своих гегемонистских планов, Пекин не останавливается ни перед блокированием с империалистическими государствами, ни перед прямыми интервенционистскими акциями.

Объектом постоянных провокаций, грубого шантажа и давления со стороны Китая стал социалистический Вьетнам. Наглядным примером того, к чему приводит провокационная политика Пекина, может служить бесславная история и полный крах свергнутого ныне режима Пол Пота — Йенг Сари, навязанного народу Кампучии китайскими «покровителями» и выступавшего в качестве марионетки КНР.

Другим ярким примером провокационной, подстрекательской линии является отношение КНР к развитию событий на Ближнем Востоке. Далеко не случайным представляется тот факт, что Китай оказался одним из первых государств, приветствовавших инициативу президента А. Садата и его поездку в Иерусалим. Сговор в Кэмп-Дэвиде также был расценен в Пекине как позитивное и конструктивное соглашение. Пекинские лидеры оказывают активную политическую поддержку разыгрываемому по американскому сценарию египетско-израильскому спектаклю.

Таким образом, международная политика пекинского руководства выступает как ощутимый дестабилизирующий фактор в системе современных международных отношений. Силам мира и социализма пришлось столкнуться с этим новым конфликтообразующим фактором в условиях сложной политической, экономической и идеологической борьбы двух противоположных социально-экономических систем. Подстрекательские позиции Китая во вьетнамо-кампучийском конфликте (1978 г.), поддержка империалистической интервенции в Шабе (1978 г.), контрреволюции в Афганистане (1980 г.), а также ряд других подрывных акций на международной арене свидетельствуют о той реальной и потенциальной угрозе национально-освободительному движению народов и международной безопасности, которую необходимо учитывать в практической политике при попытках управления конфликтно-кризисными ситуациями.

Положительным явлением международной жизни последнего десятилетия стал рост числа государств, объединяющих свои усилия для сдерживания конфликтного развития международных отношений.

По мере углубления позитивных сдвигов в мировой обстановке все более бесперспективной и бесплодной становилась военно-силовая политика «холодной войны», грубого вмешательства во внутренние дела других стран. В частности, США были вынуждены прекратить вооруженную интервенцию в Индокитае. Уроки длительной и тяжелой войны послужили катализатором острой внутренней борьбы в американских политических кругах, подтвердили вредность и опасность ставки на силовое и конфликтное решение международных проблем и стимулировали поиски реалистических концепций во внешней политике США.

Американский исследователь Л. Блумфилд отмечал: «70-е годы требуют поисков альтернативы одностороннему военному вмешательству... В большинстве случаев мир и интересы США будут лучше обеспечены с помощью целеустремленной стратегии управления конфликтом. Основная задача этой стратегии состоит не в том, чтобы выигрывать локальные конфликты или осуществлять руководство ими, а в том, чтобы предотвращать, сдерживать или завершать их»¹⁹.

Такая стратегия, безусловно, обеспечила бы реалистический подход к современным международным кон-

фликтам правящих кругов капиталистических стран, вынудив их считаться с новыми историческими условиями, новым соотношением сил на мировой арене.

Все это еще раз подчеркивает необходимость серьезного всестороннего политического и научного анализа различных концепций разрешения конфликта, выявления истоков тех или иных представлений буржуазных специалистов по такому важному вопросу, как вопрос управления международными конфликтами и кризисами.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ КОНФЛИКТОМ И ПРАКТИКА «КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Как уже отмечалось, «управленческий бум» в исследовании международных конфликтов и кризисов приходится на начало 60-х годов и продолжает определять основные направления этих исследований в последующее десятилетие. С претензией на создание общетеоретической схемы процесса управления конфликтом выступил норвежский политолог Й. Галтунг. Управление конфликтом определяется им как «умение поддерживать конфликты и их стоимость ниже того уровня, на котором они становятся угрожающими для системы»¹. Процесс разрешения конфликта представляет собой, в понимании автора, один из аспектов управления. Другим аспектом является «контроль поведения», предполагающий существование различного рода правил (включая международно-правовые нормы) в отношениях между участниками конфликта, которые регулируют ведение конфликта, ограничивают его масштабы, средства борьбы и количество участников.

«Контроль поведения» отнюдь не предполагает окончания конфликта. Напротив, он может способствовать, как утверждает автор, его бесконечному продолжению. Управляемый таким образом конфликт Галтунг рассматривает как одну из «ценностей», имеющих функциональное значение для системы. Все поиски в области управления конфликтами автор сосредоточил на изучении более важного, с его точки зрения, аспекта управления, а именно: механизмов разрешения конфликта. В основу его представлений легли методологические принципы

буржуазного структурализма и социального бихейвиоризма. В частности, он использует основные идеи так называемого генетического структурализма, предполагающего изучение структуры конфликта в связи с его развитием.

Однако, рассматривая разрешение конфликта как «процесс, в результате которого система движется к такому новому состоянию, в котором она уже не будет иметь две или более несовместимые цели»², Галтунг ограничивается лишь изучением внешних форм развития конфликта как системы, опуская, по существу, вопрос о движущих силах развития. Неудивительно поэтому, что, будучи не в состоянии установить подлинные причины международных конфликтов в современную эпоху, определить, какие факторы вызывают их обострение, он оказывается неспособным дать и научно обоснованную постановку вопроса о разрешении конфликта.

Подход Галтунга к вопросу об основных способах и средствах разрешения современных международных конфликтов отражает, с одной стороны, идеологию буржуазного пацифизма, выразившуюся в его стремлении разработать такие механизмы разрешения, которые служили бы «функциональными эквивалентами войн», а с другой — империалистическую практику «мирного» разрешения конфликтов в рамках политики «с позиции силы». В его подходе отчетливо проявляется вся непоследовательность буржуазного пацифизма. Галтунг является выразителем мировоззрения тех кругов современной буржуазии, которые осознали невозможность военного решения исторического противоборства социализма и капитализма и которые, говоря словами В. И. Ленина, «тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»³.

Задавшись целью изучить механизм разрешения конфликта, Галтунг обращается к «классическому», с его точки зрения, примеру такого механизма — «регулируемому ведению войны», которое спасает участников конфликта от втягивания в разрушительную для системы международных отношений «тотальную войну». «В принципе, — пишет он, — любая форма ведения войны, кроме гоббсовской войны всех против всех, является регулируемой войной. А любая регулируемая война может рассматриваться как механизм разрешения, поскольку

она определяет победителя, предполагает перераспределение ценностей (то, что завоевано победителем, принадлежит ему, а то, что побежденный теряет, является наказанием за проигрыш) и приводит хотя бы к временному завершению конфликта посредством капитуляции»⁴.

Таким образом, поверхностно, формалистски истолкованная структура развертывания и завершения империалистических войн предлагается Галтунгом в качестве универсального механизма разрешения международных конфликтов. Универсальность его состоит в том, что, независимо от качественного различия методов военного и невоенного разрешения конфликта, структура процесса разрешения должна оставаться, по Галтунгу, неизменной. Любой развернутый и заверченный механизм разрешения конфликта представляет собой, по его мнению, структуру, состоящую из трех основных компонентов: «механизма решения», «механизма распределения» и «механизма окончания». «Разрешить конфликт, — пишет Галтунг, — значит: 1) решить, кто является победителем и кто побежденным, каким будет будущее распределение ценностей; 2) осуществить это распределение ценностей; 3) прийти к заключению о том, что конфликт полностью завершен»⁵. Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса не может быть обоснованной с научной точки зрения и приводит к сомнительным практическим выводам и политическим рекомендациям.

Если обратиться к реальным международным конфликтам послевоенного периода и проанализировать процесс развития и разрешения важнейших из них, то легко можно увидеть, что выявленные Галтунгом структурные компоненты либо вовсе отсутствуют, либо имеют аналог в устремлениях и действиях развязавших эти конфликты агрессивных сил. Анализ событий на Ближнем Востоке, например, показывает, что, совершив 5 июня 1967 г. нападение на арабские страны и оккупировав обширные арабские территории, Израиль и стоящие за ним силы американского империализма взяли курс, говоря словами Галтунга, на утверждение агрессора в качестве «победителя». Курс на аннексию, на закрепление территориальных захватов или «перераспределение ценностей» стал официальной политикой израильского правительства. С этой целью Израиль долгие годы отказывался признавать резолюцию Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 г., предусматриваю-

шую вывод израильских войск со всех захваченных арабских территорий, прекращение состояния войны, уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех ближневосточных государств, открыто саботировал посредническую миссию специального представителя Генерального секретаря ООН, имевшую целью способствовать претворению в жизнь положений этой резолюции, не прекращал вооруженных провокаций против соседних арабских государств.

В этих условиях правительство Израиля настойчиво требовало от арабских государств вступления в прямые переговоры, с тем чтобы навязать им силой свои условия «перераспределения ценностей». И только после того, как были бы достигнуты империалистические цели агрессора за счет коренных интересов его жертвы, вынужденной расписаться под продиктованными ей «с позиции силы» условиями и не помышляющей, хотя бы временно, об их пересмотре, конфликт можно было бы считать, по схеме Галтунга, завершенным⁶. Примерно так и представляли себе до очередной вспышки войны в октябре 1973 года разрешение ближневосточного конфликта правящие круги Израиля и их покровители.

Галтунг признает, что в современном мире войны уже не могут выступать в качестве эффективного механизма разрешения конфликтов между государствами в силу возросшей опасности их перерастания во всеобщую ядерную войну, угрожающую разрушением системы международных отношений и уничтожением человечества. Но все его предложения сводятся в конечном счете к призыву поразмыслить над созданием таких механизмов разрешения конфликтов, которые служили бы «функциональными эквивалентами войн» с сохранением выявленных им основных структурных компонентов войны как механизма разрешения международного конфликта (решение — распределение — окончание).

С точки зрения Галтунга, современные международные конфликты можно разрешить при помощи механизма, основанного на комбинации следующих трех компонентов: публичных дебатов представителей конфликтующих сторон, транслируемых по всемирному телевидению; кодекса норм, регулирующих ведение дебатов; голосования населения всего мира с применением новейшей техники связи и ЭВМ⁷.

Неосуществимость и утопичность подобных рекомендаций очевидны. Предложения Галтунга лишены какого-либо объективного содержания, не отражают существенных, закономерных сторон процесса разрешения конфликта, а также существа выработанных в практике международного общения мирных средств и способов разрешения спорных вопросов, возникающих в отношениях между государствами. Галтунг игнорирует эту практику и идет по пути изобретения собственных механизмов разрешения международных конфликтов, отказываясь от изучения возможностей совершенствования уже существующего арсенала современных средств мирного разрешения.

Метафизика в подходе к анализу общественных явлений вообще и вопросов разрешения международных конфликтов в частности, оторванность исследования от конкретного исторического развития, от внешнеполитической практики государств привели к тому, что предлагаемые Галтунгом теоретические схемы ограничиваются описанием процесса разрешения международного конфликта как простого развертывания во времени различных структур, ведущего путем смены одного состояния конфликтной системы другим к его завершению⁸.

Еще более наглядной иллюстрацией к сказанному служат представления другого американского исследователя конфликта Боулдинга о динамике конфликта как циклическом чередовании состояний войны и мира. Увлечшись аналогиями из более близкой ему области экономических отношений, автор прямо переносит законы конкурентной борьбы капиталистических фирм в область международных отношений. В данном случае он проводит параллель между циклом «депрессия — бум» в ходе конкурентной борьбы фирм и циклом «война — мир (дипломатия)» в развитии отношений между государствами на международной арене.

Если учесть, что под состоянием мира или дипломатии Боулдинг понимает «скрытую конфликтную систему», в которой война представляет всегда присутствующую угрозу и которая движется по направлению к такой точке, где она перерастает в «открытую конфликтную систему»⁹, то нетрудно заметить, что развитие системы международных отношений в целом он рассматривает как движение от цикла к циклу в одной плоскости по замкнутому кругу, как единый, а главное — одноли-

нейный, однозначный в конечном счете, несмотря на цикличность, конфликтный процесс. В результате автор приходит к фаталистскому выводу, что «конфликты постоянно воспроизводятся»¹⁰. В этой схеме разрешение международных конфликтов приобретает временный, промежуточный характер. Говорить же об устранении вооруженных конфликтов из сферы межгосударственных отношений, согласно представлениям Боулдинга, вообще не приходится. В лучшем случае, как подчеркивает автор, возможно управление конфликтной ситуацией, поскольку на международной арене «развязывание и поддержание конфликта часто являются результатом намеренных действий его участников»¹¹.

Такая постановка вопроса в значительной мере отразила империалистическую практику создания и подталкивания, эскалации международных конфликтов и кризисов, их использования в качестве орудия в борьбе с мировым социализмом, национально-освободительным движением и внутренними революционными силами в капиталистических странах.

Представления об управлении конфликтом как умелом манипулировании силой в определенной степени были взяты на вооружение творцами американской внешней политики. Они легли в основу политики «кризисного управления» администрации президента Р. Никсона. Примером американской политики «кризисного управления» могут послужить попытки республиканской администрации урегулировать самый крупный военный конфликт со времени второй мировой войны — конфликт во Вьетнаме.

В своей официальной пропаганде администрация Никсона с первых дней прихода к власти неустанно подчеркивала, что основной целью США является «достижение мирного урегулирования,веряющего политическую судьбу Южного Вьетнама самим южновьетнамцам»¹². На деле американское правительство пошло по пути новой эскалации войны в рамках стратегии «вьетнамизации» и ведения переговоров «с позиции силы», что привело к отсутствию прогресса на начальной стадии мирных переговоров по Вьетнаму.

В сочетании с переговорами в Париже «вьетнамизация» предполагала, по замыслу ее инициаторов, осуществление военно-политического варианта решения вьетнамской проблемы. Администрация президента Р. Ник-

сона надеялась добиться того, чего не удалось достичь правительству Л. Джонсона с помощью открытой эскалации войны, — создания прочного антикоммунистического режима в Южном Вьетнаме.

Как признавал американский исследователь Ч. Локхарт, вьетнамская проблема была в основе своей политической, а не военной. «Соединенные Штаты же, — отмечал он, — были склонны (возможно, и не сознательно) определять проблему как чисто военную, отчасти ввиду идеологии «холодной войны» с ее акцентом на «коммунистической агрессии» и «повстанческих войнах», а отчасти — исполняемой Америкой роли мирового жандарма»¹³. Именно поэтому с самого начала США отдавали предпочтение военному решению проблемы. Обновленный военно-политический вариант решения не менял существа американского подхода к управлению происходящими в Юго-Восточной Азии событиями и процессами.

Однако вьетнамский народ, поддержанный СССР и другими социалистическими странами, противопоставил этой империалистической стратегии активную борьбу на всех фронтах: военном, политическом и дипломатическом. Постоянно проявляя серьезный подход и добрую волю в целях достижения мирного урегулирования вьетнамского вопроса на основе обеспечения коренных национальных прав вьетнамского народа и соблюдения права на самоопределение населения Южного Вьетнама, правительство ДРВ с полного согласия ВРП РЮВ выступило с новой исключительно важной дипломатической инициативой. В целях достижения прогресса на переговорах оно выдвинуло 8 октября 1972 г. проект соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и предложило правительству США с согласия правительства Республики Южный Вьетнам приступить к обсуждению и незамедлительному подписанию этого соглашения.

Эта инициатива правительства ДРВ вывела на путь разрешения конфликт во Вьетнаме. Сама американская сторона вынуждена была признать, что проект соглашения явился действительно важным и фундаментальным документом, открывающим путь к быстрому достижению урегулирования. 27 января 1973 г. представителями четырех правительств в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Таким образом, американская политика «кризисного управления» продемонстрировала свою полную несостоятельность и была подвергнута тщательному пересмотру в последующие годы. Безуспешность этой политики вынудила Соединенные Штаты перейти от стремления решать проблемы военной силой к готовности урегулировать нерешенные вопросы международных отношений путем равноправных переговоров.

Однако подход США к ближневосточному урегулированию являет собой пример не столько отказа от политики «кризисного управления», сколько ее модификации и оттачивания в новых условиях. Разрабатывая эту политику применительно к кризису на Ближнем Востоке, администрация Никсона исходила из того, что в нем, помимо арабо-израильских разногласий, «источником напряженности являются соперничающие интересы великих держав, которые усиливают неустойчивость положения в некоторых районах и создают опасность возникновения более широкого и более опасного вооруженного конфликта»¹⁴. За внешне справедливыми рассуждениями об особой ответственности крупнейших держав за недопущение перерастания этого конфликта в глобальное столкновение, грозящее мировой войной, здесь скрыто стремление снять ответственность с США за поддержание опасной конфронтации на Ближнем Востоке.

Известно, что возникновение и многие аспекты развития ближневосточного конфликта во многом связаны с глобальной политикой США, превратившихся после второй мировой войны в основную силу борьбы с национально-освободительным движением, в том числе и с движением арабских народов. Интересами борьбы США против мирового социализма, против национально-освободительного движения в этом стратегически важном районе мира, а также нефтяными интересами монополистического капитала США была продиктована ставка на использование арабо-израильского конфликта в своих корыстных целях, на поддержку израильской стороны.

Однако формы участия США в этом конфликте диктовались и диктуются общей расстановкой сил в мире, конкретными условиями борьбы на Ближнем Востоке. Избегая прямого, непосредственного вооруженного вмешательства в этом районе, США с конца 60-х годов стали проводить политику «кризисного управления», которая предполагала всестороннюю экономическую, военную

и политическую поддержку Израиля. Но характер использования арабо-израильского конфликта в интересах США был и продолжает оставаться далеко не однозначным. Американский нефтяной монополистический капитал и отдельные политики нередко выступали против излишней «односторонности» США в подходе к конфликту, способной стимулировать общеарабский отпор империализму, укрепить сотрудничество ряда арабских стран с Советским Союзом. Эти тактические соображения не устраняют, однако, того факта, что по самой своей природе американский монополистический капитал враждебен арабским странам, ведущим борьбу за самостоятельное прогрессивное развитие.

Суть политики «кризисного управления» на Ближнем Востоке состояла долгие годы в активном использовании арабо-израильского конфликта в интересах американского империализма, в управлении ходом его развития и поведением непосредственных участников, в поддержании его на уровне, не угрожающем прямым столкновением великих держав. Содержание этой политики, говоря словами американского специалиста О. Янга, составляли «меры, предпринимаемые для снижения вероятности событий, которые могли бы привести к нежелательным военным действиям крупного масштаба, выходящим из-под контроля»¹⁵.

Вместе с тем явно обеспокоенные ростом так называемого «неконтролируемого элемента» в ближневосточном кризисе (хотя конфликт в этом районе и развивается в общем «контексте» американской внешнеполитической стратегии, он приобретает относительно самостоятельную логику развития), правящие круги США вынуждены были в совместном коммюнике по итогам советско-американской встречи на высшем уровне (1972 г.) официально зафиксировать свою позицию относительно необходимости урегулирования ближневосточного конфликта на основе резолюции № 242 (1967) Совета Безопасности ООН. Октябрьская война 1973 года привела к неожиданным для Израиля и его заокеанских покровителей результатам: в огне войны «сгорела» израильская военно-политическая доктрина, которая, исходя из «извечности» военного превосходства Израиля над арабскими странами и отвергая реальность использования арабами нефтяного оружия, в течение многих лет блокировала путь к справедливому миру на Ближнем Востоке¹⁶.

В новых условиях резко изменившейся расстановки сил в регионе, растущего единства арабских стран в борьбе с израильской агрессией американское правительство было вынуждено изменить свою тактику и поддержать идею создания политического механизма, способного в принципе обеспечить ближневосточное урегулирование на справедливой и прочной основе.

Этим механизмом, основанным на резолюции Совета Безопасности № 338 от 21 октября 1973 г., проект которой был подготовлен совместно СССР и США, стала мирная конференция по Ближнему Востоку. Она начала свою работу в Женеве через два месяца после принятия резолюции. Нормальное функционирование такого органа, как Женевская конференция, несомненно, позволило бы осуществлять целенаправленные и последовательные мероприятия в интересах установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. Вопрос был только в том, все ли стороны, вовлеченные в урегулирование, действительно ответственно и честно будут относиться к взятым на себя обязательствам.

Советский Союз, являющийся одним из сопредседателей Женевской конференции, и большинство арабских стран — жертв израильской агрессии были полны решимости максимально использовать все возможности созданного политического механизма для достижения всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. В выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на первом заседании Женевской конференции были изложены три органически связанных друг с другом элемента такого урегулирования: недопустимость приобретения территории путем войны и соответственно вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий; ограждение законных прав арабского народа Палестины, без участия представителей которого палестинская проблема не может рассматриваться и быть решена; наконец, обеспечение суверенитета, территориальной целостности и независимости всех государств Ближнего Востока, включая Израиль¹⁷. Все эти три взаимосвязанных элемента ближневосточного урегулирования легли в основу принципиального подхода Советского Союза к данной проблеме и к задачам Женевской конференции.

Тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер в свою очередь изложил при открытии Женев-

ской конференции позицию Соединенных Штатов, которая как будто свидетельствовала о серьезности их намерений конструктивно использовать для совместных действий открывшиеся возможности.

Дело мирного урегулирования на Ближнем Востоке, казалось, можно было, наконец, вывести из тупика. Во всяком случае, необходимые предпосылки для этого сложились. Однако, вопреки официальным заявлениям некоторых участников Женевской конференции об их поддержке ее целей и задач, вскоре начались секретные переговоры, которые не только не имели ничего общего с установлением справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, но и прямо подрывали его. Израиль по-прежнему делал все, чтобы саботировать политическое урегулирование и сохранить за собой захваченные арабские земли. Двойственную позицию занял второй сопредседатель Женевской конференции — Соединенные Штаты, которые, поддерживая ее на словах, на деле стремились саботировать ее работу и в конечном счете вообще обойти этот механизм урегулирования.

Широко разрекламированная на Западе «челночная дипломатия» государственного секретаря США Г. Киссинджера, проводимая в рамках политики «кризисного управления», служила достижению целей ликвидации крайне невыгодных для Израиля и поддерживающих его империалистических сил результатов октябрьской войны и продвижения к урегулированию на условиях, удовлетворяющих Соединенные Штаты и их израильского союзника. Изобретенная Вашингтоном тактика «шаг за шагом» позволяла создать видимость движения к справедливому и прочному миру.

Конечно, движение к этой цели не могло быть легким и, понимая это, Советский Союз не предлагал простых решений. После того как Женевская мирная конференция прервала свою работу в 1974 году, Советский Союз не просто настаивал на ее возобновлении, но и подчеркивал необходимость тщательной ее подготовки. Представляя себе всю сложность стоявших перед участниками конференции задач, Советский Союз не отвергал возможности и промежуточных мер, которые могли бы затрагивать отдельные вопросы урегулирования. Однако при этом акцент делался на то, чтобы «поэтапные» меры стали органическими составными частями всеобъемлющего урегулирования. Они могли рассматриваться и

осуществляться лишь в контексте общего, комплексного урегулирования ближневосточного конфликта.

Соединенные Штаты выбрали совершенно другой путь — не промежуточных, а частичных, сепаратных, оторванных от всеобъемлющего урегулирования и противоречащих ему решений. Судя по всему, этот выбор был предопределен в первую очередь стремлением США обеспечить себе «бесперебойный» доступ к ближневосточной нефти и связанными с этим их военно-стратегическими, политическими и экономическими интересами.

Советский Союз, как известно, не возражал против подписанного Египтом и Израилем в январе 1974 года первого соглашения о разъединении войск на Синае вскоре после окончания военных действий, а также поддержал заключенное в мае 1974 года сирийско-израильское соглашение о разъединении войск на Голанских высотах, так как в то время эти меры разряжали взрывоопасную обстановку и открывали возможность для урегулирования в рамках начавшейся под эгидой ООН Женевской мирной конференции.

Однако принципиально иным оказался характер второго соглашения о разъединении войск на Синае, заключенного между Израилем и Египтом в 1975 году, ко времени подписания которого американская дипломатия уже заблокировала ход к всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке. По этому второму соглашению Египет вернул себе лишь небольшую часть Синая. Около 90% его территории все еще оставалось под оккупацией Израиля. Это соглашение практически выводило Египет из фронта борьбы за освобождение оккупированных арабских земель. Отныне агрессоры и их покровители получили возможность опираться в своей политике на Египет — одно из арабских государств.

Важнейшим элементом дипломатии Киссинджера были меры, направленные на изоляцию Египта, других арабских стран от Советского Союза, разрыв их связей с СССР, которые обеспечивали им возможность решительного сопротивления политике США, скоординированной с политикой Израиля.

Однако иллюзорность преимуществ сепаратных соглашений, их дестабилизирующее воздействие становились все более очевидными даже для многих политических деятелей в самих Соединенных Штатах¹⁸. Пришедшая к власти в начале 1977 года новая администрация реали-

стически поставила вопрос о ближневосточном урегулировании. Сразу же после вступления в должность президент США Дж. Картер выступил с рядом официальных заявлений о желательности достижения всеобъемлющего ближневосточного урегулирования и возобновления работы Женевской мирной конференции.

Советская дипломатия в борьбе за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке учла эту реалистическую тенденцию в американской политике, и в результате в октябре 1977 года было опубликовано совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку. «Советская и американская стороны считают, — говорилось в этом заявлении, — что в рамках всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы должны быть решены все конкретные вопросы урегулирования, в том числе такие ключевые, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости».

В заявлении подтверждалось также, что «единственно правильным и эффективным путем» достижения такого урегулирования на Ближнем Востоке являются переговоры в рамках специально созданной для этих целей Женевской мирной конференции «при участии в ее работе представителей всех вовлеченных в конфликт сторон, в том числе палестинского народа», и договорно-правовое оформление решений, которые будут достигнуты на конференции. Две страны — сопредседатели Женевской конференции обязались совместными усилиями в контакте со всеми заинтересованными сторонами всемерно содействовать тому, чтобы работа конференции была возобновлена не позже декабря 1977 года¹⁹.

Хотя к тому времени все еще оставались несогласованными некоторые процедурные и организационные вопросы конференции, было ясно, что ключевые вопросы возобновления ее работы решены. Но именно это обстоятельство активизировало все те силы, которые хотели бы обеспечить на Ближнем Востоке прежде всего собственные узкокорыстные и даже личные интересы, пусть это и наносило ущерб интересам прочного мира в дан-

ном районе и делу ликвидации опасного очага войны. В частности, египетское руководство предприняло срочные попытки решить ближневосточную проблему на пути сепаратных переговоров с Израилем²⁰.

В ноябре 1977 года президент Садат посетил Иерусалим для участия в прямых переговорах с израильскими лидерами. Однако уже к началу 1978 года «инициатива» Садата зашла в тупик, и президент Египта вынужден был отозвать своих представителей и прекратить двусторонние переговоры ввиду их полной бесперспективности.

Соединенные Штаты не замедлили отступить от собственных позиций и достигнутых международных договоренностей в отношении ближневосточного урегулирования и взяли на себя роль попечителя нового тура сепаратных сделок²¹. Вашингтон объявил о своем намерении принять участие в переговорах. Трехсторонняя египетско-израильско-американская встреча на высшем уровне состоялась в сентябре 1978 года в загородной резиденции президента США Кэмп-Дэвиде. Анализ документов («Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки мира на Ближнем Востоке»), подписанных в ходе этой встречи, а также текста «мирного договора», заключенного между Египтом и Израилем в марте 1979 года, показывает, что сепаратные соглашения в максимально возможной при нынешней обстановке на Ближнем Востоке и в мире степени удовлетворяют интересы экспансионистской политики Израиля; препятствуют реализации арабским народом Палестины законного права на самоопределение, в том числе на создание национального государства; способствуют превращению Египта в орудие обеспечения интересов США. Фактически речь идет о попытках подменить политическое урегулирование ближневосточного конфликта созданием нового военно-стратегического альянса, с помощью которого можно было бы не только навязать израильские условия мира на Ближнем Востоке, но и расширить позиции США в этом районе, в том числе в военном отношении.

США избрали такую линию поведения исходя из того, что очередной раунд боевых действий на Ближнем Востоке не соответствует американским интересам. Война вынудила бы Вашингтон отбросить политику балансировки и, вопреки всем заверениям о «дружбе» с араба-

ми, поддержать Израиль. Война вынудила бы арабские страны вновь, как это было в октябре 1973 года, пустить в ход «нефтяное оружие». Последствия такого поворота событий для США (и всего капиталистического мира) с трудом поддаются прогнозированию. Именно поэтому Вашингтон настойчиво пытался нащупать почву для секретного соглашения между Египтом и Израилем, но такого соглашения, которое, давая некоторые тактические выгоды Египту, сохраняло бы стратегическое преимущество Израиля и позволяло бы США усилить свое влияние на Ближнем Востоке, гарантировать бесперебойные поставки ближневосточной нефти. В Вашингтоне понимали, что усилить свое присутствие на Ближнем Востоке, опираясь только на Израиль, в сложившихся условиях невозможно ²².

Американская сторона разработала варианты «военного присутствия» США на Ближнем Востоке: размещение американских войск или контингентов стран НАТО на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, создание баз американских ВВС на Синае, заключение «взаимного оборонительного пакта» между США и Израилем, сколачивание более широкого военного пакта с участием Египта — Организации ближневосточного договора (МЕТО) и т. п.

В 80-е годы ближневосточное урегулирование будет протекать, по мнению ряда американских специалистов, в рамках «кэмп-дэвидского процесса». Новой администрации президента Рейгана предстоит сделать так, чтобы этот процесс принес плоды, и использовать вытекающие из этого благоприятные возможности для США. Каковы же эти возможности? По признанию профессора одного из американских университетов А. Перлмутера, являющегося автором нескольких книг по Ближнему Востоку, речь идет об «установлении стабильного и прочного политического равновесия путем создания союза сильных ближневосточных государств (Египта, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии) в противовес политически неустойчивым, нестабильным антизападным государствам — Ираку, Сирии, Ливии и, возможно, Ирану»²³. Учитывая, что «неподатливая» палестинская проблема является препятствием на пути достижения этой цели, автор предлагает свою формулу решения: подключить к процессу урегулирования Иорданию и создать в ее рамках на федеративной основе автономное пале-

стинское государственное образование. Такое урегулирование не предусматривает независимой Палестины, находящейся под контролем и управлением ООП, что вполне устраивает как Иорданию, так и Израиль. Подобные результаты Кэмп-Дэвида помогли бы США, как заключает автор, использовать в своих интересах открывающиеся политические возможности и стать подлинным «фактором мира» на Ближнем Востоке.

Все это представляет собой радикальный отход США от заявленной ими же самими после октябрьской войны 1973 года позиции, согласно которой непосредственное военное присутствие великих держав в районе арабо-израильского конфликта является нежелательным. Более того, получается, что США возвращаются буквально на 20 лет назад, воскрешая «доктрину Эйзенхауэра — Даллеса», предусматривавшую превращение Ближнего Востока в военно-стратегическую опорную базу США и явившуюся источником серьезных международных осложнений. Совершенно ясно, что ввод американских войск внес бы в современную ближневосточную ситуацию новый элемент, чреватый далеко идущими опасными последствиями, и повлек бы за собой резкое обострение обстановки на Ближнем Востоке и прямой ущерб интересам международного мира.

Таким образом, США заинтересованы не в решении коренных проблем, лежащих в основе ближневосточного конфликта, а лишь в возникновении ситуации, которая заставляла бы каждую из конфликтующих сторон постоянно нуждаться в поддержке из-за океана. Такая ситуация, с точки зрения Вашингтона, должна быть, во-первых, достаточно контролируемой, чтобы исключить возможность внезапной вспышки военных действий, и, во-вторых, достаточно неопределенной, чтобы держать в зависимости своих клиентов. Отсюда — ориентация на то, чтобы при помощи двусмысленных формулировок создавать видимость прогресса, направлять переговоры в русло бесконечных дебатов по поводу полумер, способных лишь заморозить различие интересов, но отнюдь не сблизить их.

«... Всякие попытки игнорировать коренные предпосылки действительного решения ближневосточной проблемы, исключить или обойти тех или иных законных участников урегулирования, пожертвовать их интересами, диктовать им свои условия, — заявил Генеральный

секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев по поводу антиарабской сделки в Кэмп-Дэвиде, — не могут дать ничего, кроме иллюзии урегулирования. В какие бы «рамки» ни облекался сепаратный сговор, который прикрывает капитуляцию одной стороны и закрепляет плоды агрессии другой — агрессии Израиля, он способен лишь сделать обстановку на Ближнем Востоке еще более взрывоопасной»²⁴.

В противоположность политике США на Ближнем Востоке, базирующейся на подписании частичных, сепаратных соглашений, позиция Советского Союза заключается в том, что урегулирование ближневосточного кризиса должно быть кардинальным и всеобъемлющим, что означает решение всех проблем в комплексе, а не вытаскивание отдельных вопросов из общего контекста и противопоставление одних проблем урегулирования другим.

Наиболее правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального решения всех аспектов ближневосточной проблемы в комплексе являются, как неоднократно подтверждала практика международных отношений, многосторонние переговоры с участием представителей всех вовлеченных в конфликт сторон.

Дальнейшее развитие ситуации на Ближнем Востоке подтвердило вывод о том, что кэмп-дэвидская «тройственная дипломатия» в конечном счете заводит в тупик дело мирного урегулирования. Известно, что сердцевиной ближневосточного урегулирования составляет справедливое решение палестинской проблемы, без которого немислимо восстановление мира в этом районе.

В обход решений ООН, и в частности решений состоявшейся в июле 1980 года чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, подтверждающих неотъемлемые права палестинцев на самоопределение и создание собственного независимого государства, «тройственная дипломатия» приняла на вооружение тель-авивскую концепцию «автономии», предполагающую ограниченное административное самоуправление для палестинцев в пределах израильского государства. Причем участие ООП — единственного законного представителя арабского народа Палестины в переговорах по этому вопросу исключается.

Позиция СССР в данном вопросе еще раз со всей четкостью была изложена в послании Л. И. Брежнева

по случаю Международного дня солидарности с арабским народом Палестины, проведенного по инициативе ООН 29 ноября 1980 г.

«Верный ленинским принципам солидарности с народами, борющимися за свободу, независимость и социальный прогресс, — отмечается в послании, — Советский Союз неизменно поддерживает правое дело палестинского народа. Мы будем и впредь на стороне палестинцев и других арабских народов в борьбе против израильской агрессии и происков империализма, за срыв антиарабской политики сепаратных сделок и достижение всеобъемлющего ближневосточного урегулирования»²⁵.

Ближний Восток сохраняется в фокусе внешнеполитической стратегии США и в 80-е годы. Это признается ведущими специалистами по ближневосточной политике США. В частности, анализируя политические итоги прошедшего десятилетия, У. Квондт из Бруклинского института пишет: «Никакой другой район мира не имел такого огромного влияния на американскую политику национальной безопасности и экономическое благосостояние США, как Ближний Восток, особенно в 1979 году»²⁶. Особое значение проблема ближневосточного урегулирования приобретает после падения шахского режима в Иране, вызвавшего глубокие изменения в региональном балансе сил. Оставшиеся нерешенными проблемы урегулирования на Ближнем Востоке, включая палестинскую проблему, имеют, как подчеркивает Квондт, «прямое воздействие на стабильность в районе Аравийского полуострова и Персидского залива и останутся для США во внешнеполитической повестке дня на годы вперед».

Локальные столкновения в этом регионе, где поставлены под угрозу жизненно важные интересы цивилизованного мира и где соперничество «сверхдержав» проявляется в наиболее обостренной форме, по мнению Квондта, несут в себе во все возрастающей степени угрозу глобальной конфронтации²⁷. В этих условиях все более изощренной будет политика «кризисного управления», методы которой, как показала практика, включают наряду с традиционными дипломатическими методами самый широкий набор средств военного давления.

* * *

Буржуазные теоретики международного конфликта, обобщая внешнеполитическую практику империалисти-

ческих государств, ставят вопрос о мирном разрешении конфликтов только как об одной из возможных альтернатив насильственному разрешению с применением всех средств и методов империалистической политики «с позиции силы». Даже когда империалистические государства на практике обращаются к мирным средствам разрешения развязанных ими международных конфликтов, они зачастую используют их не как инструмент поисков взаимоприемлемого и справедливого решения, а как способ оказания давления, стремятся навязать выгодную для себя процедуру.

Многие исследователи конфликта не желают расставаться с иллюзиями относительно того, что империализм, взяв на вооружение «стратегию управления конфликтом», сможет успешно предотвращать и сдерживать развитие национально-освободительной борьбы народов, приостанавливать наступление основных классовых сил международного пролетариата и его союзников в антиимпериалистической борьбе. Эта стратегия является составной частью общей политической стратегии империализма (по терминологии ряда буржуазных исследователей — «большой стратегии»), в концентрированном виде отражающей классовые цели монополистической буржуазии различных стран. Стратегия борьбы за осуществление этих целей определяет ее средства, методы и формы, включая смену одних другими и их сочетание ²⁸.

Таким образом, разработка стратегии управления конфликтом предполагает в конечном счете попытку рационализации основных средств и методов борьбы на международной арене. Жизнь доказывает, что при таком подходе управление международным конфликтом выливается в систему целенаправленных действий, которые часто, независимо от намерений отдельных буржуазных ученых и политиков, сами становятся источником обострения конфликтов и усиления международной напряженности. Несмотря на все усилия современного государственно-монополистического капитализма соединить науку с практикой в области международных отношений, волюнтаризм и субъективизм буржуазной политики, неспособность правильно оценить ход социально-экономических и политических процессов современности, сделать из них реалистические выводы не раз приводили капиталистические государства к просчетам и прова-

лам, сужали сферу их воздействия на международные отношения или делали это воздействие крайне опасным для человечества.

Научная постановка вопроса о разрешении международных конфликтов вытекает из правильной постановки вопроса о войне и мире, определяемой особенностями современной исторической эпохи. Невозможно серьезно ставить вопросы разрешения конфликта, намеренно избегая, как это делают буржуазные теоретики, глубокого и всестороннего изучения причин и социально-политического характера международных конфликтов. Необходимо проникновение в суть международных конфликтов, выявление лежащих в их основе объективных противоречий, разрешение которых происходит в сложном взаимопереплетении различных форм на соответствующем каждому из них уровне системы международных отношений. Здесь необходимо знание структуры каждого конкретного международного конфликта, поскольку в современных условиях растущей взаимопереплетенности процессов международной жизни, противостояния на международной арене государств двух социально-политических систем каждый конфликт собирает в один узел противоречия не только непосредственных его участников, но и других субъектов системы международных отношений. В ходе конфликта может меняться степень заинтересованности и вовлеченности других стран, происходит расширение числа участников, замена одних непосредственных участников другими и т. д.

Марксистский подход к вопросу о разрешении международных конфликтов включает изучение структуры как самого конфликта, так и процесса его разрешения. Однако анализ структуры должен сочетаться с содержательным анализом социальной природы конфликта, определением его политического характера, целей и стратегии всех его «основных» и «неосновных» участников, изучением объективных противоречий, лежащих в основе конфликта и разрешающихся в ходе него.

Причиной научной несостоятельности буржуазной методологии исследования процесса разрешения международных конфликтов является непонимание буржуазными авторами диалектического противоречия, их нежелание проникать в существо социальных процессов, что и приводит их к изучению лишь внешних форм проявления и разрешения противоречий, в данном случае кон-

фликта. Теоретический анализ вопросов разрешения конфликта неотделим от проблемы разрешения противоречий, составляющих объективную основу и движущую силу международных конфликтов, и в первую очередь того всеобъемлющего противоречия современной эпохи, которое определяет отношения двух мировых систем.

В буржуазной литературе не проводится четкого различия между понятиями разрешения противоречия и разрешения конфликта в международных отношениях.

Отождествление этих понятий ведет к неверному представлению о том, что предотвращение конфликтов якобы означает уничтожение противоречий. Такой подход выливается в конечном счете в метафизическое отрицание противоречий как источника диалектического развития. Противоречия в системе международных отношений неизбежны, они сохраняются как источник ее развития.

История международных отношений после второй мировой войны представляет собой, по существу, развитие и разрешение важнейших противоречий данной исторической эпохи. Часто эти процессы проявлялись в форме международных конфликтов на самых различных стадиях их развития. Логика исторического развития, сама жизнь подсказывают наиболее приемлемые пути и формы разрешения противоречий, существующих в международных отношениях. Все более очевидным становится тот факт, что вооруженное столкновение не может служить средством решения исторического спора между капитализмом и социализмом. Великим достижением марксистско-ленинской мысли является вывод о том, что объективно необходимой формой разрешения основного противоречия нашей эпохи становится мирное сосуществование государств с противоположным социально-экономическим строем. Мирное сосуществование — это не просто альтернатива вооруженным конфликтам, а исключение их из сферы межгосударственных отношений.

Большинство буржуазных исследователей исходят из того, что сам факт наличия в современном мире государств двух различных систем является постоянным источником угрозы новой войны.

Здесь полезно вспомнить, что, предупреждая об опасности вооруженного столкновения между капитализмом и социализмом, В. И. Ленин обосновывал ее не самой по себе противоположностью двух мировых систем,

а агрессивной природой империализма, его антисоветскими и антисоциалистическими устремлениями.

Американские исследователи Е. Атуотер, К. Форстер и Я. Прибила в духе методологии буржуазного структурно-функционального анализа утверждают, что «войны представляют собой функцию цивилизованных культур»²⁹ и призваны служить основным средством разрешения современных международных конфликтов. Несмотря на то что авторы в общем понимают необходимость выявления причин конфликта для исследования вопросов его разрешения, они намеренно искажают историческую действительность и пытаются навязать вывод о том, что «основная причина современной войны лежит в идеологической борьбе между демократией и коммунизмом, между свободным миром и странами, управляемыми диктатурой пролетариата»³⁰. Они ссылаются при этом на марксистско-ленинский тезис о неизбежности идеологической борьбы в условиях мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Подобные представления весьма характерны и для многих других современных буржуазных исследователей международного конфликта.

Так, например, известный французский специалист по проблемам военной стратегии А. Глюкман считает, что «проблемы войны и мира, издавна терзающие человечество, приобрели особую остроту в наше время, когда растущее противоборство холодной войны и мирного сосуществования, а говоря точнее, — двух мировых систем порождает кризисы, вооруженные конфликты и революции»³¹.

Мирное сосуществование как основная стратегическая линия внешней политики социалистических государств в отношении капиталистических стран и ее осуществление на деле далеко не всегда получают на Западе верное теоретическое и политическое истолкование. Поскольку речь идет о самом главном, о мирном сосуществовании как магистральном, перспективном пути развития международных отношений в интересах укрепления мира на нашей планете, необходимо различать ленинскую теорию мирного сосуществования государств, ее воплощение во внешней политике Советского Союза и других социалистических государств и разнообразные интерпретации мирного сосуществования в идеологии и политической практике капиталистических стран.

На основе анализа объективных законов и тенденций общественного развития, коренных интересов Советского государства и мирового революционного процесса в условиях выхода на международную арену социалистического государства В. И. Ленин доказал допустимость и возможность мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств, несмотря на противоположность социально-экономических систем и агрессивные устремления империализма. Мирное сосуществование представляет собой новую, неизвестную ранее форму классовой борьбы пролетариата против буржуазии в мировом масштабе на качественно иной стадии ее развития, борьбы, развернувшейся во всех сферах общественной жизни — в экономике, политике, идеологии. В ходе этой борьбы развивается и разрешается в пользу социализма основное противоречие нашей эпохи. Однако мирное сосуществование как форма классовой борьбы на международной арене — «это не только результат объективного развития мирового революционного процесса за последние полвека, но и итог сознательной, целеустремленной внешней политики социализма»³².

Вынужденное признание империализмом принципов мирного сосуществования, получившее официальное подтверждение в документах, закрепляющих основы взаимоотношений Советского Союза и других социалистических государств с рядом крупнейших капиталистических стран, не означает изменения его агрессивной природы, полного отказа от применения силы, в том числе и военной, в решении исторического спора с социализмом. Именно в агрессивной природе внешней политики империализма заложены основные причины современных международных конфликтов. Именно здесь нужно искать их истоки, а не в самом по себе существовании двух систем.

Усиливающийся кризис империалистической внешней политики, выразившийся, в частности, в нарастающем разрыве между основными политическими целями империализма в отношении социалистических стран и резко сузившимися возможностями их достижения, заставляет правящие круги капиталистических стран искать выход, с одной стороны, на пути увеличения напряженности в отношениях между государствами двух систем, с другой стороны, — на пути развития взаимовыгодного экономического сотрудничества с социалистическими го-

сударствами, возможного лишь в условиях нормализации политических отношений. Обе эти тенденции во внешней политике современных империалистических государств развиваются в противоборстве друг с другом. И хотя на современном этапе развития международных отношений под воздействием социалистической внешней политики разрядка международной напряженности и углубление всестороннего сотрудничества (в области экономики, культуры, науки и техники и т. д.) в отношениях государств двух противоположных систем становятся новой закономерностью международной жизни, первая тенденция, ведущая к периодическому обострению межгосударственных отношений, все еще сохраняется во внешней политике капиталистических государств. Мирное сосуществование как основная форма проявления, развития и разрешения главного противоречия нашей эпохи на уровне межгосударственных отношений не исключает других его форм, в том числе и конфликта, но предопределяет необходимость разрешения международных конфликтов и решения сложнейших спорных проблем международной жизни мирными средствами. Согласно принципу мирного сосуществования, отстаиваемому социалистическими странами, весь комплекс отношений капиталистических и социалистических государств должен определяться отказом от обращения к военным и насильственным методам при решении сложных международных проблем. Ленинская теория мирного сосуществования принципиально по-новому ставит вопрос о разрешении конфликтов в современную эпоху. Утверждаясь в качестве основной формы проявления и разрешения противоречия между противоположными социально-экономическими системами на международной арене, мирное сосуществование способствует разрешению международных конфликтов мирными средствами.

Принцип мирного разрешения международных конфликтов прямо вытекает из принципа мирного сосуществования государств и является его составной частью. **«Мирное сосуществование** предполагает, — указывается в Программе КПСС, — отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно ре-

шать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды»³³.

Необходимо подчеркнуть, что принцип мирного разрешения международных конфликтов, как и принцип мирного сосуществования в целом, распространяется лишь на сферу межгосударственных отношений и никоим образом не может быть применен к классовой борьбе внутри капиталистических стран и национально-освободительному движению.

Борьба с возникновением и развитием международных конфликтов, за мирное разрешение существующих конфликтов занимает исключительно важное место во внешней политике Советского Союза и других социалистических стран. В этой борьбе КПСС, коммунистические и рабочие партии социалистических стран, все международное коммунистическое движение обладают таким огромным преимуществом, основанным на теории марксизма-ленинизма, как знание законов общественного развития, возможность осмысления на этой основе глубинных объективных процессов, происходящих во всех сферах общественной жизни, возможность сознательного и целенаправленного научного воздействия на систему международных отношений в интересах сохранения и упрочения мира.

Подход к разрешению международных конфликтов определяется стратегией КПСС в мировой политике, которая исходит из того, что общие меры по оздоровлению международной обстановки и разрядке международной напряженности создают реальные условия для наиболее эффективного воздействия на развитие и разрешение объективных противоречий современной эпохи в желательном для дела социализма и мира направлении. Сознательное использование познанных закономерностей мирового развития в процессе разрешения международных конфликтов дает возможность либо сузить сферу действия таких объективных закономерностей и законов, результаты которых нежелательны для общества (возрастание агрессивности империализма с переходом капитализма в монополистическую стадию), либо дать полный простор и содействовать развитию таких закономерностей, действие которых совпадает с интересами прогрессивных сил (дальнейшее изменение соотношения сил

в пользу социализма и утверждение принципа мирного сосуществования в международных отношениях).

Задача внешнеполитической деятельности Советского государства и других социалистических стран в области разрешения конфликтов состоит в том, чтобы не только учитывать различные тенденции внешнеполитической стратегии современного империализма в их сложном переплетении и взаимодействии, но и, с одной стороны, сковывать его тенденцию к разжиганию международных конфликтов и кризисов, к поддержанию международной напряженности с целью изменить положение дел в мире, вернуть утраченное превосходство, с другой стороны, стимулировать тенденцию к осознанию и более трезвой оценке нынешнего соотношения сил двух систем в здравомыслящих кругах Запада, к нормализации отношений и расширению деловых и политических контактов капиталистических стран с миром социализма, к мирному сотрудничеству, исключаяющему такие столкновения, конфликты и кризисы, которые поставили бы под угрозу само существование системы капитализма.

Об управлении в международных отношениях правомерно говорить лишь в самом общем смысле этого понятия, имея в виду, что специфика этой области общественных отношений накладывает ряд существенных ограничений на возможности такого управления. В отличие от управления в условиях социалистического общества, управление на мировой арене, систематические усилия стран социалистического содружества по воздействию на развитие и исход международных конфликтов наталкиваются на ожесточенное противодействие сил империализма и реакции, которое включает в себя и такие методы, как прямая вооруженная агрессия, провоцирование острых международных кризисов, подталкивание и эскалация существующих конфликтов.

Развитие основных конфликтов современности дает все основания сделать вывод о том, что империализм, в силу своей неизменной агрессивной природы, обращается к насильственным и принудительным методам в тех случаях, когда, с точки зрения его политиков и идеологов, является хозяином положения. Только под давлением целого ряда факторов объективного и субъективного порядка империалистические государства вынуждены отказываться от применения силы и военного решения развязанных или инспирированных ими конфликтов, ма-

неврировать с помощью различных средств «управления».

Каким бы бесперспективным ни был такой подход к современным международным конфликтам, это обстоятельство не уменьшает его опасности, поскольку, рассматривая контрреволюционное насилие как законное средство решения сложных международных проблем, он может привести к перерастанию локальных конфликтов в глобальное столкновение. В этих условиях наиболее рациональна марксистская постановка вопроса о мирном разрешении международных конфликтов, основанная на комплексном подходе к проблеме войны и мира в современную эпоху, отвечающая коренным интересам всех прогрессивных сил человечества.

Глава 2

ИЗУЧЕНИЕ КОНКРЕТНЫХ СПОСОБОВ И СРЕДСТВ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНО-КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Основные средства и методы разрешения современных международных конфликтов, рассматриваемые и предлагаемые буржуазными авторами, прямо вытекают из общей, преимущественно формальной постановки ими вопроса об управлении конфликтом. Издавна известные практике международных отношений способы мирного урегулирования межгосударственных конфликтов часто игнорируются ими, а взамен предлагаются абстрактные или односторонние схемы, которые в конечном счете призваны служить альтернативой существующим мирным средствам разрешения международных конфликтов. Но даже в тех случаях, когда отдельные буржуазные ученые предлагают относительно реалистические способы разрешения конфликтов, учитывающие международную действительность, они, как правило, вырывают их из всей совокупности мирных способов и средств, абсолютизируют их значение. Наконец, часто под видом беспристрастного описания насильственных и принудительных способов, к которым обращается империализм в своей внешнеполитической практике, буржуазные исследователи пытаются доказать неизбежность и правомерность применения силы и угрозы силой для разрешения международных конфликтов.

Проблема управления конфликтом, в частности тех-

ника разрешения международных конфликтов, стала предметом исследований, проводимых Центром по анализу конфликта при Лондонском университетском колледже. Этот центр, возглавляемый английским ученым Дж. Бёртоном, был создан в 1966 году. В его работе принимали участие также и американские специалисты в области международных отношений Ч. Олджер, Г. Келман, Р. Норт.

Результаты исследований центра были обобщены в одной из работ Бёртона¹. Для иллюстрации предлагаемой техники разрешения конфликтов Бёртон обращается к кипрскому конфликту и затянувшейся истории его урегулирования. Нельзя не отметить, что структура конфликта представлена довольно правильно во всех деталях и подробностях. Действительно, помимо турецкой и греческой общин, она включает в себя и такие противоборствующие государства, как Греция и Турция, являющиеся столь же прямыми, если не первичными участниками конфликта; империалистические державы, прямо заинтересованные в конфликте, — США и Англию; военно-политическую организацию НАТО в целом и т. д. Определенным образом отражается в этом конфликте и противоборство двух систем, хотя Бёртон предпочитает говорить об интересах двух «сверхдержав» — СССР и США и их глобальной стратегии, проявившейся в кипрском конфликте.

Неудачные, с его точки зрения, попытки урегулирования кипрского конфликта на основе резолюции Совета Безопасности от 4 марта 1964 г. Бёртон объясняет тем, что они предпринимались на основе «традиционного подхода» с учетом всего двух групп интересов, представляющих только две стороны в конфликте, независимо от числа участников (одна группа государств и интересов на стороне греческой общины, другая — на стороне турецкой общины). Но поскольку каждый из участников имеет свои интересы, не совпадающие с интересами других участников, какую бы из общин они не поддерживали, такой подход, по мнению Бёртона, не может привести к разрешению конфликта. В лучшем случае на его основе возможно урегулирование на более высоких уровнях структуры конфликта (например, на уровне великих держав). Однако такое урегулирование почти никогда не решает конфликта на уровне прямых непосредственных участников, в данной ситуации — двух общин.

Эти рассуждения Бёртона не лишены смысла, пока он анализирует структуру конфликта. Но как только автор переходит из области отвлеченного теоретизирования к практическим рекомендациям, он искажает реальное содержание кипрского вопроса и его предложения относительно разрешения конфликта выглядят неубедительными.

Окончательное разрешение данного конфликта, по мнению Бёртона, будет зависеть от его решения на самом низком уровне — на уровне турецкой и греческой общин, разногласия между которыми объясняются простым «недоразумением», неправильным восприятием друг друга, националистическими предрассудками, препятствующими взаимопониманию сторон, а также нереалистическими ожиданиями в отношении политики других государств, вовлеченных в конфликт. Бёртон утверждает, что разрешению конфликта будет способствовать организованная группой подготовленных специалистов и проводимая под их контролем дискуссия представителей сторон, в ходе которой они смогут выяснить и проанализировать свои ошибки, восстановить нарушенные связи. Успех разрешения во многом будет определяться, по мнению Бёртона, уровнем подготовки и опыта специалистов, их свободой от директив и ограничений, независимостью от международных организаций, в частности от ООН². Разрешение конфликта, таким образом, представляет собой не что иное, как специализированную технику, которой Бёртон дает название «контролируемой коммуникации».

Дальнейшие рекомендации Бёртона сводятся к тому, что после установления коммуникации между сторонами на низшем уровне конфликта и решения спорных проблем следует переходить к решению тех вопросов, которые непосредственно касаются сторон на следующем структурном уровне конфликта и т. д. «Как правило, — рассуждает далее Бёртон, — разногласия на каждом следующем уровне возникают по поводу соглашения, достигнутого на предыдущем уровне, но их было бы уже проще разрешить, если бы они не осложнялись дополнительными проблемами». Кипрский конфликт осложняется, по его мнению, такими проблемами, как оборонные интересы и соображения традиционного престижа греческого и турецкого правительств, а также интересы глобальной стратегии Великобритании, США и СССР. Но

и эти проблемы можно было бы разрешить путем проведения соответствующих дискуссий представителей сторон.

В подходе Бёртона проблема разрешения сложного кипрского конфликта представлена довольно схематично и упрощенно. Весь акцент переносится на решение общинных разногласий, характер которых к тому же значительно искажается автором.

Реальное развитие событий на Кипре и в связи с ними показывает, что конфликт носит прежде всего национально-освободительный характер, что прогресс в урегулировании межобщинных разногласий становится возможным только при условии прекращения империалистического вмешательства извне. Практически все попытки разрешения конфликта на «локальном» уровне при сохранении такого вмешательства были безуспешными.

Истоки кипрского конфликта коренятся в колониальной политике империализма. Его история началась еще в период господства Англии над островом и борьбы кипрского народа за свое освобождение, которая после второй мировой войны приобрела характер вооруженного восстания против английских колонизаторов. Стремясь ослабить национально-освободительное движение, английские империалисты стали разжигать национальную рознь между греческим большинством населения острова, стремившимся к объединению с Грецией, и турецким меньшинством, находившимся в более бесправном положении. С этой целью Англия также всячески поощряла турецкое правительство в его стремлении предъявить претензии на владение частью Кипра.

Придавая Кипру огромное стратегическое значение в проведении своей агрессивной политики в районе Восточного Средиземноморья, руководящие круги НАТО, и в первую очередь США, стремились найти такое решение кипрского вопроса, которое обеспечивало бы их интересы и одновременно устраняло разногласия между Грецией и Турцией, ставившие эти интересы под угрозу. В ходе обсуждения сложившейся конфликтной ситуации на юго-восточном фланге НАТО в совете этой организации в 1957—1958 годах была выработана компромиссная основа для соглашения трех заинтересованных государств: Англия была вынуждена согласиться на предоставление Кипру независимости, Греция — отказаться

от притязаний на этот остров, Турция — от требования его раздела.

Эти положения и легли в основу цюрихско-лондонских соглашений, заключенных в 1959 году между Англией, Грецией и Турцией и подписанных лидерами греческой и турецкой общин Кипра. Получение Кипром независимости на основе цюрихско-лондонских соглашений, провозглашенной в августе 1960 года, сопровождалось рядом кабальных условий и договоров, в значительной степени ограничивавших свободу и суверенитет молодой республики и оставлявших НАТО широкие возможности для вмешательства в кипрские дела³. Конституция Кипра, в основу которой легли названные соглашения, строилась на сознательном противопоставлении двух общин острова, что создавало реальную почву для усиления национальной розни.

События, происшедшие в конце 1963 года, когда экстремисты спровоцировали вооруженные столкновения между кипрскими греками и турками, со всей очевидностью показали, чего стоит мир на империалистической основе. Они были использованы правящими кругами стран НАТО для активного военно-политического вмешательства во внутренние дела Республики Кипр под предлогом «умиротворения»⁴.

Вразрез с резолюцией Совета Безопасности от 4 марта 1964 г., призывающей все государства воздерживаться от любого действия или угрозы действия, которое могло бы создать опасную ситуацию для дела мира в связи с положением на Кипре, и подтверждающей территориальную целостность и независимость Республики Кипр, руководящие круги НАТО, и прежде всего США, продолжали попытки прямого политического вмешательства, проводили активную подрывную деятельность на территории острова. В результате положение на Кипре и вокруг него неоднократно обострялось, что каждый раз приводило к напряженности в отношениях между Грецией и Турцией, грозившей перерасти в вооруженный конфликт.

Так было в 1963—1964 годах, когда американское правительство выступило с планом «умиротворения» на Кипре, названным «планом Ачесона»⁵, так было в 1967 году, когда США инспирировали заговор и оказывали всяческую поддержку греческой хунте в ее стрем-

лении совершить государственный переворот на Кипре и в любой форме осуществить энозис в соответствии с «планом Астарпи»⁶; результатом все той же политики был и кипрский кризис 1974—1975 годов, когда после переворота на Кипре (путчисты продержались у власти всего неделю) турецкие войска осуществили вторжение на остров и оккупировали 40% его территории, составляющей 70% наиболее плодородных земель страны.

Кризис 1974—1975 годов резко изменил расстановку и соотношение сил в этом стратегически важном для НАТО регионе. Кипрская авантюра дорого обошлась греческой военно-фашистской хунте. Через два дня после турецкого вторжения на Кипр в Греции произошел государственный переворот, в результате которого хунта была устранена и к власти пришло умеренно-либеральное правительство Караманлиса, отрекшееся от поддержки путчистов на Кипре. Новое правительство Греции в знак протеста против того, что США и НАТО не предотвратили агрессию Турции на Кипре, объявило в августе 1974 года о выходе страны из военной организации Североатлантического блока. Это встревожило весь западный мир, особенно США. Американская дипломатия выступила с инициативами, направленными на предотвращение военного конфликта между Турцией и Грецией, но отнюдь не на урегулирование кипрского кризиса⁷.

В 1974 году и в последующие годы кипрский вопрос неоднократно обсуждался в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН. Подавляющее число членов этой международной организации, и в первую очередь Советский Союз, поддержали законное правительство Кипра; в принятых резолюциях содержались требования прекращения военного вмешательства в дела острова, вывода всех иностранных войск с его территории, обеспечения суверенитета, независимости и территориальной целостности кипрского государства. Советский Союз предложил вынести обсуждение кипрского вопроса из рамок НАТО и созвать широкую международную конференцию с участием представителей Кипра, Греции, Турции, всех членов Совета Безопасности и многих неприсоединившихся стран⁸.

Но каждый раз, когда появляются шансы на некоторый прогресс в урегулировании кипрской проблемы, международная общественность становится свидетелем

«новых инициатив» Запада, а за кулисами начинают активизировать усилия незванные «посредники» из стран НАТО.

Именно такая кампания проходила одновременно с обсуждением на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН положения в Республике Кипр. Резолюция, принятая большинством участников сессии, указала, согласно заявлениям представителей правительства Кипра, реальный, по мнению прогрессивной международной общественности, путь к решению проблемы⁹.

В выступлении на сессии представителя США содержался призыв «не переоценивать» роли ООН и Совета Безопасности в урегулировании кипрского вопроса. Из его слов явствовало, что Вашингтон намерен применять в этом вопросе тактику частичных мер, во многом сходную с маневрами вокруг ближневосточного конфликта. И сразу же греческим и турецким киприотам был представлен американский план, цель которого — возобновление зашедших в тупик межобщинных переговоров.

Как известно, в период после путча 1974 года и до настоящего времени неоднократно возобновлялись переговоры между греческой и турецкой общинами Кипра, проходившие в условиях турецкой оккупации северной части острова и фактического раздела его на две части. Каждая из сторон выступала с собственным текстом условий урегулирования кипрской проблемы, часто взаимоисключающих, противоречивших друг другу¹⁰. Переговоры, таким образом, не могли привести к какому-либо конкретному результату, способствовать выработке общей основы для справедливого и реального урегулирования. Нерешенность кипрской проблемы, как подчеркивается одним из ведущих ее исследователей, греческим киприотом, доктором философии П. Ванезисом, таит в себе опасность большой войны. Никакие прямые двусторонние переговоры между общинами не будут, по его мнению, иметь успеха. Гораздо более правильными, считает Ванезис, были бы международные переговоры с привлечением представителей стран НАТО, Варшавского Договора и неприсоединившихся стран. Основу же соглашения по Кипру должно составить уважение органического единства острова и прав разных этнических групп населения¹¹.

В этих условиях наиболее правильным путем решения кипрской проблемы, по признанию ряда государств

венных деятелей Республики Кипр, является реализация выдвинутых в свое время предложений Советского Союза о созыве представительной международной конференции по Кипру в рамках ООН¹².

Кипрскую ситуацию Бёртон считает «типичной» и для ряда других конфликтных ситуаций, в том числе для карибского кризиса, ближневосточного и индокитайского конфликтов. Однако оценивать эти ситуации намного сложнее, и автор пытается углубить и развить свои системные представления относительно процесса разрешения конфликта. Причины современных международных конфликтов коренятся, по Бёртону, в нарушении «взаимодействий» на локальном уровне, восстановление которых способствует разрешению конфликта. Именно на локальном уровне, как подчеркивает автор, эти «взаимодействия» являются самыми многочисленными, тесными и устойчивыми. В совокупности они образуют систему. Каждый конфликт представляет собой несколько разнорядковых систем конфликтных отношений.

Урегулирование конфликта, происходящее на более высоких уровнях конфликтных отношений и навязанное сторонам на локальном уровне, почти никогда не приводит, по мнению Бёртона, к восстановлению «взаимодействий» на низшем системном уровне, которое необходимо для разрешения конфликта. Именно поэтому Женевские соглашения 1954 года, как заключает автор, не смогли положить конец конфликту в Индокитае, который в 60-х годах разгорелся с новой силой. В то же время разрешение конфликта возможно посредством «процедур, которые гарантируют полный разрыв старых взаимодействий и ведут к построению новых систем взаимодействий»¹³. К таким процедурам Бёртон относит военное поражение одной из сторон на локальном уровне конфликта. Только в этом случае, согласно Бёртону, урегулирование, продиктованное с более высоких уровней, может привести к разрешению конфликта.

Таким образом, все усилия автора по разработке оригинального подхода к разрешению современных международных конфликтов, его, возможно, искреннее желание содействовать их искоренению из международной жизни оборачиваются либо нереальными рекомендациями отказаться от существующих современных средств и способов мирного разрешения и учредить особый арбитраж в составе ученых для установления «контролируе-

мой коммуникации» сторон, с помощью которой можно было бы организовать разбор спорных вопросов по существу и решить спор; либо оправданием военного решения того или иного конфликта, которое ведет к изменению структуры на локальном уровне, разрыву старых связей и созданию новых структур (в качестве классического примера такого решения автор называет разделение Кореи на две части).

В начале 70-х годов, как отмечает ряд советских исследователей, начинается новый этап в развитии международных конфликтов, который имеет свои особенности. Международные конфликты представляют собой ту сферу международной жизни, в которой правящие круги капиталистических стран особенно отчетливо ощущают, насколько сузились возможности прямого применения силы для достижения агрессивных целей империализма. Доказательство тому — поражение США во Вьетнаме, воспринятое в мире как общее поражение всех агрессивных сил. «... Победа Вьетнама показывает, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — насколько сузились в наши дни возможности империализма. Нет теперь таких средств, с помощью которых он мог бы повернуть историю вспять»¹⁴.

Опыт решения вьетнамской проблемы со всей очевидностью подтверждает, что при нынешнем соотношении сил на мировой арене, которое сложилось не в пользу империализма и явилось в конечном счете причиной поражения США во Вьетнаме, политическое урегулирование является для империализма единственным выходом из развязанных и спровоцированных им международных конфликтов. Другой альтернативы (в качестве таковой буржуазные ученые и политики выдвигают военное решение) нет.

Показательно, что, рассматривая различные причины, заставившие американское правительство вступить на путь разрядки, многие буржуазные исследователи единодушно признают в качестве важнейшей из них поражение во Вьетнаме. Историческая победа вьетнамского народа свидетельствует не об отдельной неудаче империалистической политики США, а фактически о несостоятельности всего послевоенного внешнеполитического курса Вашингтона, основанного на политике «с позиции силы». Все это создает объективные предпосылки для успешной борьбы социалистических стран, всего ми-

ролюбивого и прогрессивного человечества за исключение применения силы, и в первую очередь военной силы, или угрозы ее применения при решении всех межгосударственных споров и конфликтов.

Большинство буржуазных теоретиков конфликта, несмотря на стремление учитывать в своих работах требования современности, с трудом признают такую очевидную реальность нашего времени, как появление действительной возможности и условий для утверждения в международных отношениях принципа отказа от применения силы, а главное — для его последовательного проведения в жизнь всеми государствами.

Буржуазные авторы предлагают различные варианты постановки вопроса о разрешении конфликтов, например, «прекращение активного конфликта»¹⁵, «создание эффективного механизма управления кризисными ситуациями для ограничения конфликта»¹⁶, «перемещение интенсивности от большей враждебности к меньшей»¹⁷, «деэскалация напряженных конфликтных ситуаций»¹⁸ и т. п.

Такие предложения, как правило, не отличаются реалистическим подходом к проблеме разрешения международных конфликтов, связаны с заведомо недостижимыми условиями, например переустройством системы международных отношений на основе «наднациональной интеграции» (например, концепции К. Боулдинга, К. Дойча и др.). Безотносительно к субъективным намерениям авторов такие предложения и планы объективно имеют реакционный характер, так как они игнорируют существенные черты системы современных международных отношений, и в первую очередь факт существования государств с различным общественно-экономическим строем.

Почти каждый из исследователей разрабатывал свою концепцию «деэскалации» конфликта, но ни в одной из них вопрос о запрещении применения силы не был поставлен прямо и конкретно. Широкое применение в исследовании вопроса о путях и способах разрешения международного конфликта буржуазными авторами нашла, по признанию К. Дойча, концепция «стратегии деэскалации конфликта», разработанная американскими специалистами в области социологии и социальной психологии А. Этциони, Ч. Осгуда и М. Дойча¹⁹. Стратегия деэскалации основана на односторонних постепенных уступках государства, заинтересованного в смягчении конфликта,

которые оно предпринимает независимо от ответных действий противника. Посредством небольших постепенных уступок и демонстрации стремления к примирению можно, по мнению авторов этой концепции, вызвать желаемую реакцию другой стороны и затем, делая уже взаимные уступки, шаг за шагом прийти к улучшению отношений, снижению напряженности конфликта до безопасного уровня или даже к его перерастанию в сотрудничество и дружбу.

Заготовлены рецепты и на случай, если инициатива по «деэскалации» конфликта будет отвергнута противником: более миролюбивая сторона никоим образом не должна заниматься эскалацией конфликта, ей надо просто выжидать. В том же случае, когда противник будет атаковать ее, ей следует защищать свои интересы на существующем уровне враждебности и противостояния, но не прекращать поисков путей к примирению и предпринимать все новые и новые односторонние инициативы²⁰.

Если учесть, что основные современные международные конфликты развязаны империализмом против национально-освободительной борьбы народов и ведутся с его прямым или косвенным участием, то стратегия односторонних уступок, предлагаемая авторами, адресуется силам национального освобождения и народам, ставшим жертвой агрессии, так как именно они кровно заинтересованы в мире, но вынуждены обратиться к оружию, поскольку такая форма борьбы была им навязана империалистами.

Нереальность подобных рекомендаций, их бесперспективность вызывают критику даже со стороны отдельных более дальновидных буржуазных ученых. В частности, тот же К. Дойч, возглавляющий кафедру по исследованию проблем мира Гарвардского университета, отмечает, что полагаться на успех этой стратегии в условиях современной международно-политической ситуации бессмысленно²¹.

Несмотря на то что его собственный подход к проблеме разрешения международного конфликта в целом не отличается особым реализмом, отдельные оценки существующих средств разрешения конфликтов Дойчем носят вполне трезвый характер и свидетельствуют о том, что автор принадлежит к числу тех либеральных буржуазных ученых, которые выступают за признание в той или иной форме принципа мирного разрешения между-

народных конфликтов. В отличие от Галтунга и некоторых других представителей направления исследования проблем мира, Дойч видит путь к разрешению международных конфликтов не в конструировании абстрактных универсальных механизмов разрешения всех и всяких конфликтов вообще, а в применении и совершенствовании с помощью теоретических исследований уже выработанных в практике международного общения и доказавших свою жизнеспособность мирных средств и инструментов.

Однако мирное разрешение международных конфликтов, по мнению Дойча, должно служить достижению империалистических целей укрепления жизнеспособности системы капитализма на пути экономической и политической интеграции. Более отдаленные перспективы мирового развития представляются автору в духе известной теории «конвергенции» двух социально-экономических систем. Современный этап предполагает «смягчение антагонистических интересов» на международной арене, последующий — «укрепление гармонических интересов»²². Такое положение будет достигнуто посредством значительных внутренних и внешних социальных перемен, которые в большинстве государств глубоко затронут их политические структуры. «Однако эти перемены, — подчеркивает автор, — могут принести наибольший эффект в деле поддержания мира только при условии, если они исключают тотальную революцию...»²³.

Следовательно, в условиях, когда прямая апология насилия и войн как эффективных средств решения международных проблем не может иметь успеха, отдельные буржуазные теоретики, в данном случае Дойч, выдвигают на первый план идею распространения принципа мирного разрешения конфликтов на классовую борьбу внутри отдельных стран, на отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между колонизаторами и жертвами колониального гнета, на борьбу между буржуазной и социалистической идеологиями.

Отказываясь понять диалектику исторического развития, Дойч механически противопоставляет мир и социальную революцию. Мир в его построениях должен служить гарантией от революций в капиталистических и развивающихся странах. Иллюзорность такого мира, по-видимому, очевидна и для самого Дойча. Поэтому в его концепции определенное место отведено различного

рода буржуазным реформам, призванным «смягчить» социальные противоречия и способствовать установлению так называемого «классового мира» путем политической интеграции.

Современный этап развития мирового революционно-го процесса убедительно свидетельствует о том, что порождаемые объективными историческими причинами национально-освободительные, а также социальные революции продолжают неуклонно назревать и бурно развиваться. Установление прочного мира в отношениях между государствами, являясь настоящей необходимостью эпохи, благоприятствует положительному решению основных социальных проблем современности. Отношения мирного сосуществования между государствами, как указывается в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, не означают «ни сохранения социального и политического статус-кво, ни ослабления идеологической борьбы», способствуют «развитию классовой борьбы против империализма в национальном и всемирном масштабе»²⁴.

Таким образом, принцип мирного разрешения международных конфликтов, прямо вытекающий из ленинской теории мирного сосуществования государств с различным социальным строем, не имеет ничего общего с «классовым миром», и его осуществление не ведет к ликвидации антагонистических противоречий нашей эпохи. Он лишь предполагает отказ от применения насильственных и принудительных средств для решения конфликтов между государствами и в качестве альтернативы выдвигает целый комплекс средств и инструментов мирного разрешения международных проблем с помощью переговоров и некоторых других процедур.

Признание необходимости мирного разрешения международных конфликтов в работах буржуазных теоретиков чаще всего принимает форму малоубедительных заверений в их искреннем стремлении к миру и на деле выливается в поиски путей приспособления и использования мирных средств для извлечения наибольшей выгоды и преимуществ для империалистической внешней политики. Теоретические исследования в этой области обнаруживают две крайности. С одной стороны, это явно оторванные от реальной действительности абстрактные схемы или бесплодные утопии, уводящие в сторону от разрешения актуальных проблем международной жизни;

с другой стороны, — это сугубо эмпирические изыскания, претендующие на развитие «прикладной теории» управления международным конфликтом.

Первое направление нагляднее всего проявилось в рассмотренных выше работах И. Галтунга и Дж. Бёртона.

Второе характерно, например, для исследований группы авторов из Массачусетского технологического института и Мичиганского университета, разработавших под руководством Л. Блумфилда и А. Лейсс в тесном контакте с отдельными правительственными ведомствами и по их заданию технику анализа локальных конфликтов и их разрешения, необходимую для осуществления «стратегии управления конфликтом». Основными инструментами этой техники явились «динамическая структурная модель локального конфликта» и создаваемая поэтапно на основе этой модели система хранения и поиска информации по локальным конфликтам с применением ЭВМ²⁵. Цель исследования — создание лучших инструментов и средств планирования кризисных ситуаций с самого начала их развития; выработка способа сравнения вновь возникающих ситуаций с другими, имевшими место в прошлом, с целью обнаружения полезного для анализа сходства; создание общей теории или модели, способной помочь объяснению или предвидению кризисов; создание быстрого и удобного механизма получения необходимой информации²⁶.

Сама постановка вопроса о разрешении конфликта не лишена здравого смысла. Действительно, конфликты необходимо обнаруживать как можно раньше и прилагать все усилия для их разрешения, начиная с самых ранних стадий развития конфликта. И безусловно, органы по принятию решений нуждаются в технически оснащенной системе хранения и поиска информации, потребность в которой резко возрастает в периоды обострения конфликтных ситуаций. Но сама по себе информация, какой бы полной она ни была, мало что дает. Она является лишь «сырьем» для принятия решений. Научно обоснованные решения в той или иной конкретной конфликтной ситуации, направленные на урегулирование конфликта, принимаются на базе глубокого содержательного анализа лежащих в основе каждого конфликта причин, его движущих сил, совокупности существенных факторов, влияющих на развитие конфликта.

Авторы сознают, что возможности формализованной системы информации по локальным конфликтам довольно ограничены, так как она учитывает преимущественно количественные аспекты. Система не может заменить «человеческий опыт, суждение и интуицию, обеспечивающие важнейшие политические решения»²⁷. Она может служить лишь вспомогательным инструментом для органов по принятию внешнеполитических решений в конфликтных ситуациях, обобщая исторический опыт их разрешения и предлагая альтернативные варианты наиболее эффективных средств управления зарождающимися локальными конфликтами на основе сравнительного анализа.

Авторы понимают также, что для обращения с социальной информацией необходима серьезная теоретическая база, что при анализе вопросов разрешения конфликтов с помощью информационной системы неизбежно возникают проблемы методологического характера. В связи с этим они изучили всю современную американскую литературу по вопросам управления конфликтом, попытались обобщить системные представления таких ведущих буржуазных теоретиков конфликта, как К. Боулдинг, К. Райт и О. Янг. Модель динамики и управления локальным конфликтом, сконструированная Л. Блумфилдом и А. Лейсс в результате этих исследований, представляет собой, по их мнению, необходимую теоретическую схему для работы с информацией по локальным конфликтам, на основе которой принимаются решения в конфликтных ситуациях.

Работая в тесном контакте с правительственными ведомствами, сотрудники Центра международных исследований Массачусетского технологического института получили возможность изучить также и огромный опыт информационной работы, накопленный такими внешнеполитическими органами, как Агентство по контролю над вооружениями и разоружением, государственный департамент, аппарат совета национальной безопасности США, а также Организацией Объединенных Наций. Затем разработанная ими информационная система была проверена в действии этими ведомствами и Учебным и научно-исследовательским институтом ООН (ЮНИТАР). Она получила полное одобрение, и авторам было рекомендовано продолжить дальше работу над усовершенствованием системы. В начале 70-х годов система

содержала информацию о 52 послевоенных локальных конфликтах по 482 параметрам (факторам), распределенным между тремя фазами развития конфликта (спор — конфликт до начала военных действий — военные действия)²⁸.

Центральной идеей модели конфликта, позаимствованной авторами у К. Боулдинга, является, по их признанию, представление о конфликте как процессе, развертывающемся во времени и представляющем собой смену различных состояний ситуации, причем переход из одного состояния в другое имеет определенные закономерности. Но, в отличие от Боулдинга, Блумфилд и Лейсс утверждают, что конфликт можно уловить в самом начале его развития и воздействовать на него²⁹. Развивая далее представления Боулдинга о конфликте как процессе, Блумфилд и Лейсс обратились к работам тех буржуазных исследователей (К. Райт, О. Янг), которые изучают проблему стадий (фаз) развития конфликтного процесса и факторов, способствующих переходу от одной стадии к другой.

В итоге модель локального конфликта, представленная Л. Блумфилдом и А. Лейсс, базируется на следующих исходных предпосылках: локальные конфликты имеют общую структуру; все конфликты проходят в своем развитии через первую фазу — спор — и одну или более последующие фазы; конфликт есть последовательность фаз различной продолжительности; внутри каждой фазы существуют факторы — условия, события, восприятия, ситуации или отношения, — которые оказывают определенное воздействие на ход конфликта: одни факторы вызывают обострение конфликта и способствуют его переходу в следующую фазу развития, другие факторы, напротив, ведут к решению спора, лежащего в основе конфликта; на ход локального конфликта можно эффективно воздействовать с помощью политических мер, направленных на укрепление факторов, скрывающих развязывание военных действий и понижающих уровень насилия, и на сдерживание факторов, способствующих «интенсификации» конфликта³⁰.

В основе своей верное представление о взаимосвязи процессов разрешения конфликта с процессом его развития с момента зарождения конфликта, о необходимости принимать меры, направленные на разрешение первоначального спора, а также споров на любой стадии

развития конфликта, сводится к построению в общем довольно упрощенной схемы структуры конфликта или, по терминологии Блумфилда, «анатомии конфликта».

Конфликт и процесс его разрешения в высшей степени «субъективны» для Блумфилда, т. е. начинаются, по его схеме, с момента, когда стороны уже осознали факт существования между ними спора территориального, религиозного, этнического, идеологического и т. д. характера и предпринимают конкретные действия по его решению. При таком подходе не учитывается подлинная основа и предыстория конфликта — экономические, политические и иные противоречия, на почве которых возник и развивался конфликт и которые присутствуют на всех его фазах. Отказ от изучения объективных противоречий, являющихся движущей силой развития конфликта, приводит к тому, что в модели Блумфилда динамика конфликта представлена как механическое движение от фазы к фазе, нет диалектики перехода от одной фазы к другой, смены одной формы конфликтного процесса другой его формой.

Такая схема не может передать сложности реального развития борьбы и сотрудничества сторон в конфликте, их практических возможностей, различия их целей и стратегии, разнообразия применяемых ими мирных и военных средств, степени вовлеченности других участников в борьбу и сотрудничество в данном конфликте и, наконец, непосредственного развития вооруженного конфликта.

Однако, независимо от конечных целей исследования и от конкретного решения поставленных в его ходе задач, сама идея Блумфилда проанализировать с помощью ЭВМ большинство послевоенных локальных конфликтов, выявить и обобщить факторы, влияющие на их развитие, познать закономерности перехода от одной фазы развития конфликта к другой, рассмотреть комплекс приемлемых для каждой стадии мер по разрешению конфликта и помочь на этой основе ориентироваться во вновь возникающих конфликтных ситуациях заслуживает самого серьезного внимания.

Работа Блумфилда и его коллег представляет интерес еще и потому, что она особо выделяется как успешный во многом опыт соединения буржуазной науки, внешнеполитической практики и новейших технических достижений в области обработки международно-полити-

ческой информации при исследовании современных международных конфликтов и выработке новых форм политики в конфликтных ситуациях.

Обращение авторов к изучению механизма управления локальными конфликтами не случайно. В своем исследовании, хотелось им того или нет, они обобщили империалистическую практику создания кризисных ситуаций в «неустойчивой» зоне мира. Тот факт, что большинство послевоенных международных конфликтов разворачивалось территориально в Азии, Африке и Латинской Америке, использован ими для обнаружения «подлинных» истоков современных международных конфликтов, корнящихся якобы исключительно в территориальных, расовых, религиозных, правовых и т. д. спорах между развивающимися странами. Для того чтобы не дать этим спорам разрастись в опасные международные кризисные ситуации, с самого начала их зарождения, по мнению авторов, необходимо вмешательство США с целью управления развитием локальных конфликтов.

Не последнее место в арсенале эффективных средств такого «управления» принадлежит, с точки зрения Л. Блумфилда, военной силе. «Военная сила, — подчеркивает он, — остается критически важным элементом, который будет необходим для разрешения некоторых политических проблем до тех пор, пока не удастся значительно сократить вооружения, установить локальный баланс сил и проявить серьезное стремление к урегулированию крупных конфликтов»³¹.

Как показывает исторический опыт, различные территориальные, этнические и прочие конфликты, которые действительно имеют место в развивающихся странах, так и оставались в большинстве своем событиями локального значения, если в них не вмешивались империалистические державы.

Вместе с тем возрастающая «стоимость» американского вмешательства в локальные конфликты, сужающиеся возможности проведения агрессивной политики в результате новой расстановки сил на международной арене порождают стремление выработать новые формы более «экономичного» проведения Соединенными Штатами своего курса в кризисных ситуациях, приспособляться к реальности, лавировать и проявлять большую сдержанность в ходе разворачивания международных кризисов, идти в ряде случаев на компромиссы, избегать

вовлеченности в «ограниченные войны»³². Именно в свете этой тенденции во внешней политике современного империализма следует рассматривать исследования Л. Блумфилда и его коллег, разработавших «технику» управления конфликтом.

Точка зрения представителей либерально-пацифистского направления исследования проблем мира по вопросу об управлении конфликтом наиболее полно отражена в сборнике «Миротворчество. Руководство по разрешению конфликтов для частных лиц, групп и государств», вышедшем в 1976 году под редакцией профессора Сиракузского университета Барбары Стэнфорд³³.

«Исследования мира, — пишет Б. Стэнфорд, — ныне представляют собой поиск... путей ненасильственного разрешения конфликтов, без риска для жизни людей, во имя гуманности»³⁴. Следовательно, как заключает автор, основной целью исследования проблем мира является «миротворчество», т. е. эффективное управление конфликтами и их разрешение. Речь идет именно о разрешении конфликтов, подчеркивает далее автор, а не об их устранении из жизни, поскольку конфликты являются источником жизни, и их уничтожение означало бы уничтожение всякой жизни вообще³⁵.

Это высказывание Б. Стэнфорд перекликается с представлениями о конфликте М. Дойча, выступающего с позиций социально-психологического подхода к изучению конфликта³⁶. Конфликт, согласно Дойчу, предотвращает стагнацию, стимулирует интерес и любознательность, служит средством, с помощью которого можно ставить проблемы и приходить к их решению, представляет собой корень личных и социальных перемен. «К счастью, — заключает автор, — мы не стоим перед перспективой бесконфликтного существования. Конфликт не может быть ни изжит навечно, ни сдерживаться на протяжении долгого времени»³⁷. Основной вопрос, которому Дойч посвящает свои труды, — как предотвратить деструктивный конфликт. «Цель состоит не в том, — подчеркивает он, — чтобы устранить или предотвратить конфликт, а в том, чтобы найти способ сделать его продуктивным»³⁸.

В подобных рассуждениях проявляется свойственное буржуазной науке смешение понятий «конфликт» и «противоречие». В применении к международным отношениям это означает увековечение конфликтов в их самых

различных формах, включая войны. Исходя из существования конфликтов как раз и навсегда данного, буржуазные ученые отказываются от исследования причин возникновения, природы и характера международных конфликтов, их социального содержания. Буржуазные исследователи затушевывают главное в социальных конфликтах современности — объективную противоположность, борьбу классов как внутри капиталистических государств, так и на международной арене. «... Всякая историческая борьба, — писал Ф. Энгельс, — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»³⁹. Без познания этих коренных проблем практические результаты всяких исследований в области разрешения международных конфликтов будут заведомо ограниченными.

Однако разработка в рамках исследования проблем мира техники разрешения международных конфликтов представляет определенный познавательный интерес. Представителями этого направления предлагается техника разрешения конфликтов, состоящая из следующих основных методов: переговоры, установление и устранение различий в восприятии, ненасильственное прямое действие, модификация поведения.

Наиболее распространенным методом разрешения конфликтов как на уровне отдельных лиц и групп, так и государств являются переговоры. Известный американский юрист Дж. Ниренберг считает: «Переговоры представляют собой мероприятие, предполагающее сотрудничество, в котором преследуются общие интересы; переговоры — это бихейвиоральный процесс, а не игра; в хороших переговорах выигрывает каждый»⁴⁰. В отличие от целого ряда американских исследователей, рассматривающих переговоры как торг или игру (с точки зрения математической теории игр)⁴¹, Ниренберг на убедительных примерах показывает различие между тем и другим: основное различие, по его мнению, состоит в том, что целью переговоров является достижение соглашения, а не полная победа.

Представление о переговорах как мероприятии, предполагающем сотрудничество, по его мнению, вовсе не исключает соперничества. «Соперничество, которое позволяет стороне соизмерять свои возможности и средства с тем, что доступно другой стороне, и иметь соответствующее вознаграждение, — считает автор, — является на деле не чем иным, как победой сотрудничества»⁴². Существует, однако, опасность увлечения соперничеством. Многие переговоры, которые проводились в духе сильного соперничества и, казалось бы, завершались полной победой одной стороны, приводили в конце концов к самому нежелательному исходу, когда победитель терял все. История международных отношений изобилует такими примерами. Участникам переговоров необходимо знать, «когда следует остановиться» в выдвижении своих требований. Существует «критическая точка» в переговорах, за пределами которой реакция оппонента может стать неконтролируемой и деструктивной. «Для всех участников, — подчеркивает Ниренберг, — переговоры должны завершаться удовлетворением определенных потребностей»⁴³. Таким образом, владение техникой переговоров означает, в представлении Ниренберга, умение направлять расходящиеся интересы в каналы взаимных устремлений, и тогда участники переговоров постепенно придут к пониманию того, что они разделяют общие цели. Это есть идеальный итог любых переговоров.

Большое познавательное значение для международных имеет такой метод разрешения конфликтов, как ненасильственное прямое действие, которое применяется в случаях, когда одна из сторон отказывается от переговоров, выступает с позиции силы и ей выгодно продолжение конфликта. Как правило, техника ненасильственного разрешения конфликтов применяется в рабочем движении и в борьбе за гражданские права. Признанными теоретиками и организаторами ненасильственного сопротивления были Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг.

«Любая кампания ненасильственных действий, — писал Кинг, — предполагает четыре основных этапа: 1) собирание фактов, подтверждающих существование несправедливости; 2) переговоры; 3) самоочищение и 4) прямое действие». Целью прямого действия является создание кризисной ситуации, которая «помогает людям подняться из дремучих глубин предрассудков и расизма

к величественным высотам взаимопонимания и братства», а также «неизбежно открывает дверь к переговорам»⁴⁴.

Следующий метод разрешения конфликтов — модификация поведения — представляет собой «новую технику, разработанную психологами и другими представителями общественных наук, с помощью которой человек или группа людей могут изменить поведение других лиц посредством вознаграждения их за желаемое поведение»⁴⁵. Этот метод требует подготовки высококвалифицированных специалистов. По мнению Б. Стэнфорд, модификация поведения является многообещающим методом и в области разрешения международных конфликтов, тем более что в определенной степени этот метод используется и в переговорах, и в ненасильственном сопротивлении.

Небезынтересны рассуждения буржуазных авторов о проблеме агрессивного поведения и борьбы с ним. Потенциальная «склонность к насилию» определяется, по мнению некоторых исследователей, биологическими и психическими характеристиками человека. В духе буржуазной философии экзистенциализма Р. Мэй пытается доказать, например, что причины привлекательности войны для людей коренятся, во-первых, в «заманчивости крайней ситуации, когда в сражении рискуешь всем», и, во-вторых, в «притягательной силе ощущения себя частью огромной организации, которое освобождает человека от личной ответственности и вины»⁴⁶.

Философские и психологические корни агрессии рассматриваются английским психологом А. Сторром. По его мнению, агрессивность имеет жизненно важное значение для человека, подготавливает его к инстинктивной самообороне, генерирует в нем энергию, необходимую для его независимости и развития, а также для управления окружающей средой. Однако агрессивность не обязательно проявляется в форме насилия. Задача состоит в том, чтобы направить агрессивность на созидательные цели.

Одним из возможных путей решения этой задачи, как считает другой английский специалист М. Смит, является самоусовершенствование человека, стремление его к миру «внутри себя». Внутренние конфликты порождают враждебность по отношению к другим людям. Невозможно достичь мира в межличностных и даже меж-

дународных конфликтах, если у человека отсутствует внутренний покой. В качестве эффективной новой «психологической» техники достижения «внутреннего мира» автор рекомендует испытанное ею самой «трансцендентальное созерцание»⁴⁷.

Человеку, по мнению социопсихолога И. Эйбл-Эйбесфельдта, наряду с агрессивными инстинктами свойственны и миротворческие инстинкты. Основная идея автора заключается в том, что инстинктивная природа миротворчества является «более твердой основой для наших надежд на мирное сосуществование, чем если бы миротворчество было результатом нашего разума»⁴⁸.

Миротворческие инстинкты особенно сильно проявляются у людей на войне. «Огромное значение, которое придается военной пропаганде, — пишет автор, — показывает, насколько люди, предоставленные сами себе, склонны к мирным контактам»⁴⁹. Именно поэтому на войне издаются строгие приказы, запрещающие контакт с врагом даже после его поражения. «Братание» солдат на фронте является, по мнению автора, примером проявления миротворческих инстинктов человека.

В рассмотренных концепциях отсутствует исследование социально-экономических и политических истоков войн. Здание мира возводится на хрупкой основе миротворческих инстинктов, якобы присущих человеку, и сомнительных рекомендаций относительно «психологической» техники разрешения конфликтов. Таков итог применения буржуазными учеными бихейвиорального подхода к исследованию социальных конфликтов.

В буржуазной научной литературе немалое внимание уделяется проблеме применения силы и насилия в конфликтных ситуациях и в процессе их разрешения. Популярность такого традиционного средства империалистической внешней политики, как угроза и применение силы, объясняется его «эффективностью». В частности, Р. Барнет пишет: «... Применение или угроза применения насилия намного проще всех других методов общения с внешним миром. В век хорошо развитой смертоносной технологии требуется намного меньше времени для того чтобы убить человека, чем для того, чтобы изменить его мышление или свое собственное. Ненасильственное разрешение политической проблемы требует исключительной терпеливости, понимания и объективности.

А это как раз то, чего недостает политическому деятелю в силу самого характера его работы»⁵⁰.

При исследовании процесса управления международными конфликтами в буржуазной науке существенное значение придается личностным факторам. В названном выше сборнике высоко оценивается личный вклад бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера в «радикальные изменения в американской дипломатии — разрядку с Москвой, дружбу с Пекином, прогресс в урегулировании на Ближнем Востоке». Как подчеркивается в книге, «Киссинджер, по существу, разработал новый подход к дипломатии, складывающийся в основном из уверенности в собственных силах, обаяния, неиссякаемой энергии, юмора, где это уместно, и способности понимать то, что Киссинджер, в свою бытность ученым (что не исключено и в будущем), назвал „историческим процессом“»⁵¹.

Непосредственно проблемы международного конфликта и его разрешения рассматриваются в сборнике юристом-международником, профессором Гарвардского университета Р. Фишером. Он рассматривает конфликт с точки зрения принятия решений, а основу такого подхода составляет рассмотрение процессов внешнеполитического управления. Разрешение международного конфликта автор связывает с более широкой задачей «управления» конфликтной ситуацией, «осуществления воздействия на решения других сторон». Эффективность внешнеполитической деятельности, по его мнению, во многом определяется тем, сможет ли данное государство заставить других участников международных отношений принять угодные ему решения.

Набор предлагаемых Фишером средств управляющего воздействия на международные конфликты не ограничивается только угрозой силой. Наряду с такими фундаментальными работами по «угрозе силой в целях установления влияния», какой является, по мнению Фишера, книга Г. Кана⁵², необходимы детальные исследования более умелого манипулирования силой, включающего и другие элементы управления. Управляющее воздействие на конфликт предполагает, согласно Фишеру, комбинацию следующих элементов: «требование» — навязываемое решение; «предложение» — последствия для противника в случае принятия им данного решения; «угроза» — последствия для противника в случае его

отказа принять данное решение. Причем совокупность последствий принятия навязываемого решения должна быть более привлекательной для противника, чем последствия его отказа принять это решение⁵³.

Всегда следует иметь в виду, подчеркивает Фишер, восприятие противником всех названных элементов: что думает он о предлагаемом решении, о возможных последствиях этого решения, как оценивает он эти последствия? Именно представления противника о том, что для него важно, а не представления другой стороны о каких-то объективных стандартах, контролируют его поведение. То, что не имеет существенного значения для одной стороны, может оказаться очень важным для другой. «Какими бы иррациональными, с нашей точки зрения, ни были представления противника, с ними надо считаться, если мы хотим повлиять на его выбор. Наша задача, — пишет Фишер, — заключается в том, чтобы изменить его представления посредством такой аранжировки желаемых последствий, чтобы на основе общей привлекательности комбинации всех элементов схемы противник захотел принять данное решение»⁵⁴.

В реальной конфликтной ситуации часто нелегко определить объект управляющего воздействия. «Одной из причин частого предъявления нерезонных требований является то, что мы обращаемся не к той группе внутри страны, не к той стране и, возможно, не к той группе стран; а те, к кому мы обращаемся, не способны или не хотят принять необходимое нам решение»⁵⁵.

Еще одна ошибка при определении объекта может возникнуть, когда переоценивается единство политического органа, подлежащего управляющему воздействию. Необходимо, по мнению автора, внимательно изучать расстановку сил в органах, принимающих решения, и умело воздействовать на группы внутри них, представляющие различные интересы.

К основам эффективного управления Фишер относит умение четко определять и ограничивать цели. «В любом конфликте, — пишет он, — мы должны добиваться изменения ситуации посредством дробления проблем на части и точного определения каждой части проблемы, по которой мы добиваемся принятия решения нашего противника»⁵⁶. Преследование ограниченных целей приводит в итоге к разрешению больших проблем. Например, разработка специфических предложений по ограничению

конкретных видов вооружений принесла гораздо более ощутимые результаты, чем декларация требований всеобщего и полного разоружения. Первый успешный шаг в осуществлении управляющего воздействия создает необходимый психологический фон для предъявления более серьезных требований. «Но более важным, — подчеркивает автор, — является то, что дробление проблем заставляет нашего противника рассматривать каждое предложение не на широкой идеологической основе, а по его достоинствам»⁵⁷. Даже в рамках общей политической конфронтации можно добиться разрешения отдельных проблем.

В качестве других важных правил эффективного управления конфликтом Фишер рассматривает умение адресовать выгодное предложение тому, кто заинтересован в предлагаемом решении и способен принять такое решение, а также умение сделать предложение более привлекательным.

Анализ методов и техники разрешения конфликтно-кризисных ситуаций, разрабатываемых буржуазными авторами, независимо от того, какое из направлений современной буржуазной науки международных отношений они представляют, показывает, что на «стратегию управления конфликтом» возлагаются большие надежды — речь идет о спасении мировой капиталистической системы, укреплении ее жизнеспособности в противоборстве с основными революционными силами современности.

Однако дальновидное и эффективное воздействие на международно-политические процессы, в том числе и на развитие международных конфликтов и их разрешение (по терминологии буржуазных теоретиков это — «управление конфликтом»), возможно только на основе подлинно научной теории марксизма-ленинизма.

Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, глубже всех и правильнее всех видят суть и перспективу происходящих в мире процессов, делают из этого верные выводы для своей борьбы за интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм»⁵⁸.

Примером такого подхода является претворение в жизнь Программы мира и ставших ее органическим продолжением и развитием предложений о мерах дальней-

шего укрепления мира, углубления разрядки, обуздания гонки вооружений, выдвинутых XXVI съездом КПСС. «Мы и наши союзники, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — твердо убеждены в том, что существует возможность радикального, устойчивого оздоровления международного климата. Мы считаем, что может и должна быть создана новая система международных отношений, построенная на честном и последовательном, без всякой игры и двусмысленных маневров, соблюдении принципов суверенитета, невмешательства во внутренние дела, неукоснительного выполнения заключенных договоров и соглашений. Но, конечно, для этого нужен совсем другой подход, другие методы и, пожалуй, другая психология, нежели та, которая существовала ранее»⁵⁹.

Подход КПСС к международной действительности, к решению важнейших международно-политических проблем, и в первую очередь вопроса о войне и мире, соединяет в себе тщательный марксистско-ленинский научный анализ объективных тенденций и практическое воздействие на международно-политическое развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический анализ теоретических исследований международного конфликта буржуазными авторами, предпринятый в данной работе, показал, что эволюция и современное состояние буржуазной науки международных отношений во многом определяются внешнеполитической практикой империалистических государств. В свою очередь внешнеполитическая стратегия и тактика современного империализма испытывают в известных пределах влияние идей, теорий и концепций буржуазной науки относительно основных процессов, происходящих в системе международных отношений в послевоенный период. По-своему реагируя на изменения в соотношении сил двух систем, империализм проводит мобилизацию всех своих средств, включая научные, которые можно было бы противопоставить социализму, использовать в борьбе с ним и с помощью которых можно было бы оказывать более эффективное воздействие на развитие мировых социальных процессов.

Интенсивные теоретические исследования буржуазных ученых в области международного конфликта на основе системного анализа, ведущиеся на протяжении последних 20 лет, принесли некоторые практические результаты в организации внешнеполитической работы в капиталистических странах. В частности, в США реализована система мер, направленных на модернизацию всего механизма осуществления «кризисной политики» с учетом разработок теоретиков международного конфликта, предпринята попытка упорядочить процесс принятия внешнеполитических решений в кризисных ситуациях, опираясь на современные принципы системного подхода и достижения научно-технической революции. В совете национальной безопасности США, государственном де-

партаменте и ряде других правительственных ведомств для управления кризисными ситуациями довольно успешно используется, например, система информации по локальным конфликтам, в основу которой положена рассмотренная в монографии «структурная модель динамики конфликта» Л. Блумфилда и А. Лейсс.

Конкретные факты международной действительности, выявленные буржуазными авторами в ходе исследований тех или иных конфликтов, обнаруженные ими некоторые объективные закономерности функционирования конфликта как своеобразной социальной системы, а также отдельные методики и приемы их анализа представляют определенный интерес для критического подхода при марксистском исследовании международного конфликта. Соотнесение рассмотренных концепций международного конфликта с внешнеполитической практикой империалистических государств, и в первую очередь США, показывает, что эти концепции оказали определенное воздействие на мышление правящих кругов этих государств, поступили на вооружение внешней политики современного империализма. Многие компоненты рассмотренных теорий, концепций, представлений буржуазных исследователей относительно управления конфликтно-кризисными ситуациями стали также важной составной частью идеологического наступления буржуазной пропагандистской службы.

При этом, по-видимому, следует избегать недооценки того рационального, что создано буржуазными учеными в области исследования международного конфликта. В. И. Ленин учил подходить к «рациональному» в буржуазной науке таким образом, чтобы, используя все действительно ценное, четко понимать ее идеологические и политические установки, уметь их выявлять и разбивать. «Задача марксистов, — писал В. И. Ленин, — и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»... и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться со *всею линией* враждебных нам сил и классов»¹.

Повышенный интерес к теории конфликта, поиски более надежной «научной» методологической основы исследований свидетельствуют о стремлении буржуазной науки преодолеть состояние глубокого кризиса. Однако буржуазная наука все сильнее обнаруживает неспособность

выполнить это свое назначение. Несмотря на поиски новых методов анализа, на разработку и широкое применение на практике новейших приемов управляющего воздействия на международные отношения, включая попытки формулирования «стратегии управления конфликтом», на фальсификацию и извращение марксистско-ленинского подхода к решению проблемы войны и мира и политики мирного сосуществования, буржуазная общественно-политическая мысль не может противопоставить марксизму никакой сколько-нибудь серьезной научной теории общественного развития. Стремление отдельных специалистов представить в качестве такой теории «общую теорию конфликта» оказалось полностью несостоятельным.

Все попытки буржуазной науки укрепить позиции капитализма в идеологической борьбе с социализмом, обеспечить ему победу с помощью различных псевдонаучных теоретических схем и концепций остаются бесплодными. «Буржуазные учения и школы, — подчеркивается в Программе КПСС, — не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы»². Эта характеристика общего состояния современной буржуазной науки с полным основанием может быть отнесена и к теоретическим исследованиям буржуазных авторов в области международного конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Введение

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 247.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 348.
- ⁴ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 42—43.
- ⁵ Common Sense in U. S. — Soviet Relations. Wash., 1978. p. 18—19.
- ⁶ Ibid., p. 19.
- ⁷ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 29.
- ⁸ Правда, 1980, 7 ноябр.
- ⁹ См. The Atlantic, 1980, June.
- ¹⁰ См. International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory. N. Y., 1969, p. 301.
- ¹¹ См. Whetten L. Contemporary American Foreign Policy. Minimal Diplomacy, Defensive Strategy and Détente Management. Lexington. — Mass., 1974, p. 289—296.
- ¹² См. Ball G. The Discipline of Power. N. Y., 1967; Ball G. Diplomacy for a Crowded World. An American Foreign Policy. Boston, 1976; Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in Technotronic Era. N. Y., 1970; Brzezinski Z. America in a Hostile World. — Foreign Policy, 1976, No 23.
- ¹³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 73.
- ¹⁴ См. Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965; Шабад Б. А. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. М., 1969.
- ¹⁵ См. Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. М., 1976; Международные конфликты. Под ред. В. В. Журкина, Е. М. Примакова. М., 1972; Проблемы войны и мира. Критика современных социально-философских концепций. М., 1967; Социологические проблемы современных международных отношений. М., 1970; Дмитриев А. В. Политическая социология в США. Л., 1971; Ермоленко Д. В. Социология и проблемы международных отношений. М., 1977; Каренин А. Философия политического насилия. Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М., 1971; Келин В. Н. Внешняя политика и идеология. М., 1969; Кокошин А. А. О буржуазных прогнозах развития международных отношений. М., 1978; Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций 1945—1976. М., 1977; Кулагин В. М. «Реализм» против антикоммунизма. М., 1967; Петровская Л. А. Критика новейшей апологетики империализма. М., 1970.

- ¹⁶ См. соответствующий раздел библиографии к данной работе.
- ¹⁷ См. **Арбатов Г. А.** Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; **Гантман В. И., Микоян С. А.** США: государство, политика, выборы. М., 1969; **Журкин В. В.** США и международно-политические кризисы. М., 1975; **Иванова И. М.** Концепция «атлантического сообщества» во внешней политике США. М., 1973; **Иноземцев Н. Н.** Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; **Иноземцев Н. Н.** Современный капитализм; новые явления и противоречия. М., 1972; **Лебедев Н. И.** СССР в мировой политике. 1917—1980. М., 1980 **Мельников Ю. М.** Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; **Томашевский Д. Г.** Ленинские идеи и международные отношения. М., 1971; **Примаков Е. М.** Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
- ¹⁸ См. **Международные конфликты.** М., 1972.
- ¹⁹ См. **Поздняков Э. А.** Системный подход и международные отношения. М., 1976.
- ²⁰ См. **Morgenthau H.** Politics Among Nations. N. Y., 1967; **Morgenthau H.** A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1969; **Morgenthau H.** Truth and Power. N. Y., 1970; **Ball J.** The Discipline of Power: Essentials of a Modern World Structure. Boston, 1968; **Buchan A.** Change Without War: the Shifting Structures of World Power. L., 1974; **Frankel J.** International Politics: Conflict and Harmony. L., 1969; **Frankel J.** International Relations: Issues of Focus and Method. — International Affairs, 1975, July, vol. 51, No 3; **Kennan G.** Memoirs, 1925—1950. Boston, 1967; **Kennan G.** Memoirs, 1950—1963. Boston, 1972; **Kintner W.** Peace and Strategy Conflict. N. Y., 1968; **Said A., Lerche Ch.** Concepts of International Politics. N. Y., 1965; **Shulman M.** Toward a Western Philosophy of Coexistence. — Foreign Affairs, 1973, October, vol. 52, No 1; **Yost Ch.** The Insecurity of Nations. N. Y., 1968
- ²¹ См. **Brams S.** Game Theory and Politics. N. Y., 1975; **Boulding K.** Conflict and Defense. A General Theory. N. Y., 1962; **Boulding K.** The Meaning of the Twentieth Century. The Great Transition. N. Y., 1965; **Boulding K.** Stable Peace. Austin (Texas), 1978; **Deutch M.** The Resolution of Conflict. Constructive and Destructive Processes. New Haven, 1973; **Galtung J.** Some Implications for Development, Conflict and Peace Theory. — Peace Research in Japan, 1970. Tokyo, 1971; **Galtung J.** Institutionalized Conflict Resolution — Journal of Peace Research, 1964, No 4; **Galtung J.** The Middle East and the Theory of Conflict. — Journal of Peace Research, 1971, No 3—4; **Kaplan M.** New Approaches to International Relations. N. Y., 1968; **McClelland.** Theory and International System. N. Y., 1966; **Rapoport A.** Fights, Games and Debates. Ann Arbor, 1960; **Rapoport A.** Conflict in Man — Made Environment. Baltimore, 1974; **Rosencranze R.** Détente or Entente? — Foreign Affairs, 1975, April, vol. 53, No 3; **Russett B.** Power and Community in World Politics. N. Y., 1974; **Sterling W.** Macropolitics; International Relations in a Global Society. N. Y., 1974; **Wright Q.** A Study of War. Chi., 1942, vol. I—II; **Wright Q.** The Study of International Relations. N. Y., 1955; **Weltman J.** Systems Theory in International Relations. Lexington, 1973.
- ²² См. **Shelling T.** The Strategy of Conflict. N. Y., 1968; **Burton J.** Conflict and Communication. The Use of Controlled Communication in

- International Relations. L., 1969; **Burton G.** International Relations; The General Theory. Cambr., 1965.
- ²³ См. **Bloomfield L., Leiss A.** Controlling Small Wars. A Strategy for the 1970's. Boston, 1970; **Bloomfield R.** CASCON: Computer — Aided System for Handling Information on Local Conflicts. Cambr., 1969; **Brecher M.** Studies in Crisis Behavior. N. Y., 1979; **Choucri N., North R.** Nations in Conflict. N. Y., 1975; **Crozier B.** Strategy of Survival. N. Y., 1978; **Crozier B.** A Theory of Conflict. N. Y., 1975; **Ficher R.** International Conflict for Beginners. N. Y., 1970; **Hailey E., Snyder L.** The Lebanon in Crisis. Syracuse (N. Y.), 1979; **Howard M.** Restraints on War. N. Y., 1979; **Luard E.** Conflict and Peace in the Modern International System. Boston, 1968; **Midlarsky M.** On War. Political Violence in the International System. N. Y., 1975; **Young O.** The Intermediaries. Third Parties in International Crises. Princeton, 1967.
- ²⁴ **Frankel J.** International Relations: Issues of Focus and Method, International Affairs, 1975, July, vol. 51, No 3, p. 389.
- ²⁵ См. **Kahn H.** On Thermonuclear War. Princeton, 1960; **Kahn H.** On Escalation. Metaphors and Scenarios. N. Y., 1965; **Kahn H.** Thinking About the Unthinkable. N. Y., 1968; **Brodie B.** War and Politics. N. Y., 1973; **Collins J.** Grand Strategy. Principles and Practices. Annapolis, 1974; **Halperin M.** Defense Strategies for the Seventies. Boston, 1971; **Halperin M.** Bureaucratic Politics and Foreign Policy. W., 1974; **Snyder G.** Deterrence and Defense. Princeton, 1961; **Knorr K.** On the Uses of Military Power in the Nuclear Age. Princeton, 1966; **Knorr K.** Military Power and Potential. Lexington, 1970; **Knorr K., Trager F.** Economic Issues and National Security. Kansas, 1978; **Kissinger H.** The Necessity for Choice. N. Y., 1961; **Kissinger H.** The World Restored. N. Y., 1964; **Kissinger H.** American Foreign Policy. N. Y., 1969; **Kissinger H.** Three Essays on American Foreign Policy. N. Y., 1970; **Киссинджер Г.** Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1960; **Osgood R., Tucker R.** Force, Order and Justice. Baltimore, 1967; **Осгуд Р.** Ограниченная война. М., 1960; **George A., Smoke R.** Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. N. Y., 1974; **Baldwin H.** The Use of Power. N. Y., 1976; **Speed R.** Strategic Deterrence in the 1980. Stanford, 1979; **Cleave W., Thompson S.** (eds.) Strategic Options for the Early Eighties: What Can Be Done? N. Y., 1979.
- ²⁶ Р. Осгуд, например, писал: «Ограниченная война создает максимальные возможности для эффективного использования военной силы как рационального оружия национальной политики» (Осгуд Р. Ограниченная война, с. 54—55).
- ²⁷ **Holsti O.** Crisis, Escalation, War. Montreal, 1972; **Holsti O., Hopmann P., Sullivan J.** Unity and Disintegration in International Alliances. Comparative Studies. N. Y., 1973; **Falk R.** (ed.) The Vietnam War and International Law. Princeton, 1968; **Falk R.** Legal Order in a Violent World. Princeton, 1968; **Falk R.** The Status of Law in International Society. Princeton, 1970; **Falk R.** Study of Future World. A Program of the World Order Models Project. N. Y., 1975; **Falk R., Mendlovitz S.** (eds.) Regional Politics and World Order. N. Y., 1973; **Mendlovitz S.** (ed.) On the Creation of a Just World Order. N. Y., 1975; **Stanford B.** (ed.) Peacemaking: A Guide to Conflict Resolution for Individuals, Groups and Nations. N. Y., 1976; **Hoffmann S.** Primacy of World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. N. Y., 1978.

Часть первая

- ¹ См. **Bloomfield L., Beattie R. with Mandel R., Moulton A. and Spear J.** CASCON: Computer-Aided System for Handling Information on Local Conflicts. User's Manual. Cambridge, Mass., 1971.
- ² **Dougherty J. and Pfaltzgraff R.** Contending Theories of International Relations. N. Y., 1971, p. 138.

Глава 1

- ¹ См. **Fink K.** Some Conceptional Difficulties in the Theory of Social Conflict. — The Journal of Conflict Resolution, 1968, vol. XII, No 4.
- ² Американские исследователи Дж. Догерти и Р. Пфальцграфф считают, что «конфликт отличается от напряженности, или трений («tensions») постольку, поскольку последние обычно предполагают скрытую враждебность, страх, подозрение, осознанное расхождение интересов и, возможно, стремление к доминированию или реваншу, но это не обязательно выходит за рамки отношений или восприятий, ведущих к действительной, открытой оппозиции или взаимным усилиям разгромить друг друга. Трения часто предшествуют конфликту или сопровождают его развязывание, но это не то же самое, что и конфликт, они не всегда несовместимы с сотрудничеством. «Причины» трений, возможно, наиболее близки к «причинам» конфликта, и по мере того, как трения становятся все более существенными, они сами по себе могут стать «причиной» возникновения конфликта, поскольку влияют на процесс принятия решений» (**Dougherty J., Pfaltzgraff R.** Op. cit., p. 139).
- ³ **Fink K.** Op. cit., p. 416.
К числу основоположников общей теории конфликта в буржуазной научной литературе относят американского социолога Л. Козера. В его книге «Функции социального конфликта», вышедшей в 1956 году, конфликт определяется как «борьба за ценности и право на определенный статус, обладание мощью и ресурсами, в которой цели оппонентов состоят в нейтрализации, нанесении ущерба или устранении соперника» (**Cozer L.** The Functions of Social Conflict. Glencoe, 1956, p. 3).
- ⁴ **Fink K.** Op. cit., p. 456.
- ⁵ Ibid., p. 456.
- ⁶ **Boulding K.** Conflict and Defense. A General Theory. N. Y., 1962, p. 5.
- ⁷ Подход Боулдинга к определению понятия конфликта разделяют, например, авторы книги «Конкурирующие теории международных отношений» Дж. Догерти и Р. Пфальцграфф: «Термин «конфликт», — пишут они, — обычно относится к ситуации, в которой одна определенная группа людей (племя, этническая, лингвистическая или какая-либо другая группа) находится в сознательной оппозиции по отношению к (одной или более) другим группам, поскольку эти группы преследуют несовместимые цели (действительные или кажущиеся).» (**Dougherty J., Pfaltzgraff R.** Op. cit., p. 139).
- ⁸ **Boulding K.** Conflict and Defense. A General Theory, p. 249.
- ⁹ **Wright Q.** The Study of International Relations, p. 241.
Обычно происхождение слова «конкуренция» выводят из латин-

ского «concurrere», что означает «сталкиваться». В данном случае некоторыми буржуазными авторами было предложено рассматривать «конкуренцию» (по английски «competition») как производное от латинского «competere», обозначающего «вместе искать». Слово же «конфликт», происшедшее от латинского «confligere», значит «сталкиваться», «приходить в столкновение».

¹⁰ **Rapoport A.** Conflict in Man-Made Environment. Baltimore, 1974, p. 179—180.

¹¹ **Deutsch M.** The Resolution of Conflict. Constructive and Destructive Processes. New Haven, Yale Univ. Press, 1973, p. 10.

¹² Под конфликтом подразумевается нечто большее, чем просто конкуренция. Люди могут конкурировать друг с другом в поисках недостающих ресурсов, не подозревая даже о существовании соперника или же не препятствуя ему в достижении тех же целей. Конкуренция перерастает в конфликт, когда стороны пытаются укрепить свои позиции за счет ослабления позиций соперников, помешать им в достижении поставленных целей, устранить «от дел» или даже уничтожить их. Конфликт может быть насильственным или ненасильственным (с точки зрения применения физической силы), доминантным или рецессивным, контролируемым или неконтролируемым, разрешимым или неразрешимым.

¹³ Об отличии конфликта от конкуренции см., например, **Dougherty J., Pfaltzgraff R.** Op. cit., p. 139.

¹⁴ Буржуазные социологи расходятся в постановке вопроса о том, следует ли рассматривать конфликт как нечто рациональное, конструктивное и функциональное или же иррациональное, патологическое и дисфункциональное. Первое характерно, по признанию Дж. Догерти и Р. Пфальцграфа, для социологов и антропологов (за исключением последователей Парсонса), которые подчеркивают конструктивные цели конфликта, поскольку он способствует установлению границ между социальными общностями, укреплению группового самосознания, социальной интеграции и экономического развития. Второе — для многих психологов и социопсихологов, юристов и философов (**Dougherty J., Pfaltzgraff R.** Op. cit., p. 143).

¹⁵ См., например **Coser L.** The Function of Social Conflict; **Simmel G.** Conflict., N. Y., 1955; **Wright Q.** A Study of War. 2 vols., Chi., 1942.

¹⁶ См. **Wright Q.** A Study of War, p. 250—254.

¹⁷ Ibid., p. 370.

¹⁸ **Wright Q.** A Study of War, 2-nd ed. Chi., 1965, p. 1530—1531.

¹⁹ **Deutsch M.** A Psychological Approach to International Conflict. — **Sperazzo G.** (ed.). Psychology and International Relations. Wash., 1965; **Deutsch M.** The Resolution of Conflict. New Haven, 1973.

О психологическом и социально-психологическом объяснении международных конфликтов см. также Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976, с. 346—355. Об анализе и критике общих идейных представлений буржуазии, из которых она исходит при формировании политических концепций «равновесия» и «конфликта», см. **Лёве Б. П.** Классовая борьба или социальный конфликт? М., 1976.

²⁰ **Deutsch M.** The Resolution of Conflict, p. 10.

²¹ Ibid. p. 17.

²² **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 21, с. 259.

²³ **Dahrendorf R.** Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1959, p. 135.

- ²⁴ Frankel J. International Relations. N. Y., 1964, p. 90.
 - ²⁵ Ibid.
 - ²⁶ Frankel J. International Politics. Conflict and Harmony. L., 1969.
 - ²⁷ Burton J. Conflict and Communication. The Use of Controlled Communication in International Relations. L., 1969, p. IX.
 - ²⁸ Burton J. Systems, States, Diplomacy and Rules. L., 1968, p. 83.
 - ²⁹ Richardson R. J. et al. Analysis of Recent Conflicts, p. 14.
 - ³⁰ См. Mack R. R., Snyder R. C. The Analysis of Social Conflict — Toward an Overview and Synthesis. — The Journal of Conflict Resolution, 1957, vol. 1, No 2, p. 212—213.
 - ³¹ Wright Q. Escalation of International Conflict. — The Journal of Conflict Resolution, 1965, vol. IX, No. 4, p. 435.
 - ³² Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 55.
 - ³³ Большая Советская Энциклопедия дает следующее определение: «Конфликт — столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе» (БСЭ, изд. 3-е, т. 13, с. 84). Другие справочные издания, как правило, дают определения, аналогичные приведенным из «Философской энциклопедии» и БСЭ (например, МСЭ, Энциклопедический словарь, словарь русского языка С. И. Ожегова).
- В определении конфликта, данном в БСЭ, хотя и предпринимается попытка установить функциональное содержание «конфликта», в отличие от определения в «Философской энциклопедии», упускается из виду необходимая связь с понятием «противоречие», в связи с чем представляется неверной одна из формулировок, определяющая конфликт как «спор, приводящий к борьбе». Создается впечатление, что «борьба» имеет место лишь в противоречии, доведенном до конфликта, в то время как «борьба» в качестве элемента «единства и борьбы противоположностей» является содержанием любого диалектического противоречия, а следовательно, и конфликта как «случая обострения противоречия».

Помимо этого, приведенные в справочных изданиях определения не отвечают на вопрос о том, как именно происходит «обострение противоречия» до конфликта, в чем заключается «столкновение противоположных интересов» и т. д.

- ³⁴ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 286.
- ³⁵ Особенностью социальных противоречий (в том числе и в международной жизни), обострение которых может приводить к конфликту противоположностей, является то, что они преломляются в сознании людей и отображаются во взаимодействии участников общественных отношений (в международных отношениях это прежде всего государства).

Ввиду того что участники международного общения обладают возможностью управления происходящими в системе международных отношений процессами, они могут в ряде случаев сознательно устанавливать тот или иной способ взаимодействия, разрешая или обостряя при этом лежащие в основе взаимодействия противоречия и сводя их к той или иной форме. Государства как основные участники социального взаимодействия на международной арене в процессе разрешения существующих между ними противоречий действуют таким образом, чтобы обеспечить свои интересы. В отношении противоположной стороны предпринимаются при этом определенные «противодействия», которые в одних случаях направ-

лены на обеспечение возможностей собственного развития без уменьшения возможностей противоположной стороны, в других случаях — на нанесение противоположной стороне ущерба с целью обеспечения за ее счет собственных интересов. Первое предполагает такие способы взаимодействия, как сотрудничество и соревнование (сосуществование), второе — как конкуренция и конфликт (противоборство). Определение понятия конфликта должно учитывать как необходимые признаки или условия конфликта — действия, причиняющие ущерб противоположной стороне, так и его отличительные признаки — открытое проявление этих действий (в отличие от конкуренции, когда стороны действуют преимущественно косвенным образом).

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.

³⁷ В советской научной литературе определение международного конфликта было дано В. И. Гантманом. (Международные конфликты, с. 41—42) и В. В. Журкиным. (Журкин В. В. США и международно-политические кризисы, с. 13—14).

Глава 2

¹ Lieber R. Theory and World Politics. Cambr., 1972, p. 120.

² Более подробно об этом см. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.

³ См. Klineberg O. Tensions Affecting International Understanding. N. Y., 1950; Ficher R. (ed.) International Conflict and Behavioral Science: The Craigvill Papers. N. Y., 1954; Kelman H. (ed.). International Behavior. A Social-Psychological Analysis. N. Y., 1965; Singer J. (ed.) Human Behaviors and International Politics; Contributions from the Social—Psychological Sciences. Chi., 1965; Frank J. Sanity and Survival. Psychological Aspects of War and Peace. N. Y., 1967; Stagner R. Psychological Aspects of International Conflict. N. Y., 1969.

⁴ Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965, с. 210.

⁵ К. Райт (1890—1970 гг.) — стоял у истоков американской буржуазной науки о международных отношениях. Оценивая вклад его исследований в развитие этой науки, А. Клод отмечал: «Вряд ли можно назвать какие-либо достижения в академическом изучении международных отношений на протяжении жизни последнего поколения, которые не были бы в определенной степени стимулированы работами Куинси Райта» (Claude I. L. The Heritage of Quincy Wright. — The Journal of Conflict Resolution. 1970, vol. XIV, No. 4, p. 461).

В методологическом плане К. Райт разработал новый, «научный» подход к исследованию международных отношений. М. Каплан назвал его «крестным отцом» модернистского направления (Kaplan M. A. (ed.) New Approaches to International Relations. N. Y., 1968, p. V).

⁶ Wright Q. The Study of International Relations, p. 534.

⁷ См. Wright Q. The Study of International Relations, p. 550.

⁸ Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, с. 107.

⁹ См. Wright Q. Escalation of International Conflict, p. 441—442.

¹⁰ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 227.

- ⁴¹ В последнее время в буржуазной науке сложилось целое направление — «экономические теории международных отношений». Международный конфликт в этих теориях анализируется с позиций так называемой «теории олигополии», изучающей процессы конкурентной борьбы между ограниченным количеством фирм (Stigler G. A Theory of Oligopoly. Russett B. (ed.) Economic Theories of International Politics. Chi., 1968; Knorr K. Power and Wealth: The Political Economy of International Power. L., 1973; Knorr K., Trager F. (eds.) Economic Issues and National Security. Kansas, 1978).
- ¹² Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 2.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Понятие «границы возможностей» автор вводит для определения рамок тех позиций или состояний, которые может занимать или принимать сторона в конфликте. Граница эта определяется различными физическими, психологическими, правовыми, финансовыми и т. п. ограничениями (Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 8—99).
- ¹⁵ См. Boulding K. The Image: Knowledge in Life and Society. N. Y., 1956.
- ¹⁶ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 25.
- ¹⁷ Л. Ричардсон — английский математик. Стремился с помощью математических формул показать процесс взаимодействия сторон в конфликте на примере гонки вооружений (Richardson L. Arms and Insecurity. A Mathematical Study of the Causes and Origins of War. L., 1960).
- ¹⁸ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 25.
- ¹⁹ Rummel R. A Field Theory of Social Action with Application to Conflict within Nations. — General Systems Yearbook, 1965, vol. 10, p. 184. См. также Rummel R. Indicators of Cross — National and International Patterns. — American Political Science Review, 1969, March, vol. 63.
- ²⁰ См. Rummel R. Some Empirical Findings of Nations and Their Behavior — World Politics, 1969, January, vol. XXI, No. 2.
- ²¹ В проекте «DON» с помощью факторного анализа исследовалась система «объективных», имеющих количественную измеримость показателей («индикаторов»), определяющих координаты «социального поля». Помимо названных работ, см. также Rummel R. Dimensions of Conflict Behaviour within and between Nations. — The Journal of Conflict Resolutions, 1966, vol. 10, No. 1; Rummel R. Dimensions of Diadic War, 1810—1952. — The Journal of Conflict Resolution, 1967, vol. 11, No. 2.
- ²² Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 58.
- ²³ Ibid., p. 59.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.
- ²⁵ Там же, с. 349.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 622.
- ²⁸ Wright A. The Study of International Relations, p. 241.
- ²⁹ Sprout H., Sprout M. The Ecological Perspective of Human Affairs with Special Reference to International Politics. Princeton, 1965, p. 208.
- ³⁰ Rapoport A. Conflict in Man-Made Environment, p. 70.
- ³¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 7—384.
- ³² Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 4.

- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.
- ³⁴ Parsons T., Shils E. A. Toward a General Theory of Action. Cambr., 1951, p. 173.
- ³⁵ Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М., 1976, с. 84—85.
- ³⁶ Сэв Л. О структурализме. — Проблемы мира и социализма, 1971, № 6, с. 79.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.
- ³⁸ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 9.
- ³⁹ Rapoport A. Conflict in Man-Made Environment, p. 70.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.
- ⁴¹ Поздняков Э. А. Указ. соч., с. 111.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- ⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.
- ⁴⁴ Morgenthau H. Dilemmas of Politics. Chi., 1958, p. 178. О фиксированном и переменном содержании «национального интереса» см. также Dougherty J. Pfaltzgraff R. Op. cit., p. 31.
- ⁴⁵ Поздняков Э. А. Указ. соч., с. 121.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.
- ⁴⁸ Kintner W., Foster R. (eds.) National Strategy in a Decade of Change. An Emerging U. S. Policy. Lexington, 1973, p. 7.

Глава 3

- ¹ См. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. N. Y., 1928, p. 327.
- ² См. Chase S. Road to Agreement. N. Y., 1951, p. 31.
- ³ См. Le-Vine R. A. Anthropology and the Study of Conflict: Introduction. — Journal of Conflict Resolution, 1965, vol. V, No. 1, p. 4—5.
- ⁴ См. Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 110—113.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 711.
- ⁶ Там же, с. 731.
- ⁷ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 225.
- ⁸ Ibid., p. 229.
- ⁹ См. Boulding K. The Meaning of the Twentieth Century. The Great Transition. N. Y., 1965.
- ¹⁰ Boulding K. Conflict and Defense. A. General Theory, p. 229.
- ¹¹ Galtung J. Institutionalized Conflict Resolution. — Journal of Peace Research, 1965, No. 4, p. 348.
- ¹² Galtung J. Some Implications for Development, Conflict and Peace Theory. — Peace Research in Japan, 1970. Tokyo, 1971, p. 87—95.
- ¹³ См. Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 115.
- ¹⁴ См. Rapoport A. Fights, Games and Debates.
- ¹⁵ Ibid., p. 11—12.
- ¹⁶ Fink K. Op. cit., p. 426.
- ¹⁷ См. Deutsch K. The Analyses of International Relations. Englewood Cliefs, N. J., 1968, p. 112—113.
- ¹⁸ Rapoport A. Can Peace Research be Applied? — The Journal of Conflict Resolution, 1970, vol. XIV, No. 12, p. 276.
- ¹⁹ Международные конфликты, с. 38.
- ²⁰ Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 523.
- ²¹ См. Wright Q. A Study of War; Changes in the Conception of War.—

- American Journal of International Law, 1924, vol. 18; How Hostilities Have Ended. — The Annals of the American Academy of Social and Political Science, 1970, Nov., vol. 392; **Haas M.** Societal Approaches to the Study of War. — Journal of Peace Research, 1965, No. 4; **Finlay D., Holsti O., Fagen R.** Enemies in Politics. Chi., 1967.
- ²² **Carrol B.** War Termination and Conflict Theory: Value Premises, Theories and Politics. — The Annals, 1970, Nov., vol. 392, p. 17.
- ²³ **См. Holsti K.** Resolving International Conflicts. — The Journal of Conflict Resolution, 1966, vol. X, No. 3, p. 272—296.
- ²⁴ Ibid., p. 273.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Правда, 1975, 2 авг.
- ²⁸ Правда, 1976, 30 июля.
- ²⁹ **Said A., Lерche Ch.** Concepts of International Politics. N. Y., 1965, p. 145.
- ³⁰ Ibid., p. 144.
- ³¹ Ibid., p. 146.
- ³² Ibid., p. 150.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ **См. Поздняков Э. А.** Указ. соч., с. 38.
- ³⁵ Материалы XXV съезда КПСС, с. 33.
- ³⁶ «В самом общем плане узлы противоречий можно определить с системно-структурной точки зрения как относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обостренностью отношений и конфликтностью, нестабильностью» (**Поздняков Э. А.** Указ. соч., с. 62).
- ³⁷ **Luard E.** Conflict and Peace in the Modern International System. Boston, 1968, p. 57.
- ³⁸ **См. Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 26, с. 145.
- ³⁹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 49, с. 118.
- ⁴⁰ Там же, с. 287.
- ⁴¹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 26, с. 321.
- ⁴² **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 30, с. 86—87.
- ⁴³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 27, с. 373.
- ⁴⁴ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 34, с. 365.
- ⁴⁵ **См. Международные конфликты**, гл. II.
- ⁴⁶ **См. Томашевский Д. Г.** Ленинские идеи и современные международные отношения. М., 1971, с. 30—31.
- ⁴⁷ **См. Гантман В. И.** Типы, содержание, структура и фазы развития международного конфликта. — В кн.: Международные конфликты, с. 36.
- ⁴⁸ Там же, с. 34—36.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ **См. Ермоленко Д. В.** Социология и проблемы международных отношений, гл. IV. М., 1977.
- ⁵¹ Там же, с. 194—195.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ **См. Журкин В. В.** Природа и характер современных международных конфликтов. — В кн.: Международные конфликты, с. 13—15.

Часть вторая

- ¹ Kahn H., Brown W., Martel L. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N. Y., 1976, p. 4.
- ² Характеристика методологических основ и сущности современной науки буржуазного управления содержится в следующих работах советских авторов: Дейнеко О. А. Методологические проблемы науки управления производством. М., 1970; Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972; Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973; Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1974; Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975; Американские буржуазные теории управления. М., 1978.
- ³ По отдельным подсчетам, в мире существует более 80 исследовательских центров, занимающихся данной проблематикой (см. Höglund B., Ulrich J. (eds) Conflict Control and Conflict Resolution. Copenhagen, 1972, p. 178).
- ⁴ См. Drucker P. The Practice of Management. N. Y., 1954.
- ⁵ См. Mockler R. Situational Theory of Management. — Harvard Business Review, 1971, No. 3, p. 154.
- ⁶ Исследованию информационных аспектов внешнеполитического управления, в том числе в области международных конфликтов, посвящена книга советского автора: Николаев Д. Информация в системе международных отношений. М., 1978.
- ⁷ В духе идей буржуазного менеджмента дается определение политики американскими политологами Дж. Элсуортом и А. Стэнке. «В самом широком смысле, — пишут они, — политика может быть определена как управление социальным конфликтом. Как таковая, она представляет собой социальную функцию, которая обеспечивает общественный порядок и спокойствие, контролируя конкурентную борьбу за ценности» (Ellsworth J., Stahnke A. Politics and Political Systems. An Introduction to Political Science. N. Y., 1976, p. 5—6).
- ⁸ Time, 1979, Jan. 15, p. 15—16.
- ⁹ В условиях действия стихийного механизма упорядочивающее, регулирующее воздействие на социальную систему является усредненным результатом столкновения, переплетения, перекрещивания различных, нередко противоречащих друг другу сил, массы случайных единичных актов, когда экономические и социальные законы общественного развития не осознаются людьми, не находятся под их контролем и зачастую действуют с разрушительной силой природных стихий, приводят к совершенно неожиданным результатам (см. Афанасьев В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972, с. 39—40).
- ¹⁰ Иноземцев Н. Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972, с. 18.
- ¹¹ См. Правда, 1980, 16 мая.
- ¹² Financial Times, 1980, Sept. 19.
- ¹³ Time, 1980, Oct. 6.
- ¹⁴ Newsday, 1980, Nov. 17.
- ¹⁵ Правда, 1981, 24 февр.
Рассматривая сложности урегулирования ирано-иракского конфликта и оправдывая империалистическое вмешательство во внутренние дела государств Аравийского полуострова, лондонский журнал «Миддл Ист» писал, что в разгаре войны «сразу же были по-

- забыты все разговоры о способности самих арабских государств обеспечить безопасность района Персидского залива. Теперь хорошо видно, как мало могут сделать исламские страны в решении проблем, возникающих между ними» (The Middle East, 1980, Nov.).
- ¹⁶ Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. Изд. 3-е, доп. М., 1978, с. 287.
- ¹⁷ Коммунист, 1980, № 1.
- ¹⁸ Правда, 1978, 24 нояб.
- ¹⁹ Bloomfield L., Leiss A. Controlling Small Wars: A Strategy for the 1970's. N. Y., 1969, p. XII.

Глава 1

- ¹ Galtung J. Institutionalized Conflict Resolution. — Journal of Peace Research, 1964, No. 4, p. 350.
- ² Ibid., p. 351.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.
- ⁴ Galtung J. Institutionalized Conflict Resolution, p. 351.
- ⁵ Ibid., p. 353—354.
- ⁶ Galtung J. The Middle East and Theory of Conflict. — Journal of Peace Research, 1971, No. 3—4, p. 173—199.
- ⁷ См. Galtung J. Institutionalized Conflict Resolution, p. 382.
- ⁸ Марксистский анализ процесса разрешения международного конфликта не может ограничиться формальным описанием простого его развертывания во времени, изменений в структуре конфликта, тесно связан с развитием самого конфликта, качественным изменением его содержания и структуры в ходе этого развития. Разрешение международного конфликта — это не просто произвольная, стихийная смена одного состояния конфликтной системы другим, в котором устраняется «несовместимость» целей участников конфликта с помощью самых различных средств, включая насильственное завоевание, угрозу, шантаж и даже физическое уничтожение (как это допускают буржуазные специалисты по разрешению конфликта), а вполне сознательная настойчивая борьба миролюбивых сил за разрешение международного конфликта мирными средствами на любой стадии его развития, на всех уровнях конфликтных отношений вовлеченных сторон.
- ⁹ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory, p. 250—253.
- ¹⁰ Ibid., p. 307.
- ¹¹ Boulding K. Introduction to the Special Review of Conflict Resolution. — The Journal of Conflict Resolution, 1968, vol. XII, No 4, p. 410.
- ¹² United States Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States, February 1972. Wash., 1972, p. 51.
- ¹³ Lockhart Ch. Bargaining in International Conflicts. N. Y., 1979, p. 103.
- ¹⁴ United States Foreign Policy for the 1970's, p. 78.
- ¹⁵ Young O. The Intermediaries. Princeton, 1967, p. 209.
- ¹⁶ Одним из наиболее значительных итогов войны 1973 года было, как признает американский исследователь Н. Сафран, «новое проявление арабской солидарности», которая отсутствовала во время войны 1967 года. Другой, еще более отличительной чертой явилось использование арабами «нефтяного оружия» при активном участии

- Саудовской Аравии (см. **Moore J.** (ed.) *The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents*. Princeton, 1977, p. 373—374).
- ¹⁷ См. doc. OON PCME/PV. 21 Dec. 1973, p. 6.
- ¹⁸ Так, в одном из исследований группы специалистов по внешней политике из Института Брукинга разрабатывались рекомендации относительно перехода США к политике всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке вместо поэтапного подхода. Доклад лег в основу политики новой администрации, а некоторые члены группы стали внешнеполитическими советниками Картера (см. *The U. S. News and World Report*, 1978, Sept. 25).
- ¹⁹ См. Правда, 1977, 2 окт.
- ²⁰ Бесперспективность сепаратного решения арабо-израильского конфликта признавалась многими трезво мыслящими специалистами и политическими деятелями Запада. Председатель исследовательского совета Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне У. Лакер подчеркивал, в частности, что такое решение «не приведет к установлению мира и стабильности в регионе», а скорее даст толчок к усилению и обострению других спорных вопросов, которые составляют «подводную часть ближневосточного айсберга» (см. **Udovitch A.** (ed.). *The Middle East: Oil, Conflict and Hope. Critical Choices for Americans*. Lexington, 1976, p. 260—265).
- ²¹ В своем выступлении перед Трехсторонней комиссией в октябре 1977 года помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский открыто заявил, что администрация США, «опираясь на договоренности, достигнутые предшествующей администрацией путем поэтапного урегулирования, стремилась способствовать кристаллизации умеренных требований арабов и таким образом сделать возможными прямые переговоры между участниками конфликта» (см. *Dialogue*, vol. 11, 1978, No 2, p. 55).
- ²² Ближневосточная дипломатия президента Картера получила высокую оценку бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера. По его мнению, она является верной, поскольку представляет собой стратегию поэтапного разрешения конфликта. «Я всегда считал, — подчеркивал Киссинджер, — что всеобщее урегулирование по Женевской формуле, согласно которой Советский Союз является сопредседателем, дало бы в руки радикалов право вето. Это не способствовало бы разрешению конфликта, а завело бы его в тупик и сделало бы новую вспышку на Ближнем Востоке более вероятной» (*Newsweek*, 1978, Dec. 11).
- ²³ *The Newsday*, 1980, Nov. 17.
- ²⁴ Правда, 1978, 23 сент.
- ²⁵ Правда, 1980, 29 нояб.
- ²⁶ *Foreign Affairs*, 1980, vol. 53, No 3, p. 540.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 540—541.
- ²⁸ «Большая стратегия, — пишет директор Института военно-стратегических исследований США Дж. Коллинз, — это искусство и наука использования элементов национальной мощи при любых обстоятельствах с тем, чтобы осуществлять в должной мере и желательной форме воздействие на противную сторону путем угроз, силы, косвенного давления, дипломатии, хитрости и других возможных способов для обеспечения интересов и достижения целей национальной безопасности» (**Collins J.** *Grand Strategy. Principles and Practices*. Annapolis, 1974, p. 40).

- ²⁹ Atwater E., Forster K., Pribyla J. World Tensions. Conflict and Accommodation. N. Y., 1967, p. 13.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Gluckmann A. Le discours de la guerre. P., 1974, p. 47. См. также Crozier B. A Theory of Conflict. N. Y., 1975.
- ³² Томашевский Д. Г. Указ. соч., с. 175.
- ³³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 59.

Глава 2

- ¹ См. Burton J. Conflict and Communication. The Use of Controlled Communication in International Relations. L., 1969.
- ² Ibid., p. 235—236.
- ³ В соответствии с основными положениями этого соглашения Англия сохраняла на территории острова «на вечные времена» свои военные базы Республика Кипр связывалась военным союзом с Грецией и Турцией, которые получали право разместить на острове свои воинские контингенты; Англия, Греция и Турция провозглашались «гарантами» независимости Республики.
- ⁴ В качестве «временной меры» США и Англия требовали размещения вооруженных сил НАТО на Кипре и создания в Лондоне «международного комитета», который, по существу, подменил бы законное кипрское правительство. Однако кипрское правительство отвергло все эти требования и обратилось в Совет Безопасности ООН с просьбой принять действенные меры к обеспечению независимости и территориальной целостности страны.
- ⁵ Суть этого плана сводилась к объединению Кипра с Грецией, кроме его северо-восточной части, которая должна была стать военной базой Турции. Такое решение поставило бы Кипр под полный контроль НАТО, укрепив его восточный фланг.
- ⁶ В соответствии с «планом Астарпи» («Молния») предполагалось спровоцировать вооруженные столкновения между кипрскими греками и турками и, пользуясь тем, что правительство будет занято урегулированием этого конфликта, с помощью специальных ударных групп под командованием греческих офицеров свергнуть президента Макариоса и передать власть генералу Гривасу или любому прогрессивному и пронаатовскому марионеточному правительству, которое не стало бы возражать против прямого раздела острова.
- ⁷ «Стратеги Пентагона, несомненно, хотели бы, — писал известный американский журналист Дж. Рассел, — чтобы Греция и Турция контролировали этот остров, урегулировали свои межобщинные разногласия на Кипре и позволили использовать его в качестве базы НАТО, но эту точку зрения не разделяют президент Макариос, русские и ООН» (The New York Times, 1974, July 17).
- ⁸ См. Правда, 1974, 23 авг.
- ⁹ См. Новое время, 1979, № 1, с. 10.
- ¹⁰ Основным принципом будущего устройства кипрского государства, согласно предложениям греческой стороны, должны быть единство и неделимость территории Республики Кипр; присоединение всего Кипра или части его к другому государству, равно как и сепаратистская независимость одной из его частей или раздел, полностью исключаются. Конституция Республики Кипр должна предусматривать создание федеративного государства; число предста-

вителей обеих национальностей страны в федеральных органах государства должно быть пропорционально численности представляемого ими населения; размеры территории, которая будет находиться под администрацией турок-киприотов в рамках Федеративной Республики Кипр, не должны превышать 20% общей территории страны. Эти предложения предусматривают формирование сильного центрального правительства, способного обеспечить единство страны; оно должно вести вопросы обороны, внешней политики, пользования портами, финансов и иммиграционной политики.

Основные принципы государственного устройства Кипра, предлагаемые турецкой стороной, сводятся к следующему. Должна быть создана федерация двух фактически независимых государств со слабым центральным правительством, по существу, не наделенным реальной властью, в котором оба эти карликовые государства будут иметь равное представительство; это правительство будет представлять собой некое «двойственное правление». Каждая из двух частей такой «федерации» будет сама управлять своими внутренними делами и отвечать за свою «безопасность». По существу, речь идет о создании двух равноправных администраций, двух отдельных географических районов.

¹¹ См. Time, 1980, May 29; Vanezis P. Cyprus. The Unifished Agony. L., 1977, p. 102—103.

¹² См. Правда, 1977, 15 июня.

¹³ Burton J. Op. cit., p. 19.

¹⁴ Правда, 1973, 31 янв.

¹⁵ См. Langhloim S. Violent Conflict Resolution and the Loser's Reaction. — Journal of Peace Research, 1965, No. 4.

¹⁶ См. Luard E. Conflict and Peace in the Modern International System. Boston, 1968, p. 320.

¹⁷ См. Finlay D., Holsti O., Fagen R. Enemies in Politics. Chi., 1967, p. 5.

¹⁸ См. Deutsch K. The Analyses of International Relations, p. 151.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Та же самая идея лежит в основе «дилеммы заключенного», экспериментальная модель поведения которого создана А. Рапопортом. См. Rapoport A. Prospects for Experimental Games. — Journal of Conflict Resolution, 1968, No 4, v. XII, p. 461—470

²¹ См. Deutsch K. The Analyses of International Relations, p. 147.

²² Ibid., p. 153.

²³ Ibid., p. 154.

²⁴ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г., с. 317.

²⁵ См. Blumfield L., Beattie R. et al. CASCON: Computer-Aided System for Handling Information on Local Conflicts. Cambridge, 1969, Bloomfield L., Leiss A. Controlling Small Wars: A Strategy for the 1970's. Boston, 1970.

²⁶ См. Bloomfield L., Beattie R. Computers and Policy — Making. The CASCON Experiment. — The Journal of Conflict Resolution, vol. XV, No 1, 1971, p. 34.

²⁷ Ibid., p. 39

²⁸ Предусматривается, что в дальнейшем система будет включать все пять фаз развития конфликта, содержащиеся в модели Л. Блумфилда и А. Лейсс: спор — начало конфликта без применения военных действий — военные действия — конфликт после окончания

- военных действий — продолжение спора. Решение спора, лежащего в основе конфликта, рассматривается авторами в качестве перво-степенной задачи на любой фазе (см. **Bloomfield L., Beattie R.** Computers and Policy-Making. The CASCON Experiment, p. 37).
- ²⁹ **Боулдинг**, напротив, считает, что «стороны часто допускают развитие конфликтных ситуаций в почти неуправляемых пропорциях прежде, чем что-либо будет предпринято по отношению к ним. И тогда, как это бывает чаще всего, слишком поздно разрешить их с помощью мирных или процедурных средств». И далее он отмечает, что уловить конфликты в зародыше почти невозможно, так как «нельзя иметь дело с невидимками» (**Boulding K.** Conflict and Defense, A General Theory, p. 325).
- ³⁰ См. **Bloomfield L., Leiss A.** Op. cit., p. 13. **Bloomfield L., Beattie R.** Computers and Policy-Making, p. 36.
- ³¹ **Bloomfield L.** In Search of American Foreign Policy. The Humane Use of Power. N. Y., 1974, p. 138.
- ³² Под «ограниченными войнами», согласно определению Л. Блумфилда, подразумеваются «малые войны или потенциально военные столкновения внутри или между государствами, исключая великие державы» (**Bloomfield L., Beattie R.** Computers and Policy-Making, p. 34).
- ³³ **Stanford B.** (ed.) Peacemaking. A Guide to Conflict Resolution for Individuals, Groups and Nations. N. Y., 1976.
- ³⁴ Ibid., p. 11.
- ³⁵ Ibid., p. 15.
- ³⁶ **Deutsch M.** A Psychological Approach to International Conflict. In: **Sperazzo G.** (ed.). Psychology and International Relations. Wash., 1965; **Deutsch M.** The Resolution of Conflict. New-Haven, 1973.
- ³⁷ **Deutsch M.** The Resolution of Conflict, p. 10.
- ³⁸ Ibid., p. 17.
- ³⁹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 21, с. 259.
- ⁴⁰ **Stanford B.** (ed.) Op. cit., p. 17.
- ⁴¹ См., например, **Shelling T.** The Strategy of Conflict. N. Y., 1968.
- ⁴² **Stanford B.** (ed.) Op. cit., p. 42.
- ⁴³ Ibid., p. 46.
- ⁴⁴ Ibid., p. 91, 92.
- «Ненасильственное сопротивление» все больше приковывает внимание исследователей, занятых поисками альтернативы войне как средству разрешения международных конфликтов. «Ненасильственное сопротивление, — пишут американские исследователи Марион и Лео Бресслер, — как средство находится пока на стадии эксперимента. В то время как человечество прибегает к насилию как главному средству решения споров с самого начала своей истории, ненасильственное сопротивление было эффективно использовано лишь несколько раз» (**Bressler B., Bressler L.** Peace or War. Can Humanity Make the Choice? Englewood Cliffs, 1977, p. 96).
- ⁴⁵ **Stanford B.** (ed.) Op. cit., p. 126.
- ⁴⁶ Ibid., p. 154.
- ⁴⁷ Ibid., p. 173—175.
- ⁴⁸ Ibid., p. 176.
- ⁴⁹ Ibid., p. 181.
- ⁵⁰ Ibid., p. 324.
- ⁵¹ Ibid., p. 140, 141.

⁵² **Kahn H.** On Escalation. Mataphors and Scenarios.

⁵³ **Stanford B.** (ed) Op. cit., p. 52—53.

⁵⁴ Ibid., p. 54.

⁵⁵ Ibid., p. 56.

⁵⁶ Ibid., p. 58.

⁵⁷ Ibid., p. 59.

⁵⁸ Правда, 1981, 24 февр.

⁵⁹ Правда, 1973, 20 сент.

Заклучение

¹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1976, с. 51.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Часть первая.</i> Методологические основы буржуазных исследований международного конфликта	18
Глава 1. Понятие международного конфликта. Противоречие и конфликт	19
Глава 2. Разработка системного подхода. «Общая теория конфликта»	35
Глава 3. Типология и классификация международных конфликтов	58
<i>Часть вторая.</i> Проблема управления международными конфликтами и кризисами	94
Глава 1. Теоретические представления об управлении конфликтом и практика «кризисного управления» на Ближнем Востоке	108
Глава 2. Изучение конкретных способов и средств разрешения конфликтно-кризисных ситуаций	134
Заключение	161
Библиографический указатель	164

Надежда Ивановна Доронина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ.
О БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ КОНФЛИКТ
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редактор *М. Ю. Ситнина*

Художественный редактор *В. В. Сурков*

Технический редактор *Т. С. Орешкова*

Корректор *Г. Х. Саакян*

ИБ № 549

Сдано в набор 29.12.80. Подписано в печать 16.06.81. А 11376. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,66.
Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1348.
Цена 70 коп. Изд. № 186—И/80.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, д. 20

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7.

Доронина Н. И.

Д69 **Международный конфликт: О буржуазных теориях конфликта. Критический анализ методологии исследований.— М.: Междунар. отношения, 1981.— 184 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).**

Автор дает критический анализ буржуазных теорий международного конфликта, рассматривает представления западных ученых об управлении конфликтно-кризисными ситуациями. Некоторые из этих вопросов рассматриваются в советской литературе впервые. Автор вводит в научный оборот ряд не использованных ранее материалов.

Для специалистов в области международных отношений и других отраслей общественных наук.

Д **11105—044**
003(01)—81 9—81 0804000000

ББК 66.4(08)

В н и м а н и ю
научных и практических работников
в области международных отношений,
лекторов, студентов,
пропагандистов-международников,
читателей, интересующихся
актуальными проблемами современности!

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

вышла в свет новая книга:

Чиркин В. Е. Буржуазная политология и действительность развивающихся стран (критика концепции «политической модернизации»), 184 с. 1 руб.

Книга посвящена актуальной проблеме современности — выбору освободившимися от колониализма странами путей своего дальнейшего развития. Как отмечалось в материалах XXVI съезда КПСС, роль развивающихся стран в современных международных отношениях продолжает возрастать. Поэтому вопрос о направлении развития этих стран — капиталистическом пути или социалистической ориентации — имеет сегодня первостепенное значение.

Апологиеты империализма используют различные методы и средства с целью направить эти страны по пути капиталистического развития. Наряду с экономическим, политическим и военным давлением используются методы идеологического воздействия. Одним из них является концепция «политической модернизации». Разоблачению этой концепции, показу ее несостоятельности на фактах политической жизни развивающихся стран посвящена книга доктора юридических наук, заведующего сектором развивающихся стран Института государства и права Академии наук В. Е. Чиркина.

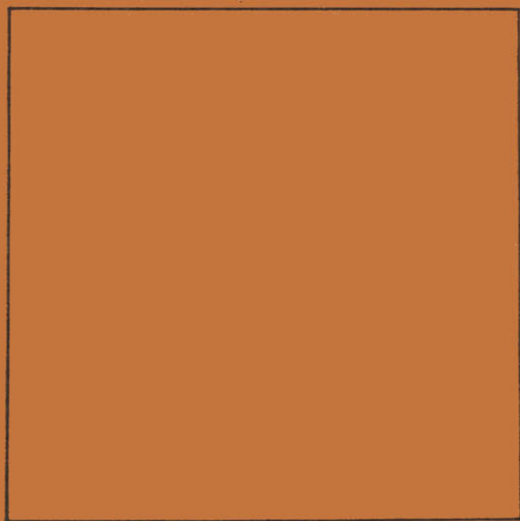
Эту книгу можно приобрести в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

Иногородным покупателям книга может быть выслана наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 127540, Москва, Дубнинская ул., 16-а, Магазин «Книга-почтой».

70 коп.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА